

84(3)

Ш 41

И (Англ) 36808
 ШЧІ Шекспир
 Избр. сочинения.
 том I 9руб.

141: Виздана

36808.

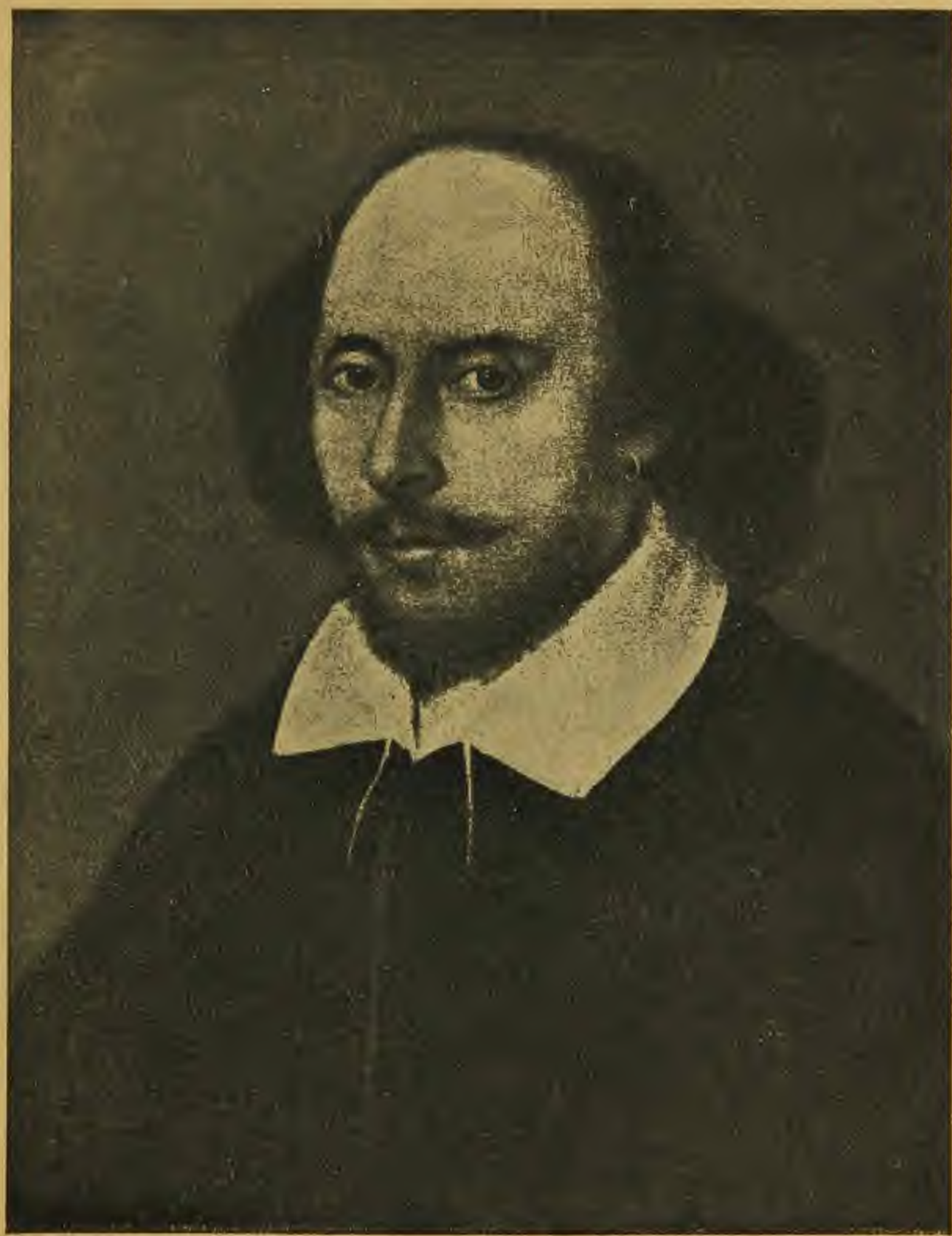

~~Библиотека~~
 СОБРАНИЕ
 Отдел хранения

а а

*Подбор иллюстраций Н. Петровой.
Переплет В. Дворяковского.*

Шекспир

(Национальная портретная галлерей в Лондоне).

Стретфорд на Эвоне.

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ШЕКСПИРА

I

«ВОЗРОЖДЕНИЕ» И АНГЛИЯ ВРЕМЕН ШЕКСПИРА

Время, когда жил и писал Шекспир, было весьма замечательным в истории не только Англии, его родины, но и всей Европы.

Начиная с XIV века в Италии (которая была в эту пору наиболее передовой страной), а в XVI веке и во всех остальных странах Европы произошли очень большие перемены в хозяйственной жизни, в общественных отношениях и в системе государственного управления.

Старые, феодальные учреждения и обычаи распатывались, заменялись новыми, характерными для той ранней стадии капитализма, которая называется периодом первоначального накопления. Наряду с дворянами начинают выдвигаться горожане — купцы и первые мануфактуристы. Впервые возникают национальные государства, правители которых, обуздав крупных феодалов, нарушавших единство и порядок жизни страны, вводят систему твердой единоличной власти — абсолютизм.

Это — пора великих географических открытий (Америки, пути в Индию вокруг Африки). Развивается торговля с далекими странами, зарождается колониальная политика. Во вновь завоеванных колониальных странах завоеватели ради наживы спаивают и обращают в рабство целые племена. В Европе (особенно в Англии) помещики массами сгоняют крестьян с их земель и обращают эти земли в пастбища для очень доходного в те времена разведения овец ради шерсти. Предприниматели добиваются от правительства выгодного для них «рабочего законодательства», позволявшего им высасывать последние соки из обездоленных крестьян, вынужденных работать на мануфактурах.

Неся с собой ужасные формы эксплуатации немущих классов, закабаление народа во имя принципов буржуазной собственности, «первоначальное накопление» способствовало, вместе с тем, ликвидации предшествующих, не менее ужасных феодальных форм эксплуатации и закабаления, мешавших дальнейшему развитию производительных сил, и этим оно сыграло свою положительную историческую роль.

Фактом огромного значения было освобождение человеческого ума от наивных, суеверных средневековых преданий об устройстве мира, о природе и назначении человека, об организации общества, которые проповедывались церковью. Коперником и Галилеем было впервые доказано, что Земля вращается вокруг Солнца, а не Солнце вокруг Земли, как учила католическая церковь. Были открыты основные физические законы. Начала проникать в сознание мысль о том, что судьба отдельных людей и народов определяется не «божьей волей» или «влиянием небесных светил», а конкретными причинами, волею и способностью самих людей, совокупностью реальных обстоятельств.

Это великое умственное движение, распространившееся в XVI веке по всей Европе, называется «Возрождением». Энгельс сказал про него, что «это был величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством». Один историк удачно определил Возрождение как «открытие мира и человека».

Передовые люди эпохи Возрождения — философы, ученые, художники, писатели, решая всякие нравственные и общественные вопросы, старались прежде всего понять истинную природу человека и вставали на защиту естественных прав и потребностей

человека, всячески подавлявшихся. Именно поэтому они называются гуманистами (латинское слово «homo» — «гомо» — человек).

Конечно, не все гуманисты обладали одинаковым уровнем знаний и просвещенности и не все были одинаково последовательны в своих идеях. У многих из них, наряду с очень смелыми и передовыми мыслями, можно найти еще немало старых предрассудков. Но в целом всех гуманистов воодушевляло стремление к умственному и нравственному прогрессу. Гуманисты стремились привить людям новые нравственные и философские представления, реформировать общество в духе идей справедливости и свободы, перевоспитать человечество, создать новую жизнь, построенную на началах дружеского единения всех людей, великодушия, истинной человечности. Эти идеалы составляют главное содержание творчества великих писателей XVI века — Томаса Мора, Эразма Роттердамского, Рабле, Шекспира, Сервантеса. Поэтому их произведения отличаются глубокой правдивостью и реализмом.

Таких гуманистов в общем была только горсточка, и им приходилось бороться с основной массой общества, среди которого еще господствовали средневековые понятия и обычаи. Идеалы гуманистов были неосуществимы на деле и имели утопический характер. Многие гуманисты отлично сознавали это. Поэтому, хотя в основном их творчество носит бодрый, жизнерадостный характер и полно чувства любви и доверия к жизни и человечеству, у них нередко проступает тон глубокой горечи, разочарования, пессимизма. Это особенно сильно чувствуется в двух самых великих и знаменитых образах, созданных писателями Возрождения, — в образах Дон-Кихота и Гамлета.

Таково было состояние общества и умственные течения эпохи Возрождения, которую с удивительной силой и глубиной отразил в своих произведениях Шекспир.

Познакомимся теперь с жизнью Англии того времени, с обстановкой, в которой вырос Шекспир и созрел его гений.

Во второй половине XV века в Англии разыгралась последняя из тех междоусобных феодальных войн, которые так типичны для средневековья. Она носит название войны Алой и Белой

Розы — оттого, что из двух ветвей королевского дома, боровшихся между собой за престол, Ланкастеров и Йорков, первые имели в своем гербе изображение белой, вторые — алой розы.

В сущности дело сводилось к борьбе двух этих аристократических групп. Основная масса городского и деревенского населения оставалась равнодушной к ходу этой кровопролитной войны, которую вело почти исключительно рыцарство. Война окончилась победой Йорков.

Война Алой и Белой Розы имела большое значение для истории Англии: это была последняя вспышка феодальной анархии, после чего утвердилась крепкая центральная власть, обеспечившая необходимые условия для дальнейшего хозяйственного и культурного развития страны. В эту войну было почти поголовно истреблено старое родовитое дворянство, и его земли перешли к отдаленным родственникам этих фамилий и буржуазии, которая, богатея, скупала в большом количестве бывшие дворянские имения. Таким образом создается новое английское дворянство, которое, в отличие от дворянства других стран Европы этого времени, в значительной степени «обуржуазивается», принимает активное участие в буржуазном развитии страны.

Эти исторически прогрессивные тенденции нашли опору в политике новой династии Тюдоров, приведших к повиновению остатки старой аристократии и всячески покровительствовавших развитию промышленности и торговли.

Первый представитель этой династии, Генрих VII, был настоящим основателем английского абсолютизма. Он наполнил палату лордов и тайный совет, взамен старых аристократов, новыми, послушными ему людьми, содействовал развитию торговли и промышленности, покровительствовал просвещению.

Его сын и преемник Генрих VIII (1491—1547) также покровительствовал наукам и приказал, например, ввести во всех школах преподавание латинского языка; а для развития гуманизма знакомство с писателями древности имело огромное значение. Будучи страстным любителем всякого рода зрелищ и празднеств, Генрих VIII организовал на широкую ногу придворный театр, очень способствовавший развитию национальной английской драматургии.

Крупнейшим делом его царствования был разрыв с римской церковью и введение в Англии реформации. Этот акт был под-

готовлен тем, что дворянство и богатеющая буржуазия давно уже зарились на церковные земли, а, кроме того, значительная часть населения тяготилась постоянными поборами в пользу Рима и негодовала на развращенность высшего католического духовенства. В сущности говоря, новое вероисповедание, «англиканское», введенное Генрихом VIII, ничем не отличалось от католического, так как все догматы и обряды остались прежними. Но Генрих VIII отверг право папы назначать епископов и объявил себя главой английской церкви. Вместе с тем он конфисковал все церковные земли и распродавал их в пользу казны. Большая часть этих земель была куплена разбогатевшими буржуа, которые согнали крестьян с их земель и ввели самые жестокие методы капиталистического хозяйства.

После краткого правления сначала сына Генриха VIII, Эдуарда VI, рано умершего, затем его дочери от первого брака Марии Кровавой, вышедшей замуж за испанского короля Филиппа II и пытавшейся восстановить в Англии католичество, на престол взошла младшая дочь Генриха VIII (от Анны Болейн), Елизавета.

Ее долгое царствование (1558—1603), на которое приходится наибольшая часть деятельности Шекспира, буржуазные историки считают счастливым временем в истории Англии. Они восхваляют достоинства и ум Елизаветы. На самом деле она только умела искусно лавировать, избегая всяких крайностей, и не препятствовала естественному росту производительных сил страны. В эти годы экономическая и политическая мощь Англии чрезвычайно возросла. Но не надо забывать, что развитие промышленности и торговли, рост благосостояния высших и средних классов населения, наблюдающийся в годы правления Елизаветы, достигался ценой жестокой эксплуатации народных масс.

Елизавета обычно выбирала себе в министры и советники людей способных и образованных из числа не только дворян, но и буржуа. В годы ее правления необычайно развилась внешняя торговля. Одна за другой возникали купеческие компании для торговли с прибалтийскими, средиземноморскими странами, с Москвой, с Ближним Востоком, Гвинеей, Америкой, Индией. Морская торговля, в которой дворянство охотно сотрудничало с буржуазией, была в то время делом опасным, потому что моря кишели пиратами. Она требовала большой смелости и предприимчивости, хорошего знания географии, астрономии, морского

и военного дела. Английские мореплаватели часто сами занимались пиратством.

Но на пути зарождающейся колониальной политики Англии стояла могущественная в те времена Испания, стремившаяся к монополюной эксплуатации Америки. Эта глухая вражда и мелкие столкновения на море привели к открытой войне. В 1588 году Филипп II снарядил огромный флот, названный «Непобедимой армадой», и послал его для завоевания Англии. Но главная часть флота потерпела крушение у берегов Англии, а остатки его были разбиты англичанами в морском бою. При этом маленький английский флот почти наполовину состоял из торговых судов, снаряженных лондонскими горожанами, охваченными патриотическим порывом.

Правление Елизаветы совпало с моментом высшего расцвета гуманизма в Англии. В университеты, в которых еще очень силен был старый богословский дух, начала проникать истинная наука. К концу XVI века возникла философская система Френсиса Бекона, которого Маркс называет «действительным родоначальником английского материализма». Английские музыканты и певцы того времени славились по всей Европе. Выдвинулся целый ряд замечательных писателей, из которых наиболее выдающимися были поэт Спенсер, автор знаменитой поэмы «Царица Фей», сыгравшей огромную роль в выработке нового английского литературного языка, поэт Филипп Сидни, автор очень ценного трактата о поэтическом искусстве «Защита поэзии» и пастушеского романа «Аркадия», получившего европейскую известность, романисты Неш, Грин и Делони, целый ряд талантливых драматургов — Лили, Марло, Кид, Томас Хейвуд, Бен Джонсон и другие с Шекспиром во главе.

Сама Елизавета была очень образованной женщиной; она хорошо знала греческих и латинских писателей и, судя по тому, что покровительствовала Шекспиру, умела ценить искусство драматургии.

В вопросах религии Елизавета строго придерживалась англиканства, ведя борьбу как с католиками, так и с теми, кто стремился к более решительной церковной реформе. Что касается «левых» религиозных группировок, то по отношению к ним королевская власть проявляла гораздо большую терпимость, чем к католикам. Из числа таких группировок рано выделилась очень

влиятельная секта «пуритан», увлекшая значительную часть английской буржуазии. Число их быстро увеличивалось, и к концу царствования Елизаветы они составляли, например, подавляющее большинство в лондонском муниципалитете.

Пуритане требовали, чтобы были упразднены епископы и остались только священники. Пуритане проповедывали простоту жизни, честность, строгость нравов; они были трудолюбивы, домовиты, бережливы, набожны, строги к другим и к себе в вопросах морали, ненавидели всякую роскошь, красивые наряды, веселый смех, жизнерадостное искусство Возрождения, особенно театральные зрелища, которые они считали «дьявольским соблазном». Поэтому вполне естественно, что пуритане и гуманисты ненавидели друг друга. Особенно острою была вражда между пуританами и театральными деятелями — актерами и драматургами, которые часто высмеивали пуритан в своих пьесах. Пуритане были, собственно говоря, политической партией, которая имела религиозную оболочку. Все их свойства — деловитость, прижимистость, душевная черствость, страсть к приумножению имущества — типичные свойства буржуазии. «Много продавать — мало покупать» — такова, по словам Маркса, основная черта пуритан. Указанные свойства служили для них средством самодисциплинирования и накопления сил для борьбы за политическую власть. Это пуритане сделали буржуазную английскую революцию 1642 года. Но пока что они держались тихо, собираясь с силами для будущей борьбы.

К концу царствования Елизаветы политика, проводимая ею, перестала соответствовать потребностям экономического развития страны. Елизавета часто предоставляла отдельным лицам привилегии и монополии на разного рода доходные предприятия. Сначала это не вызывало особенного возмущения. Но когда под старость Елизавета стала до крайности злоупотреблять этим, награждая такими патентами по преимуществу придворную знать, английская буржуазия начала резко протестовать. Отсюда произошел ряд конфликтов между королевой и парламентом, требовавшим прекращения раздачи привилегий. Пуритане, очень к этому времени усилившиеся, стали выказывать явную враждебность к королевской власти, и популярность Елизаветы среди населения сильно упала.

London в 1614 г.

После смерти Елизаветы на престол вступил сын казненной ею королевы шотландской Марии Стюарт, претендовавшей на английскую корону, — Яков I. Правление этого короля (1603—1625), на которое приходится вторая половина творчества Шекспира, ознаменовало собою усиление феодальной реакции, начавшейся еще в последние годы царствования Елизаветы. Яков I втайне сочувствовал католикам и искал дружбы с Испанией.

Столь же реакционной была и культурная политика короля. Яков I считал себя великим ученым, но на самом деле он был пропитан средневековыми суевериями. Он писал «ученые» трактаты о ведьмах и колдовстве, с особым вниманием следил за процессами женщины, обвиненных в сношениях с нечистой силой, и любил присутствовать при сожжении их на костре.

Яков I покровительствовал театру и зачислил на свою службу все работавшие в то время в Лондоне актерские труппы. Но это королевское покровительство губительно отразилось на драматическом творчестве, лишив его необходимой свободы. Лондонские театры вскоре наполнились пьесами, написанными в придворно-аристократическом стиле, очень изящными, эффектными,

Лондон в 1614 г.

занимательными в сюжетном отношении, но лишенными глубокого идейного содержания.

Нечто подобное произошло и в литературе. При Якове I английская поэзия утратила свой блеск и глубину и приобрела чисто развлекательный или вычурный, надуманный характер.

Во всех областях умественного творчества при Якове I гуманизм, питавший собою искусство Шекспира, быстро приходит в упадок.

Формы жизни, нравы, обычаи «шекспировеской» Англии представляют собою пеструю картину, в которой проявления новой гуманистической культуры смешивались с чертами средневековой дикости. Верхушка общества, главным образом придворное дворянство, усваивала утонченные манеры, приобщалась к европейской образованности, стремилась внести в свой обиход роскошь и изящество. Главным образом служили моды и нравы наиболее передовых в то время и цивилизованных романских стран — Италии, Франции, отчасти Испании. Оттуда перенималось все — и хорошее и плохое. В светских салонах занимались

музыкой, танцевали модные французские танцы, импровизировали стихи, изысканно ухаживали за дамами, состязались в остроумии, пересыщали речь французскими, итальянскими, испанскими словами. Одним из любимых развлечений, заимствованным у итальянцев, были маскарады. Роскошь костюмов — не только дамских, но и мужских — была необычайная. Современник Шекспира драматург Бен Джонсон дает в одной из своих пьес описание нарядов дам, сидящих в ложах театров: это сплошь шелк, бархат, расшитая серебряная парча, в руках опахала из страусовых перьев, на головах диадемы, сверкающие драгоценными камнями. Некоторые вельможи украшали свои башмаки алмазами, стоившими целое состояние. Дамы очень часто выходили на улицу в масках, чтобы предохранить лицо от ветра или загара. Молодежь совершала путешествия за границу, обучалась в итальянских университетах, которые считались тогда лучшими в Европе.

Наряду с этой пышностью поражают черты грубости нравов и первобытной дикости жизни того времени. Большинство населения было неграмотным. Люди почти никогда не мылись. Бедняки спали без подушек, подложив полено под голову, а платье надевали прямо на голое тело, потому что белье носили тогда люди состоятельные. Пищу ели руками, так как вилки, недавно изобретенные в Италии, употреблялись только в богатых домах.

Большие дороги кишели грабителями. Даже в самом Лондоне жизнь была очень неблагоустроена. Немощенные улицы были необыкновенно грязны. Помой из домов выливались прямо в канавки, протекавшие вдоль улиц. Белье даже в очень богатых домах носили стирать на речку. Улицы не освещались, так что ходить по ним вечером было небезопасно. Знатных лиц, когда они отправлялись вечером в гости или возвращались домой, провожали слуги с факелами. Кареты были еще большой редкостью, и тот, кто не хотел ходить пешком по городу, ездил верхом и, прибыв в какое-нибудь место, отдавал коня слуге, который сторожил его на улице.

Наказания, налагавшиеся за преступления, были крайне жестоки. За незначительные провинности отрубали руки, уши, носы. «Еретиков» и безбожников сжигали на костре. Головы казненных выставлялись на Лондонском мосту, и все с любопытством смотрели на это страшное зрелище. В придворных нравах также было еще много грубости. Елизавета, при всей своей образо-

ванности и уменыи изысканно вести себя в обществе, в минуты раздражения била по щекам не угодивших ей придворных или плевала им в лицо.

Таковы были удивительные контрасты этого времени, которое Шекспир с необыкновенной глубиной отразил в своем творчестве.

II

ЖИЗНЬ ШЕКСПИРА

О жизни Шекспира мы знаем, к сожалению, очень немного. Биографию Шекспира начали изучать очень поздно, лет через 100 после его смерти, когда большинство документов, относящихся к нему, уже пропало. За отсутствием их стали усиленно собирать устные предания о Шекспире, сохранившиеся в Лондоне и на родине великого драматурга. Но, конечно, собранные таким путем сведения очень недостоверны.

Вильям Шекспир родился в 1564 году, 23 апреля, в городе Стретфорде на Эвоне, находящемся в Йоркшире, почти в самом центре Англии. Дом, в котором родился и провел свою молодость Шекспир, сохранился до сих пор. Теперь в нем устроен маленький шекспировский музей, привлекающий множество туристов.

Отец Вильяма Шекспира Джон Шекспир был зажиточным торговцем и мясником. В городе он пользовался всеобщим уважением. Его неоднократно выбирали на разные общественные должности — один год он был даже мэром Стретфорда. Мать драматурга Мери Арден была дочерью мелкого дворянина, владевшего мызой в окрестностях Стретфорда. Если отец Вильяма Шекспира не блистал образованностью, то его мать, повидимому, даже не умела писать.

Городок Стретфорд в то время имел не более 2000 жителей. Со всех сторон его окружали поля и леса. Поэтому можно сказать, что детство Шекспира протекало среди природы. Отсюда, без сомнения, ведет начало его близкое знакомство с ботаникой и с миром животных, его огромная восприимчивость к красоте пейзажей, постоянные сравнения в его пьесах человеческих переживаний с явлениями природы. Здесь же почерпнул

Шекспир свое замечательное знание английского фольклора и яркой, выразительной народной речи.

Стретфорд лежал на большой проезжей дороге из Лондона в Холайхед — порт, откуда корабли отплывали в Ирландию. Благодаря этому через Стретфорд проезжало множество купцов и путешественников, и сюда проникали культурные веяния из столицы. Между прочим, в Стретфорд заглядывали иногда лондонские актерские труппы. Две такие труппы приезжали в 1568—1569 году, когда Шекспиру было 4—5 лет. Несомненно, что актерские труппы появлялись в Стретфорде и позже.

Впрочем, маленький Шекспир мог познакомиться с театральными представлениями и другими способами. В 18 милях (28 километрах) от Стретфорда находился городок Ковентри, где до конца XVI века регулярно игрались средневековые пьесы на религиозные сюжеты — так называемые «мистерии». Эти пьесы, первоначально строго религиозные, постепенно прониклись светскими элементами и в XVI веке уже содержали в себе много бытовых и комических сцен, для которых религиозный сюжет служил только внешней оболочкой. На эти представления съезжались в огромном количестве жители соседних селений и городов. Если сам Шекспир и не бывал в Ковентри, он мог еще в детстве слышать от своих земляков подробные описания этих спектаклей. Кроме того, в 1575 году, когда Шекспиру было 11 лет, граф Лейстер, фаворит королевы Елизаветы, в честь ее приезда устроил в своем замке Кенильурт, расположенном в двух-трех часах ходьбы от Стретфорда, пышное представление. Эти детские впечатления, вероятно, живо подействовали на воображение Шекспира и зародили в нем влечение к театру, которое определило всю его жизнь.

В Стретфорде была семилетняя «грамматическая» школа, то есть такая, в которой преподавались, в числе других предметов, латинский и греческий языки. Дети поступали в нее обычно в возрасте 7—8 лет и оканчивали ее в 14 или 15 лет. Шекспир, без сомнения, учился в этой школе, считавшейся довольно хорошей. В стретфордской школе Шекспир познакомился с древними сказаниями и произведениями античных писателей, отголоски которых так часто встречаются в его произведениях.

Что делал Шекспир после окончания школы, мы в точности не знаем. По одним сведениям, он помогал отцу в его заня-

тиях, по другим — был школьным учителем или писцом у страпачего. Восемнадцати лет он женился на Анне Хезуэй, дочери землевладельца из деревни Шоттери, поблизости от Стретфорда. В следующем, 1583 году у них родилась дочь Сусанна, а еще через два года близнецы — сын Гамнет (рано умерший, в 1596 году) и дочь Юдифь.

В 1585 году или вскоре после того Шекспир покинул Стретфорд, где осталась его семья, и переехал в Лондон. Причина этого переселения в точности неизвестна. Сохранилось предание, что молодой Шекспир любил тайком охотиться в парке одного местного помещика, сэра Томаса Люси, за что несколько раз подвергался наказаниям и даже тюремному заключению. Положение будто бы обострилось до того, что Шекспиру пришлось скрыться из Стретфорда во избежание какой-то очень суровой кары.

Но, может быть, все объясняется гораздо проще. Мы знаем, что около этого времени дела отца Шекспира расстроились настолько, что ему стала грозить долговая тюрьма. Молодому Шекспиру пришлось содержать довольно большую семью. Естественнее всего, что он решил отправиться в столицу «на заработки». При этом его влекло в Лондон, вероятно, и желание испробовать свои силы на театральном поприще.

Не ясно, что именно делал Шекспир сразу после своего прибытия в Лондон. Сохранилось предание, впрочем, довольно сомнительное, будто он зарабатывал себе на жизнь тем, что сторожил у входа в театр лошадей зрителей, приезжавших на спектакль верхом. Вскоре Шекспир нашел работу в театре — сначала, по некоторым сведениям, в качестве помощника суфлера, затем как актер и драматург.

Первые образцы его драматического творчества относятся к 1590 году. Это были часто практиковавшиеся в то время переделки старых пьес, которые театр решал поставить в обновленном виде. Такова, например, историческая драма «Генрих VI», наибольшая часть которой, по мнению критиков, написана не Шекспиром. Но через два-три года он начал писать вполне самостоятельные пьесы.

Литературная репутация Шекспира в лондонских театральных кругах около 1592 года уже твердо установилась.

В эту самую пору Шекспир сблизился с компанией молодых

Свердловский областной государственный университет
Центральная библиотека
ХИЖ

аристократов, страстных любителей театра. Особенно дружеские отношения завязались у него с Генри Райотсли, графом Соутемптоном, который был близким другом графа Эссекса, одного из фаворитов королевы Елизаветы. Соутемпτονу Шекспир посвятил две свои поэмы: «Венера и Адонис» (1593) и «Оскорбленная Лукреция» (1594), за что, по преданию, получил от него денежный дар в 1000 фунтов. Ему же, как полагают, посвящен и сборник сонетов Шекспира, напечатанных в 1609 году, но написанных, очевидно, еще в 1590-е годы.

Кстати сказать, эти две поэмы и сборник сонетов да еще несколько лирических стихотворений — единственные произведения Шекспира, написанные не в драматической форме. После 1600 года он стал писать исключительно пьесы.

Вначале Шекспир работал как драматург для разных лондонских трупп, из которых каждая состояла под покровительством какого-нибудь знатного лица и носила имя своего покровителя. Но затем он особенно сблизился с труппой лорда Стренджа, а когда она в 1594 году реорганизовалась и стала называться труппой лорда-камергера, Шекспир вступил в нее как актер и сделался ее «постоянным драматургом», который всегда обеспечивал ее репертуаром и не предоставлял своих пьес никаким другим труппам.

Руководителем труппы лорда-камергера был Джеймс Бербедж, глава семьи выдающихся актеров. В 1576 году им было выстроено первое в Лондоне театральное здание (до этих пор представления давались во дворах гостиниц) под названием «Театр». Затем, в 1599 году, уже после смерти Джеймса Бербеджа, сыновья его Ричард и Кетберт выстроили другой театр: это был знаменитый «Глобус», на сцене которого впервые появились самые выдающиеся произведения Шекспира.

Самым видным актером в труппе лорда-камергера был Ричард Бербедж, исполнитель главных трагических ролей Шекспира, как, например, Ричард III, Гамлет, Отелло, Лир. Очень славился также комик Кемп, сильно смешивший публику своими импровизациями. Из остальных членов труппы назовем еще Хеминга и Конделя, выпустивших после смерти Шекспира первое собрание его драматических сочинений (в 1623 году).

Что касается самого Шекспира, то, повидимому, он не был выдающимся актером. Он исполнял очень незначительные роли — монаха Лоренцо в «Ромео и Джульетте», старого слугу Адама

в «Как вам это понравится», духа отца Гамлета, — и современники, восхищаясь его пьесами, ничего не говорят о его актерском искусстве.

Труппа, в которой состоял Шекспир, пользовалась в Лондоне огромным успехом. Об этом свидетельствует, между прочим, количество ее гастрольных (как мы теперь говорим, «выездных») выступлений в придворном театре. За период с 1594 по

Театр «Глобус».

1603 год она выступала там вдвое чаще, чем все остальные лондонские труппы, взятые вместе.

«Глобус» принадлежал к числу так называемых «публичных» театров, то есть таких, в которые был открыт доступ самым широким слоям населения. Эти театры строились за городской чертой: городской совет, в котором пуритане, ненавидевшие театр, имели очень большое значение, не разрешал строить театральные здания в городе.

О внешнем виде «Глобуса» мы можем судить по одной старинной гравюре начала XVIII века, дополнив то, что на ней изображено, некоторыми описаниями современников. «Глобус» представлял собой круглую деревянную башню. Внутренность ее

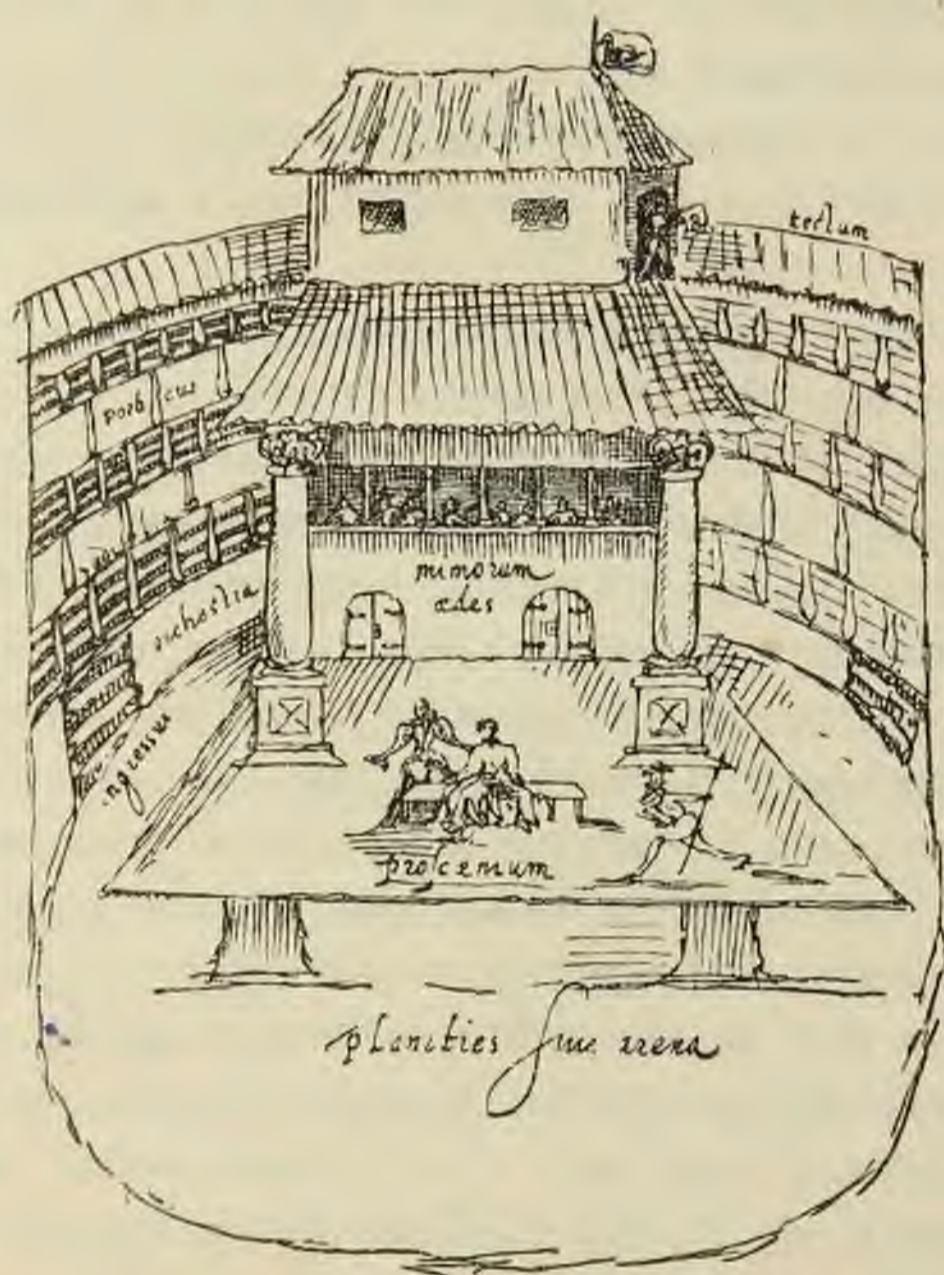
освещалась падавшим сверху дневным светом, так как окон и крыши не было; был только соломенный навес с одной из сторон, именно над той частью помещения, где находилась сцена. Здание окружал ров с перекинутыми через него мостками. Над входом высилась статуя Геркулеса, державшего на голове небесную сферу с надписью из древнеримского писателя Петрония: «Totus mundus histrionem agit» («Весь мир лицедействует»). Это здание «Глобуса» сгорело в 1613 году во время представления «Генриха VIII» от пушечных выстрелов, зажегших соломенный навес. Несколько месяцев спустя театр отстроили вновь, причем навес покрыли уже черепицей, а всему зданию придали восьмиугольную форму.

Об устройстве зрительного зала и сцены в публичных театрах лучше всего может дать представление рисунок внутренности театра «Лебедь», сделанный голландцем Де-Виттом, посетившим Лондон в 1596 году. Надо думать, что устройство «Глобуса» было приблизительно таким же.

Вдоль стен зрительного зала шла круговая галерея в несколько ярусов с сидячими местами. Нижние ярусы галереи были разделены на ложи. Вся средняя часть зала (наш «партер»), называвшаяся «колодцем» или «ямой», была занята зрителями, стоявшими перед сценой или по бокам ее. Сцена представляла собой деревянный помост или эстраду высотой в несколько футов, которая была укреплена на прочных столбах и упиралась сзади в деревянную стенку, занимая соответствующую часть нижнего яруса галереи. При таком расположении сцены, переднего занавеса, который скрывал бы всю ее от публики, понятно, не было. Но посредине сцены была занавеска, укрепленная на двух столбах, на которые опирался навес. Занавеска эта, которая отдергивалась вбок, разделяла помост на две части: на переднюю и на заднюю сцены. Фон задней сцены завешивался коврами, причем при изображении на сцене ночи вешались черные ковры, при изображении дня — светлые, преимущественно голубые. Кроме этой нижней сцены, состоявшей из двух частей, была еще третья, верхняя сцена, сооруженная в виде балкона с навесом на уровне второго яруса галерей. Когда на верхней сцене ничего не происходило, она закрывалась занавеской. Действие шло попеременно на этих трех сценах; в то время как играли на одной из них, на другой, незаметно для

зрителей, делались необходимые приготовления для следующего явления. Благодаря этому получалась большая экономия времени, и антракты делались излишними.

Постановочные средства в публичных театрах были очень скудные. Кулис и писаных декораций не существовало. Бутафория, реквизит и машинные эффекты были крайне просты. Кусок дерна и два-три деревца обозначали сад, трон под балдахом

Сцена театра «Лебедь» в 1596 г. С рисунка
Иоганна Де-Витта.

ном дворец, молитвенная скамья — церковь. Все это приносили на сцену и уносили обратно по мере надобности. Световых эффектов не могло быть, так как действие совершалось при дневном свете. Луна изображалась с помощью фонаря, гром — ударами за сценой в сковороды или в другие металлические предметы.

Но театральные костюмы отличались чрезвычайной роскошью, особенно когда изображались короли или знатные лица. Костюмы

этих персонажей изготовляли из самых дорогих, иногда привозных тканей и богато отделывались кружевами или золотыми галунами. Бывало, что пара панталон стоила 5 фунтов (столько же, сколько драматург получал за целую пьесу), а бархатные плащи, шитые золотом, — до 20 фунтов. Когда пьеса была на сюжет из другой эпохи, костюмы были лишены всякой историчности. Древние греки или мавры были одеты либо весьма причудливо, либо как современные англичане. Боги, дьяволы, духи имели самый фантастический вид.

Характерной особенностью театра того времени было то, что актрис не существовало, и женские роли исполняли молодые актеры.

Представление начиналось в три часа дня, но зрители, особенно посетители «колодца», собирались задолго до спектакля, чтобы занять лучшие места. В ожидании начала спектакля болтали, закусывали, играли в карты, нещадно курили (табак только что начал входить в употребление), острили, шумели, ссорились. Тут же сновали продавцы напитков, табака, фруктов и карманные воры, с которыми публика, изловив их, расправлялась на месте сама, привязав к столбу. Публику «колодца», места которого были стоячие и самые дешевые, составляли лондонская беднота — ремесленники, носильщики, мелкие торговцы и приказчики, а также полунинная интеллигенция — студенты, неудачники-писатели и т. п. От этого буйного «колодца» часто зависел успех или провал пьесы. Недаром современник Шекспира, драматург Деккер, заметил: «Театр дает место сыну фермера, как и адвокату из Темпла... Извозчик и лудильщик предъявляют такие же права на голос и выносят пьесам оправдательные или смертные приговоры».

Позже наполнялись сидячие места. Общие места на галереях занимали горожане среднего достатка и небогатые дворяне. В ложах сидели представители аристократии, щеголявшие своими нарядами, описание которых, приведенное выше, дал Бен Джонсон.

Иногда в начале представления на сцену выходил актер, называвшийся «Прологом», в длинной мантии и в лавровом венке на голове, — вероятно, потому, что первоначально эту роль исполнял сам автор, — и произносил вводную речь в стихах о характере пьесы, просил зрителей о снисхождении и т. п. Такие «прологи» мы находим в нескольких пьесах Шекспира, как, напри-

мер, во второй части «Генриха IV» или в «Ромео и Джульетте» (в последней пьесе имеется, кроме того, еще особый пролог ко II акту). Затем обычно появлялся «клоун», то есть актер, исполнявший роли шутов, и танцевал национальный английский танец «джиг», распевая шуточные, подчас злободневные куплеты и аккомпанируя сам себе на флейте и привешенном сбоку маленьком барабане. После этого начиналась уже сама пьеса, которая шла в быстром темпе и без антрактов. Иногда пьеса заканчивалась эпилогом, который тоже произносился актером, называвшимся «Эпилогом». (Пример такого эпилога см. в пьесе «Как вам это понравится».)

Конечно, техника этого театра была очень несовершенной. Но зрители публичных театров того времени были нетребовательны и восполняли своим воображением то, чего недоставало во внешних средствах сцены. Шекспир отлично знал своих зрителей и умел, нисколько не нарушая своего художественного замысла, вносить в свои пьесы такие черты, которые поддерживали внимание зрителей, делали содержание его пьес ясным, живым и доступным. В его произведениях нет длиннот, нескончаемых монологов с сухими, отвлеченными рассуждениями, посторонних эпизодов, отяжеляющих действие. Его пьесы полны внутреннего движения, действие в них развивается быстро, речи и действия персонажей создают яркие картины, живые образы, помогающие зрителю представить себе то, что полностью не могло быть показано внешними средствами тогдашней сцены.

К концу 1590-х годов гениальное дарование Шекспира было уже признано всеми. Правда, великие трагедии его в эту пору еще не были написаны, однако им уже были созданы такие шедевры, как «Ричард III», «Ромео и Джульетта», «Сон в летнюю ночь», «Венецианский купец».

В 1598 году вышла в свет книга английского критика Френсиса Миреса «Сокровищница Паллады». ¹ В книге, давая обзор современной английской поэзии, Мирес подробно останавливается на творчестве Шекспира. «Подобно тому, — говорит он, — как Плавт и Сенека считаются лучшими представителями комедии и трагедии в латинской литературе, так Шекспир является

¹ Паллада — древнегреческая богиня мудрости.

лучшим из английских писателей в обоих этих родах драматических произведений...» Без сомнения, Мирес был выразителем общего мнения лондонских критиков и ценителей поэзии.

Вместе со славой к Шекспиру пришел и материальный достаток. Шекспир, который был сначала «актером на определенном жалованье», сделался затем «найщиком» труппы Бербеджа и стал получать определенную долю с дохода всего предприятия. По сравнению с этим паем заработок его как драматурга был ничтожен. Пьесы в то время продавались авторами театру в полную собственность, и издание их авторами если не воспрещалось прямо, то во всяком случае считалось поступком предосудительным: театру было весьма нежелательно, чтобы пьеса появилась в печати, так как в этом случае другой, конкурирующий с ним театр мог «воровски» поставить эту пьесу у себя. Из всех пьес Шекспира лишь половина была напечатана при его жизни, да и то почти наверно без его ведома и согласия.

Лондонская жизнь Шекспира нам совсем не известна. Сохранилось лишь предание о том, что он любил проводить время с друзьями — драматургами и актерами — в таверне «Сирена», где, распивая вино, вел длинные споры и состязался в остроумии со своим товарищем по ремеслу, драматургом Бен Джононом. Вообще все отзывы о Шекспире его современников сходятся на том, что он был человеком чрезвычайно общительным, добрым, прямодушным и одаренным большой фантазией.

С 1596 года устанавливается более тесная связь Шекспира с городом Стретфордом. В этом году Шекспир при помощи Ретленда или Соутемптона выхлопотал своему отцу дворянский герб. В следующем году он купил самый большой дом в Стретфорде, посивший название «Нью-Плес», и по этому случаю приобрел права гражданина Стретфорда. Впоследствии Шекспиру также случалось производить в своем родном городе разные имущественные и финансовые операции. В 1601 году умер отец Шекспира, что также, без сомнения, потребовало посещения Стретфорда Шекспиром.

После 1608 года приезды Шекспира в Стретфорд еще более участились. Наконец, в 1612 году или, может быть, еще раньше Шекспир окончательно переселился в свой родной город, бросив театр, своих лондонских друзей и совершенно прекратив свою деятельность драматурга.

Мы можем лишь догадываться о причине, столь рано прекратившей творческую деятельность Шекспира. Около 1609 года, как мы отметили в предыдущей главе, под влиянием нарастающей феодальной реакции начинается усиленная аристократизация лондонских театров. Перед всеми драматическими авторами встала проблема — либо писать в соответствии с требованиями реакционной политики короля Якова I, либо отказаться от мысли увидеть свои пьесы на сцене. В своих последних пьесах, написанных между 1609 и 1612 годами, Шекспир ищет компромиссных путей: он пытается, не изменяя своему творческому методу, создавать вещи, приемлемые с точки зрения новых требований. Но он не в состоянии был долго выдерживать такое насилие над своим творчеством и в конце концов предпочел совсем замолчать.

Последние годы жизни Шекспир провел тихо и незаметно в Стретфорде, в кругу своей семьи. Весной 1616 года, повидимому, он тяжело заболел. На это указывает то, что сохранившееся его завещание от 15 марта этого года по всем признакам было составлено наспех и подписано нервным, изменившимся почерком. 23 апреля 1616 года Шекспир умер.

В завещании ничего не сказано о рукописях Шекспира, что очень удивляло многих исследователей. Дело объясняется скорее всего так. Авторские рукописи пьес вместе с правом постановки их обычно переходили в полную собственность театра, который хранил их в театральном помещении. Очень возможно, что все рукописи Шекспира погибли в 1613 году, когда театр «Глобус» сгорел.

Из дошедших до нас изображений Шекспира только два могут безусловно считаться подлинными. Одно из них — раскрашенный бюст работы неизвестного мастера, водруженный около могилы Шекспира в Стретфорде. Но хотя голова сделана, повидимому, по маске, снятой с умершего Шекспира, она выполнена так грубо, что не дает ясного представления о чертах его лица. Другое изображение его — гравюра голландского художника Друсхоута, помещенная на титульном листе издания сочинений Шекспира 1623 года вместе со стихотворением Бен Джонсона, в котором он хвалит этот портрет, но вместе с тем советует искать истинное лицо Шекспира не в этом изображении, а в самих его произведениях.

Бедность сведений о жизни Шекспира дала повод к возник-

повенно в середине XIX века гипотезы, что автором пьес, носящих имя Шекспира, был не актер Вильям Шекспир, а какое-то другое лицо, по неизвестным причинам не пожелавшее открыть своего имени. Лицо это будто бы заключило договор с Шекспиром, который за известное вознаграждение согласился выдавать его пьесы за свои.

Сторонники этой гипотезы утверждали сначала, что истинным автором шекспировских пьес был философ Френсис Бекон. Но затем несобоснованность этого предположения стала всем ясна, и тогда одного за другим стали выдвигать других «кандидатов в Шекспир» — графа Пемброка, графа Дарби, графа Ретленда и т. д.

Все эти домыслы не имеют никакого фактического основания и серьезные ученые всегда их отвергали. Но «антишекспиристы» до сих пор не могут успокоиться, ссылаясь на следующий неопровержимый, как им кажется, аргумент: как мог какой-то неотесанный провинциальный недоучка, «сын простого мясника», написать эти гениальные произведения, которые обнаруживают такой глубокий ум, душевную чуткость и проникательность, такое замечательное искусство и благородство чувств? По их мнению, таким автором мог быть только человек утонченной культуры, необычайно образованный, принадлежавший к высшим слоям общества.

Такая точка зрения обнаруживает, помимо глубоко враждебной нам аристократической тенденции, полное непонимание характера эпохи Возрождения и ее культуры. Конечно, в Англии того времени встречались дворяне, сумевшие преодолеть свою аристократическую ограниченность и проникнуться гуманистическими идеями. Но гораздо типичнее для Возрождения именно появление гениальных самородков, выходцев из средних слоев населения или из народа, которые выступали борцами за новое мировоззрение против средневековых предрассудков. Таковы почти все величайшие художники, писатели и мыслители Возрождения.

Безусловно, Шекспир не обладал большой ученостью. В пьесах его встречается немало исторических, географических и тому подобных ошибок, каких не сделал бы Бекон или граф Ретленд, учившийся в университете. Но надо иметь в виду, что тогдашняя школьная наука в общем была в плену у богословия и что обу-

чение в университете хотя и расширяло кое в чем умственный кругозор, но в то же время и суживало его, внедряя и укрепляя в уме учащихся старые заблуждения.

Истинной школой Шекспира была сама жизнь, природа, близость к народу. Несомненно, что в первые годы по приезде своем в Лондон он много читал, жадно черпал знания из бесед с образованными людьми, много размышлял о всем виденном и слышанном им. И острый ум в соединении с богатейшей фантазией извлек из этого неизмеримо больше того, что сухой и ограниченный ум мог бы извлечь из всей школьной премудрости того времени.

III

ТВОРЧЕСТВО ШЕКСПИРА

Кроме двух поэм и лирических стихотворений, Шекспир написал 37 пьес. Они очень разнообразны по своему внутреннему складу, в зависимости от того времени, когда они были написаны. Вместе с тем, они принадлежат к самым различным существовавшим тогда драматическим жанрам.

Во времена Шекспира все пьесы делились на три группы: комедии, трагедии и так называемые «хроники», то есть пьесы на сюжеты из национальной английской истории. В конце своей деятельности Шекспир пишет еще пьесы четвертого типа, которые в его время причислялись тоже к комедиям; однако они настолько отличались от обычного типа комедий, что правильнее назвать их трагикомедиями: эти пьесы основаны на остро драматическом положении, но имеют счастливый конец.

В разные периоды своего творчества Шекспир избирал по преимуществу то те, то другие из этих жанров.

Различают три периода творчества Шекспира.

Первый период характеризуется глубоким оптимизмом, преобладанием светлых, веселых тонов. Сюда, прежде всего, относится ряд жизнерадостных и живописных комедий Шекспира, нередко окрашенных сильным лиризмом: «Комедия ошибок» (1592—1593), «Укрощение строптивой» (1593—1594), «Два веронца» и «Бесплодные усилия любви» (1594—1595), «Сон в летнюю ночь» (1595—1596), «Венецианский купец» (1596—1597),

«Много шуму из ничего» (1598—1599), «Как вам это понравится» и «Двенадцатая ночь» (1599—1600).

Одновременно с этим Шекспир создает серию своих «хроник»: вторую и третью части «Генриха VI» (1590—1591), затем первую часть «Генриха VI» (1591—1592), «Ричарда III» (1592—1593), «Ричарда II» (1595—1596), обе части «Генриха IV» (1597—1598) и наконец «Генриха V» (1598—1599). Хотя в этих пьесах нередко изображаются очень мрачные и жестокие картины, все же в них преобладает радостное утверждение жизни.

К этому периоду относятся также три трагедии Шекспира: «Тит Андроник» (1593—1594), «Ромео и Джульетта» (1594—1595) и «Юлий Цезарь» (1599—1600). Но первая из них несомненно представляет собою лишь переделку более старой, чужой пьесы. Вторая, несмотря на ее трагический сюжет, написана в светлых, жизнерадостных тонах и содержит множество веселых сцен, напоминающих написанные одновременно комедии Шекспира. И только последняя трагедия, «Юлий Цезарь», является переходом ко второму периоду творчества Шекспира.

В этот второй период, с 1600 по 1608 год, Шекспир ставит и разрешает великие трагические проблемы жизни, причем к его жизнерадостности, не исчезающей до конца, присоединяется сильная струя пессимизма. Почти регулярно, по одной в год, он пишет одну за другой свои трагедии: «Гамлет» (1600—1601), «Отелло» (1604—1605), «Макбет» и «Король Лир» (1605—1606), «Антоний и Клеопатра» (1606—1607), «Кориолан» и «Тимон Афинский» (1607—1608).

Правда, Шекспир не перестает в это время сочинять и комедии, но во всех комедиях, написанных им в этот период, за исключением только «Веселых виндзорских кумушек» (1601—1602), уже нет прежнего беспечного веселья; они содержат в себе так много трагического элемента, что, пользуясь современной терминологией, их вполне можно было бы назвать «драмами». Таковы пьесы: «Троил и Крессида» (1601—1602), «Все хорошо, что хорошо кончается» (1602—1603), «Мера за меру» (1604—1605).

Наконец, в третий период, с 1608 по 1612 год, Шекспир пишет почти исключительно трагикомедии, в которых проявляется нейтральная, примирительная оценка людей и жизни: «Перикл» (1607—1609), «Цимбелин» (1609—1610), «Зимняя

сказка» (1610—1611), «Буря» (1612—1613). И лишь в самом конце он присоединяет к ним еще одну хронику, написанную им в сотрудничестве с каким-то другим автором, — «Генрих VIII» (1612—1613).¹

Больше всего нас поражает в творчестве Шекспира богатство и жизненность его образов, разнообразие созданных им положений и выдвинутых им проблем, иначе говоря — широта и правдивость, с какою он отразил жизнь.

Трудно назвать какую-нибудь человеческую страсть, благородную или низменную, которая не нашла бы своего изображения в пьесах Шекспира. При этом он изображает страсти не однообразно, в их общих чертах, а различает в них множество оттенков в связи с характерами людей, охваченных какой-нибудь страстью, и теми положениями, в каких эти люди оказываются. Точно так же бесконечно разнообразие у него различных человеческих типов. Шекспир никогда не «дублирует» своих персонажей, то есть не наделяет их вполне тождественными чертами, а всегда их индивидуализирует.

Когда героем Шекспира владеет какая-нибудь господствующая страсть, эта страсть окрашивает весь его характер, однако она не поглощает целиком его образ, как это бывает у многих писателей, не превращает его в «воплощение» данной страсти, в условную, надуманную фигуру, но оставляет место другим чувствам, делающим его разносторонней, живой фигурой.

Это свойство шекспировских образов подметил и отлично выразил Пушкин: «Лица, созданные Шекспиром, — писал он, — не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителем их разнообразные характеры». Герои Шекспира меняются и вырастают в борьбе.

Но это еще не все. Рисуя индивидуальные образы, Шекспир составляет их не из случайных, незначительных черт. Он их наделяет чертами типическими, показательными для того вре-

¹ Для целого ряда пьес Шекспира время их написания с полной точностью определить очень трудно. В таких случаях мы даем даты, считающиеся наиболее вероятными. Двойные цифры годов объясняются тем, что датировать пьесы удобнее не по астрономическим годам, а по театральным сезонам — от середины одного года до середины следующего.

мени. Образы эти выражают характерные свойства и страсти людей определенного склада и определенных слоев общества.

Две боровшиеся между собой в Англии XVI века системы угнетения людей — феодальная и буржуазная — были одинаково враждебны Шекспиру, который вел борьбу с ними на два фронта, противопоставляя им обоим гуманистический идеал свободы и правды в человеческих отношениях.

Шекспир был не ученым историком, а художником. Оба враждебных ему начала — феодальное и буржуазное — сливались в его уме в одно общее представление о каком-то общем зле, широко распространенном в окружавшем его мире.

Многие черты, которые во времена Шекспира — в эпоху гуманизма и первоначального накопления — выступали в очень ярком виде, типичны и для последующих веков существования капиталистического общества вплоть до наших дней, когда в буржуазных странах продолжают царить честолюбие, корысть и тунеядство, поднимая на борьбу с ними народные массы и вызывая протест со стороны лучших представителей гуманистической интеллигенции. Вот почему шекспировские образы имеют «вековой» характер и не утратили своего значения даже в наше время.

Создавая такие характеры, которые не просто лишь интересны сами по себе, но показательны и для основных сил и идей, борющихся в обществе, Шекспир ставит их в положения, ярко иллюстрирующие эту борьбу. Смысл художественных образов Шекспира заключается в том, что они являются носителями правственных и общественных проблем; они целиком подчинены идейному замыслу его пьес.

Шекспир изображает столкновения между благородством и низостью, между правдой и ложью, между здоровыми и больными чувствами в виде конфликтов, происходящих в жизни отдельных людей. Но за этими отдельными случаями всегда чувствуется фон, на котором все это происходит, — та среда или обстановка, которая объясняет, почему такие столкновения должны были произойти и в чем заключается их типичность.

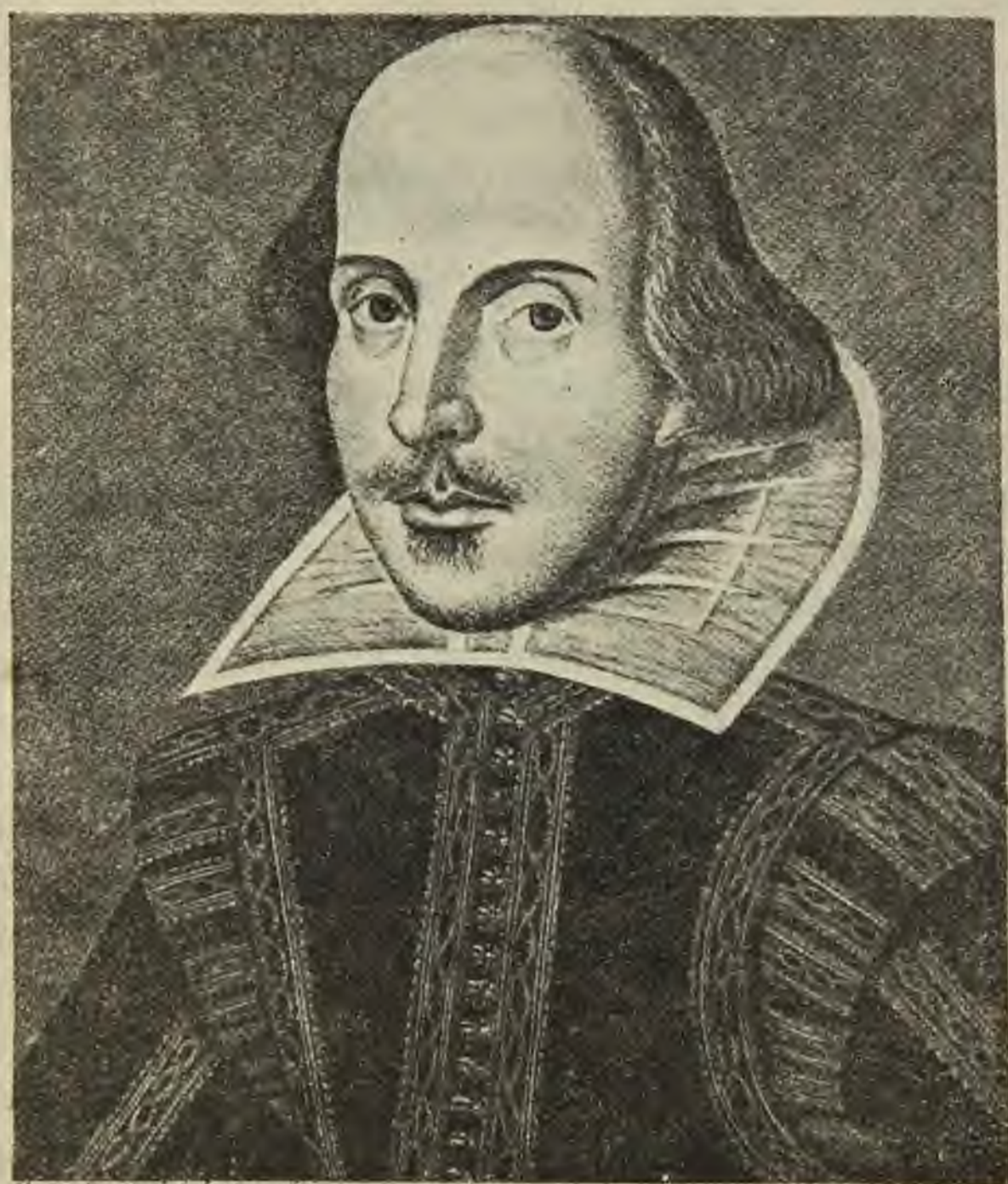
Если взять в отдельности главные жанры, в которых писал Шекспир, то каждый из них представляет свои особенности.

Комедии Шекспира поражают своей живостью и искрящимся остроумием. «В одном только первом акте «Веселых

MR. WILLIAM
SHAKESPEARES

COMEDIES,
HISTORIES, &
TRAGEDIES.

Published according to the True Originall Copies.

LONDON
Printed by Isaac Iaggard, and Ed. Blount. 1623

*Гравюра Друскоута на титульном листе издания сочинений
Шекспира 1623 года.*

виндзорских кумушек», — писал Энгельс Марксу в 1875 году, — больше жизни и движения, чем во всей немецкой литературе».

В комедиях Шекспира царят не одни только смех и веселье. Мы нередко встречаем в них остро-драматические положения, — например, в «Венецианском купце». Однако благополучный конец, обилие комических сцен и преобладание светлых тонов на протяжении всего действия позволяют все же назвать эти пьесы комедиями.

Комическое у Шекспира чрезвычайно разнообразно и по своему характеру и по своей направленности. В его комедиях можно найти целый ряд оттенков комизма — от тонкого юмора до балаганных, на наш вкус иногда грубоватых, но всегда ярких и забавных острот. Очень часто шутки Шекспира выражают просто избыток жизнерадостности. Но нередко его смех служит целям обличения человеческой глупости или пошлости.

Весьма значительны у Шекспира роли шутов. Это название объединяет персонажей двух родов. Во-первых, Шекспир любит изображать профессиональных шутов, которые, по сюжету пьесы, служат у знатных лиц для их забавы; таковы шуты в пьесах «Как вам это понравится», «Двенадцатая ночь», «Король Лир». Но, кроме того, он выводит иногда в своих пьесах крестьян, слуг и т. п., все время потешающих зрителей своими промахами или дурачествами. Это, собственно, не «шуты», а «шотовские персонажи»; таков, например, слуга Шейлока Ланчелот Гоббо или слуга доктора Кайуса в «Веселых виндзорских кумушках». Настоящие шуты у Шекспира гораздо разнообразнее и интереснее. Они часто под видом шутки высказывают очень глубокие и смелые мысли, издеваясь над разными предрассудками, обличая всякого рода глупость и пошлость.

Сюжеты шекспировских комедий всегда занимательны и живописны; они полны всяких приключений, случайностей, недоразумений, совпадений. Человеческая жизнь изображена в них состоящею из опасностей, неожиданностей и счастливых удач. Здесь в полной мере отражен взгляд на жизнь смелых и предприимчивых людей Возрождения, охотно шедших на риск, жаждавших новых открытий и полагавшихся на свои способности и свое счастье. Комедии Шекспира показывают, что самые смелые попытки, если их предпринимают люди умные и честные, завершаются удачей. Комедии Шекспира в сильнейшей степени

пройкнуты верой в успех всякого хорошего дела; они полны оптимизма.

Трагедии Шекспира отличаются от его комедий тем, что дают жизненные положения в более сгущенном, резко очерченном виде. В них гораздо меньше всего случайного, отвлекающего внимание от основной темы. Это придает им строгость, суровость, идейные проблемы поставлены в них глубже и острее, характеры разработаны и мотивы каждого поступка раскрыты гораздо яснее и полнее, чем в его комедиях. В трагедиях, где Шекспир подходит вплотную к самым великим, жгучим вопросам человеческой жизни и дает на них глубокие, грозные ответы, все должно было быть определенным, должно было разъяснить и убеждать до конца.

Правда, Шекспир иногда, впрочем чрезвычайно редко, вставлял и в свои трагедии короткие комические сценки. В «Гамлете», в начале V акта, мы находим сцену с могильщиками, которые задуманы Шекспиром как «шутовские персонажи». Во второй сцене III акта «Макбета» такой же шутовской характер носит монолог привратника.

Но в обоих случаях этим приемом создается резкий, волнующий контраст. Плоские шутки могильщиков оттеняют возвышенный характер размышлений Гамлета о смерти; болтовня заспанного привратника о покойниках и аде создает зловещий фон для только что совершенного убийства Дункана. Что касается речей шута в «Короле Лире», то они лишь с виду комичны, и их горькая правда совсем не предназначена для того, чтобы вызывать смех.

Сущность трагизма у Шекспира всегда заключается в столкновении двух начал — гуманистических чувств, то есть чистой и благородной человечности, и пошлости или низости, основанных на корысти и эгоизме. По мысли Шекспира, участь каждого человека есть результат взаимодействия его характера и окружающих обстоятельств. И Шекспир с изумительной точностью и железной логикой показывает, как этот результат получается. Он показывает, как лучшие люди, самые благородные, умные и одаренные, гибнут под натиском темных сил (Гамлет, Лир) или с какой легкостью зло овладевает душой человека и к каким ужасным последствиям это приводит (Макбет). Здесь находит свое выражение то, что называется

«кризисом гуманизма». Это явление общеевропейское, типичное для конца XVI века. Первое выступление гуманистов было озарено радужными надеждами на возможность быстро перевоспитать человечество, привить ему любовь к правде, свободе и просвещению. Но вскоре обнаружилась утопичность этих надежд. Поднимающаяся буржуазия показала свое «звериное», по выражению Маркса, лицо; самые просвещенные с виду правители оказались на поверку жестокими тиранами, а народные массы были еще очень незрелы для того, чтобы произвести переворот.

Из хроник Шекспира некоторые приближаются к типу трагедий, например, «Ричард III», другие — к типу комедий, например, «Генрих IV». Но очень часто они соединяют в себе черты и тех и других.

Изображая в своих хрониках исторические события, Шекспир показывает нам не только фигуры крупных исторических деятелей — королей, полководцев и т. п., но и общественный фон, рисуя картины из жизни широких слоев населения, из жизни народа. В «Генрихе IV» такой фон — знаменитые «фальстафовские» сцены, где выступают хозяева гостиниц, трактирные слуги, проезжие купцы, извозчики, мировые судьи, ремесленники, которых вербуют в солдаты, и т. д., с их пестрыми нравами, понятиями и обычаями.

Этот момент в шекспировских пьесах очень высоко ценили Маркс и Энгельс. В 1859 году Лассаль прислал им на отзыв свою историческую пьесу «Франц фон Зикинген», в которой изображены были революционные войны в Германии XVI века. Маркс и Энгельс указали Лассалю на ряд недостатков в его пьесе и главным образом на то, что в ней совсем не отмечена роль крестьянского движения. Маркс писал Лассалю: «Представители крестьян (особенно их) и революционных городов должны были бы составить весьма существенный фон. Тебе волей-неволей пришлось бы тогда в большей степени шекспиризировать, между тем как теперь основным твоим недостатком я считаю то, что ты пишешь по-шиллеровски, превращая индивидуумы в простые рупоры духа времени». Точно так же и Энгельс писал Лассалю: «Согласно моему пониманию драмы, требующему, чтобы за идеальным не забывали реалистического, за Шиллером — Шекспира, привлечение тогдашней, поразительно

Сцена театра эпохи Шекспира. Со старинной гравюры.

пестрой плебейской общественности дало бы совершенно иной материал для оживления драмы, дало бы неоценимый фон для разыгрывающегося на сцене дворянского движения и впервые представило бы в истинном свете само это движение. Какие только поразительно характерные образы не дает эта эпоха разложения феодальных связей в лице странствующих королей-нищих, побирающихся ландскнехтов и всякого рода авантюристов, — поистине Фальстафовский фон, который в исторической драме такого типа был бы еще выразительнее, чем у Шекспира!»

Основная политическая мысль, которую Шекспир проводит в своих хрониках, это то, что крупные феодалы, вечно бунтующие, эгоистичные и не признающие никакой власти над собой, — бич страны и народа, величайшее зло в государстве. Таковы все эти Нортемберленды, Глендоуры, Перси Хотсперы, изображенные в «Генрихе IV».

Феодальной анархии Шекспир противопоставляет идею государственности, внутреннего объединения всей страны под единой, твердой центральной властью. Такой властью в те времена могла быть только королевская власть. Поэтому Шекспир считает ее лучшим из возможных исходов. Королевская власть обуздывала феодалов, водворяла в стране мир, давала ей какую-то возможность спокойного развития. Но для этого Шекспир считал необходимым, чтобы король был справедлив, соблюдал законы, заботился о действительных нуждах страны, словом, чтобы он был не столько владыкой, сколько слугою народа.

Такое представление о королевской власти было утопическим, и Шекспир, конечно, понимал, что таких королей на свете не бывает. Об этом лучше всего говорят те образы королей, которые он создал в своих хрониках. Правда, он попробовал нарисовать образ идеального короля в лице Генриха V. Но этот король в его хрониках единственное исключение; все остальные — либо тираны, либо добрые, но слабые правители, неспособные дать стране мир и счастье. По-настоящему «хорошие» короли у Шекспира выведены только в сказках, в вымышленных сюжетах его пьес.

Стремление к национальному единству и патриотическое чувство очень сильны у Шекспира. Он горячо любит свою родину и не раз протестует против увлечения всем иностранным — против увлечения французскими, итальянскими, испан-

скими модами и обычаями. Но это никогда не переходит у него в национальное чванство, в презрение к другим народам.

Мы не будем останавливаться на последних пьесах Шекспира — на его трагикомедиях. Как мы уже упоминали, в них чувствуется ослабление его творчества, вызванное невозможностью для него говорить полным голосом в годы реакции и засилья аристократических тенденций при Якове I. Правда, в «Буре» — самой последней из шекспировских пьес — можно еще найти замечательные мысли и образы, но в общем в этих пьесах звучит грустное примирение, отказ от борьбы, вскоре выразившийся в полном отходе Шекспира от театра.

Мы заканчиваем наш очерк. Все самое существенное и ценное, что мы находим в шекспировском творчестве, можно резюмировать так: Шекспир — великий реалист, великий гуманист и великий народный писатель.

Замечательный реализм Шекспира хорошо ощущался его современниками и большинством старых критиков, живших после него. Они единодушно называли Шекспира «поэтом природы», «изобразителем природы», «самой природой», подразумевая под «природой» живое, естественное, непосредственное отношение ко всем явлениям мира, в противоположность надуманному, искусственному. Это все верно в отношении Шекспира, но к этому надо прибавить еще многое другое. Истинный художник-реалист не только изображает действительность, но и умеет глубоко проникнуть в нее, подметив и раскрыв то, что в ней есть самого существенного.

Шекспир был именно таков. Он не только умел наблюдать и передавать все то, что он видел, но и подмечать типические черты, которые помогают понять то существенное, что есть в жизни, и открыть в ней закономерность. Шекспир не только видел и чувствовал очень многое, но и объяснял это в своих произведениях.

Конечно, реализм Шекспира, жившего более чем три века тому назад, во многих отношениях еще очень несовершенен, хотя бы по сравнению с великими реалистами XIX века, как, например, Бальзак или Лев Толстой. Шекспир еще во многом отдавал дань своему времени, был во власти старых предрассудков. Примером может служить хотя бы то, что он

нередко вводил в свои пьесы сверхъестественное — духов, ведьм, привидения. Однако не следует преувеличивать эту черту. В идейном замысле шекспировских пьес все эти духи не играют никакой существенной роли. Это — старый театральный эффект, принятый как в народном, так и в «ученом» театре того времени, и Шекспир сохранил его по традиции. Сверхъестественное у него служит как бы иллюстрацией реальных мыслей и чувств его героев, которые одни только определяют развитие действия и идейное содержание пьесы.

И если кое в чем шекспировский реализм и не может сравниться с позднейшими, более зрелыми формами реализма, то в других отношениях он остается, можно сказать, непрезойденным. Это касается, например, широты и объективности, с какою Шекспир показывает характеры людей и анализирует человеческие чувства и поступки, раскрывая их причины.

Реализм Шекспира проявился также и в его языке. Вообще говоря, язык Шекспира очень богат и сложен. Ни у одного английского писателя нет такого количества слов, выражений, оборотов. Можно различить у Шекспира несколько стилей. Разные персонажи говорят у него неодинаковым языком, в зависимости от своего общественного положения. Сцены лирические, трогательные, комические, трагические и т. п. тоже написаны у него разными стилями. Но и независимо от всего этого стиль Шекспира с течением времени изменялся.

В молодости Шекспир и тут отдал дань своему времени. В конце XVI века в английской литературе чрезвычайно вошел в моду особенный, вычурный стиль, отличавшийся очень сложным построением фразы, обилием мифологических терминов, витиеватыми сравнениями, игрой слов, противопоставлениями и т. п. Однако Шекспир вскоре освобождается от влияния этого стиля, глубоко чуждого его мировоззрению, и в ряде мест высмеивает всякую напыщенность речи.

В целом, стиль Шекспира глубоко правдив и реалистичен. Шекспир стремится быть доступным для каждого. Он избегает общих, туманных выражений, выбирая слова конкретные и точные, передающие сущность каждого чувства или впечатления вплоть до малейших его оттенков. Он очень любит наглядность, часто пользуется образами из жизни природы, охотно употребляет красочные обороты народной речи,

И не случайно он очень часто облекает свои гуманистические идеи в форму народной мудрости. Самый яркий пример этого — речи шута в «Короле Лире».

Трудно найти другого писателя прошлых времен, в произведениях которого было бы столько народных пословиц, поговорок, отрывков из песен и т. д., как у Шекспира. Но он никогда не приспособляет свою мысль и способ выражения, не подкрашивает свой стиль под народную речь. Он лишь выбирает ту форму, которая соответствует его художественному сознанию и при этом он всегда глубоко народен по своему тону. Все, что Шекспир выражает, по существу своему есть народная правда.

Шекспир оказал огромное влияние на европейскую литературу. Это влияние становится очень значительным с тех пор, как начинают распространяться идеи так называемого «буржуазного просвещения» (деятельность Вольтера, Руссо, Дидро, французских материалистов), и еще более возрастает после французской революции 1789 года. Шекспир становится образцом и учителем всех самых прогрессивных писателей первой половины XIX века. Знакомство с Шекспиром сильно отразилось на творчестве драматургов, стремившихся создать национальную, народную драму, как Виктор Гюго, Лессинг, Гете, Шиллер. Очень любил Шекспира Гейне, который написал, между прочим, прекрасную статью «Женщины и девушки Шекспира».

У нас Шекспир оказал заметное влияние на целый ряд писателей, в первую очередь на Пушкина, который во многих местах «Бориса Годунова» сознательно подражал ему. Пушкину принадлежит ряд замечательных высказываний о Шекспире, на которого он всегда ссылался в своих рассуждениях о драме.

Маркс и Энгельс чрезвычайно высоко ценили Шекспира. Мы уже видели, что они ставили его в пример Лассалю, когда тот попытался написать историческую драму. Множество раз в своих сочинениях Маркс использовал шекспировские образы для того, чтобы живее разъяснить какую-нибудь глубокую общую мысль. В своей «Исповеди», имеющей шуточную форму анкеты, но очень серьезной по содержанию, в графе «Ваши любимые поэты» Маркс написал: «Шекспир, Эсхил, Гете». Очень ценил Шекспира и Энгельс, много раз упоминавший его в своих письмах и сочинениях.

Шекспир жив для нас и сейчас, и, несмотря на то, что общественная мысль и искусство с тех времен далеко ушли вперед,

мы можем у него многому научиться. Особенно близок он именно нам, потому что только в нашем Союзе осуществляются на деле лучшие гуманистические идеи, намеченные в его творчестве. Наши писатели могут у него поучиться удивительной его объективности, умению проникать в сущность явлений и человеческих отношений, умению широко и поистине художественно отражать их, а мы все должны учиться у него душевной бодрости, стойкости в борьбе, любви к правде и к людям, великой человечности Шекспира.

А. А. Смирнов.

A decorative border with a repeating floral motif surrounds the text.

ГАМЛЕТ
✦
МАКБЕТ
✦
КОРОЛЬ ЛИР
✦

Увы, бедный Норик!

(Гамлет. Act V. сцена 2)

ГАМЛЕТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Клавдий, король датский.

Гамлет, сын покойного и племянник царствующего короля.

Фортинбрас, принц норвежский.

Полоний, канцлер.

Горацио, друг Гамлета.

Лаэрт, сын Полония.

Вольтиманд

Корнелий

Розенкранц

Гильденстерн

Осрик

Дворянин

Священник.

Марцелл

Бернардо

Франсеяско, солдат.

Рейнальдо, слуга Полония.

Актеры.

Два могильщика.

Офицер.

Английские послы.

Гертруда, королева датская, мать Гамлета.

Офелия, дочь Полония.

Вельможи, дамы, офицеры, солдаты, моряки, гонцы и слуги.

Призрак Гамлетова отца.

Действие происходит в Эльсиноре.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

Эльсинор. Площадка перед замком.

Франсиско на страже. Входит Бернардо.

Бернардо

Кто здесь?

Франсиско

Сам отвечай; стой и скажи, кто ты.

Бернардо

Король да здоровствует!

Франсиско

Бернардо?

Бернардо

Он.

Франсиско

Вы в самое пожаловали время.

Бернардо

Двенадцать бьет; иди, ложись, Франсиско.

Франсиско

Спасибо, что сменили; холод резкий,
И мне не по себе.

Бернардо

Всё было тихо?

Франсиско

Мышь не шевельнулась.

Бернардо

Ну, доброй ночи.

И если встретишь остальных, Марцелла
Или Горадио, поторопи их.

Франсиско

Я их как будто слышу. — Стой! Кто тут?

(Входят Горадио и Марцелл.)

Горадио

Друзья стране.

Марцелл

И люди датской службы.

Франсиско

Покойной ночи.

Марцелл

С богом, честный воин;

А кто сменил тебя?

Франсиско

Пришел Бернардо.

Покойной ночи.

(Уходит.)

Марцелл

Эй! Бернардо!

Бернардо

Что,

Горадио с тобой?

Горадио

Отчасти да.

Бернардо

Привет, Горадио; Марцелл, привет.

Марцелл

Ну что, опять сегодня появлялось?

Бернардо

Я ничего не видел.

Марцелл

Горадио считает это нашей
Фантазией, и в жуткое виденье,
Представшее нам дважды, он не верит;
Поэтому его я пригласил
Побыть на страже с нами эту ночь,
И, если призрак явится опять,
Пусть взглянет сам и пусть его окликнет.

Горадио

Чушь, чушь, не явится.

Бернардо

Давайте, сядем;

И, атакуя твой строптивый слух,

Расскажем вновь все то, что мы видали
Две ночи кряду.

Г о р а ц и о

Хорошо, согласен;
Присядем и послушаем Бернардо.

Б е р н а р д о

Минувшей ночью,
Когда вон та звезда, левей Полярной,
Сияла в той же самой части неба,
Где блещет и теперь, Марцелл и я,
Едва пробило час...

(Входит Призрак.)

М а р ц е л л

Тш, замолчи; смотри, вот он опять!

Б е р н а р д о

Совсем такой, как был король покойный.

М а р ц е л л

Ты книжник; обратись к нему, Горадио.

Б е р н а р д о

Похож на короля? Взгляни, Горадио.

Г о р а ц и о

Да; я пронизан страхом и смущеньем.

Б е р н а р д о

Он ждет вопроса.

М а р ц е л л

Спрашивай, Горадио.

Г о р а ц и о

Кто ты, что посягнул на этот час
И этот бранный и прекрасный облик,

В котором мертвый повелитель датчан
Ступал когда-то? Заклинаю, молви!

Марцелл

Он оскорблен.

Бернардо

Смотри, шагает прочь!

Гораццо

Стой! Молви, молви! Заклинаю, молви!

(Призрак уходит.)

Марцелл

Ушел — и не ответил.

Бернардо

Ну что, Гораццо? Дрожишь и бледен?
Ведь это не фантазия, как будто?
Что скажешь ты?

Гораццо

Клянусь вам богом, я бы не поверил,
Когда бы сам не убедился в этом
Воочию.

Марцелл

Похож на короля?

Гораццо

Как ты сам на себя.
Такая же броня была на нем,
Когда с кичливым бился он Норвежцем;¹
Вот так он хмурился, когда на льду
В свирепой схватке разгромил поляков.
Как странно!

Марцелл

И так он дважды, в этот мертвый час,
Прошел при нашей страже грозным шагом.

Гораццо

Что в точности подумать, я не знаю;
Но вообще я в этом вижу знак
Каких-то странных смут для государства.

Марцелл

Не сесть ли нам? И пусть, кто знает, скажет,
К чему вот эти строгие дозоры,
Которые мы по ночам несем?
К чему литье всех этих медных пушек,
И эта скупка боевых припасов,
Вербовка плотников, чей тяжелый труд
Не различает праздников от будней?
В чем тайный смысл такой горячей спешки,
Что день и ночь кругом идет работа?
Кто объяснит мне?

Гораццо

Я; по крайней мере,
Есть слух такой. Король покойный Гамлет,
Чей образ перед нами здесь являлся,
Был вызван на смертельный поединок
Соперником воинственным своим,
Норвежским Фортинбрасом. Храбрый Гамлет —
Таким он слыл во всем известном мире —
Убил его; а тот по договору,
Скрепленному по чести и законам,
Лишался вместе с жизнью всех земель,
Ему подвластных, в пользу короля,
Взамен чего покойный наш король
Ручался равной долей, каковая
Переходила в руки Фортинбраса,
Когда бы тот взял верх; но он погиб,
И потому норвежские владенья
Достались Гамлету. И вот, незрелой!

Киня отвагой, младший Фортинбрас
Набрал себе с норвежских побережий
Ватагу беззаконных удалцов
Для предприятия, где нужна решимость
И мужество; и то не что иное, —
Так понято и нашею державой, —
Как отобрать с оружием в руках,
Путем насилья, сказанные земли,
Отцом его утраченные; вот
Чем вызваны приготовления наши,
Вот почему мы по ночам на страже,
И всюду шум и спешка в государстве.

Б е р н а р д о

Я думаю, что так оно и есть.
Вот почему и этот вещий призрак
В доспехах бродит, схожий с королем,
Который подал повод к этим войнам.

Г о р а ц и о

Такой пылинкой ослеплен рассудок!
В высоком Риме, городе побед,
В дни перед тем, как пал могучий Юлий,²
Покинув гробы, в саванах, вдоль улиц
Визжали и гнусили мертвецы;
Дождь кровью шел, кометы мчались в небе,
Тусклое солнце; влажная звезда,
В чьей области Нептунова держава,³
Болела тьмой, почти как в судный день;⁴
Такие же предвестья злых событий,
Спешащие гонцами пред судьбой
И возвещающие о грядущем,
Явили вместе небо и земля
И нашему народу и стране.

(Призрак возвращается.)

Но тише, видите? Вот он опять!
Иду, я порчи не боюсь.⁵ — Стой, призрак!

Когда владеешь звуком ты иль речью,
Заговори!

Когда могу я что-нибудь свершить
Тебе в угоду и себе на славу,
Заговори!

Когда тебе открыт удел отчизны,
Предведением, быть может, отвратимый,
Молю, заговори!

Или когда при жизни ты зарыл
Награбленные клады, по которым
Вы, духи, в смерти, говорят, томитесь,

(Поет петух.)

Заговори, останься! — Задержи
Его, Марцелл.

Марцелл

Ударить протазаном? ⁶

Горацио

Да, если двинется.

Бернардо

Он здесь!

Горацио

Он здесь!

(Призрак уходит.)

Марцелл

Ушел!

Напрасно мы, раз он так величав,
Ему являем видимость насилья;
Ведь он для нас неуязвим, как воздух,
И наше нападение — лишь обида.

Бернардо

Он бы ответил, да зашел петух.

Г о р а ц и о

И вздрогнул он, как некто виноватый,
При грозном оклике. Я слышал, будто
Петух, трубач зари, своей высокой
И звонкой глоткой будит ото сна
Дневного бога,⁷ и при этом зове,
Будь то в воде, в огне, в земле иль в ветре,
Блуждающий на воле дух спешит
В свои пределы; то, что это правда,
Нам настоящий случай доказал.

М а р ц е л л

Он стал незрим при петушином крике.
Есть слух, что каждый год, близ той поры,
Когда родился на земле спаситель,
Певец зари не молкнет до утра;
Тогда не смеют шелохнуться духи,
Целебны ночи, не вредят планеты,⁸
Ни феи, ни колдуньи не чаруют, —
Так благостно и свято это время.

Г о р а ц и о

Я это слышал, и отчасти верю.
Но вот и утро в мантии багряной
Ступает по росе восточных гор.
Прервемте стражу; и, я так бы думал,
То, что мы ночью видели, не скроем
От молодого Гамлета; клянусь,
Что дух, немой для нас, ему ответит.
Согласны вы, чтоб мы ему сказали,
Как это нам велят любовь и долг?

М а р ц е л л

Да, я прошу; и я сегодня знаю,
Где нам его найти всего верней.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Торжественная зала в замке.

(Фанфары.)

(Входят король, королева, Гамлет, Полоний, Лаэрт, Вольтиманд, Корнелий, вельможи и слуги.)

Король

Хоть нашего возлюбленного брата
Свежа кончина, и пристало нам
Болезнь душой и всей державе нашей
Чело нахмурить в тягостной печали,
Однако разум поборол природу,
И мы о нем со скорбью мудрой помним,
Совместно с помышленьем о себе.
Поэтому сестру и королеву,
Наследницу воинственной страны,
Мы, как бы с омраченным торжеством, —
Одним смеясь, другим печалясь оком,
Скорбя на свадьбе, веселясь над гробом,
Уравновесив радость и унынье, —
В супруги взяли, в этом опираясь
На вашу мудрость, бывшую нам вольной
Сопутницей. За всё благодарим.
Теперь другое: юный Фортибрас,
Ценя нас невысоко или мысля,
Что с той поры, как опочил наш брат,
Пришло в упадок наше королевство,
Вступил в союз с мечтой самолюбивой
И неустанно требует от нас
Возврата тех земель, что в обладанье
Законно принял от его отца
Наш славный брат. И это есть причина
Сегодняшнего нашего собранья.
Мы повелели написать письмо,
Проя Норвежда, дядю Фортибраса, —
Который, немощный, едва ль что слышал
О замыслах племянника, — пресечь

Его шаги, затем что и наборы,
И все снабженье войск обременяют
Его же подданных; и мы хотим,
Чтоб ты, мой Вольтиманд, и ты, Корнелий,
Свезли посланье старому Норвежцу,
Причем мы вам даем не больше власти
В переговорах с королем, чем здесь
Дозволено статьями. Добрый путь.
Поспешностью отметьте ваше рвенье.

Корнелий и Вольтиманд

Здесь, как во всем, мы явим наше рвенье.

Король

Мы в том не сомневались; добрый путь.

(Вольтиманд и Корнелий уходят.)

А ты, Лаэрт, что нам расскажешь ты?
О чем ты нас хотел просить, Лаэрт?
Пред Датчанином голос твой напрасно
Не прозвучит. Что мог бы ты желать,
Чего бы сам тебе не предложил я?
Не так покорна сердцу голова,
Не так рука услужлива устам,
Как датский скипетр твоему отцу.
Что б ты хотел, Лаэрт?

Лаэрт

Мой государь,
Дозвольте мне во Францию вернуться;
На вашу коронацию оттуда
Я, верный долгу, прибыл добровольно,
Но, сознаюсь, теперь мои надежды
И помыслы опять назад стремятся
И ждут, склоняясь, чтоб вы явили милость.

Король

А как отец? Что говорит Полоний?

Полоний

Он долго докучал мне, государь,
Настойчивыми просьбами, пока
Я не скрепил их нехотя согласьем.
Я вас прошу, дозволейте ехать сыну.

Король

Что ж, в добрый час, Лаэрт; твоим будь время,
И трать его по мере лучших сил!
А ты, мой Гамлет, мой племянник милый...

Гамлет (в сторону)

Племянник — пусть; но уж никак не милый.

Король

Ты все еще окутан прежней тучей?

Гамлет

О нет, мне даже слишком много солнца.

Королева

Мой милый Гамлет, сбрось свой черный цвет,
Взгляни, как друг, на датского владыку.
Нельзя же день за днем, потупив взор,
Почившего отца искать во прахе.
То участь всех: всё жившее умрет
И сквозь природу в вечность перейдет.

Гамлет

Да, участь всех.

Королева

Так что ж в его судьбе
Столь необычным кажется тебе?

Гамлет

Не кажется, а есть. Я не хочу
Того, что кажется. Ни плащ мой темный,
Ни эти мрачные одежды, мать,

Ни бурный стон стесненного дыханья,
Нет, ни очей поток многообильный,
Ни горем удрученные черты
И все обличья, виды, знаки скорби
Не выразят вам чувств моих; все это
Лишь кажется и может быть игрою;
То, что во мне, правдивей, чем игра;
А прочее — наряд и мишура.

Король

Весьма отрадно и похвально, Гамлет,
Что ты отцу печальный платишь долг;
Но и отец твой потерял отца;
Тот — своего; и переживший призван
Сыновней верностью на некий срок
К надгробной скорби; но являть упорство
В строптивом горе будет нечестивым
Упрямством; так не сетует мужчина;
То признак воли, непокорной небу,

Души нестойкой, буйного ума,
Худого и немудрого рассудка.
Ведь если что-нибудь неотвратимо
И потому случается со всеми,
То можно ль этим, в хмуром недовольстве,
Тревожить сердце? Это грех пред небом,
Грех пред усопшим, грех пред естеством,
Противный разуму, который учит,
Что смертны все отцы, и повторяет
От первого покойника доныне:
«Так должно быть». Тебя мы просим: брось
Бесплодную печаль, о нас помысли,
Как об отце; пусть не забудет мир,
Что ты всех ближе к нашему престолу,
И я не меньшей щедростью любви,
Чем сына самый нежный из отцов,
Тебя дарю. Что до твоей заботы
Вернуться для ученья в Виттенберг, —
Она противоречит нашим мыслям.
И я прошу тебя: склонись остаться
Здесь, в ласке и в утехе наших взоров,
Наш первый друг, наш родич и наш сын.

К о р о л е в а

Пусть мать тебя не тщетно просит, Гамлет;
Останься здесь, не ездь в Виттенберг.

Г а м л е т

Сударыня, я вам во всем послушен.

К о р о л ь

Вот любящий и милый нам ответ;
Будь здесь, как мы. — Сударыня, идемте;
В согласи принца, вольном и радушном,
Улыбка сердцу; в знак чего сегодня
На всякий ковш, что Датчанин осушит,
Большая пушка грянет в облака,
И гул небес над королевской чашей
Земным громам откликнется. — Идем!

(Трубы. Уходят все, кроме Гамлета.)

Гамлет

О, если б этот плотный сгусток мяса
Растаял, сгинул, изошел росой!
Иль если бы творец не запретил
Самоуничтоженье! Боже! Боже!
Каким докучным, тусклым и ненужным
Мне кажется всё, что ни есть на свете!
О мерзость! Это буйный сад, плодящий
Одно лишь семя; дикое и злое
В нем властвует. До этого дойти!
Два месяца, как умер! Меньше даже.
Такой король! Сравнить обоих братьев —
Феб и сатир. Так мать мою любивший,
Что ветрам неба он бы не дал тронуть
Ее лица. О небо и земля!
Мне ль вспоминать? Она в него вшивалась,
Как если б голод только возрастал

От насыщения. А через месяц —
Не думать бы об этом! — брэнность, ты
Зовешься: женщина! — и башмаков
Не износив, в которых шла за гробом,
Как Ниобея, вся в слезах, — она, —
О боже, зверь, лишенный разуменья,
Скучал бы дольше! — замужем за дядей,
Который на отца похож не больше,
Чем я на Геркулеса. Через месяц!
Еще и соль ее бесчестных слез
На покрасневших веках не исчезла,
Как вышла замуж. Гнусная поспешность —
Так броситься на одр кровосмешенья!
Нет и не может в этом быть добра.
Но смолкни, сердце, скован мой язык!
(Входят Горацио, Марцелл и Бернардо.)

Горацио

Привет вам, принц!

Гамлет

Я очень рад вас видеть;
Горацио, — или я сам не я.

Горацио

Он самый, принц, и бедный ваш слуга.

Гамлет

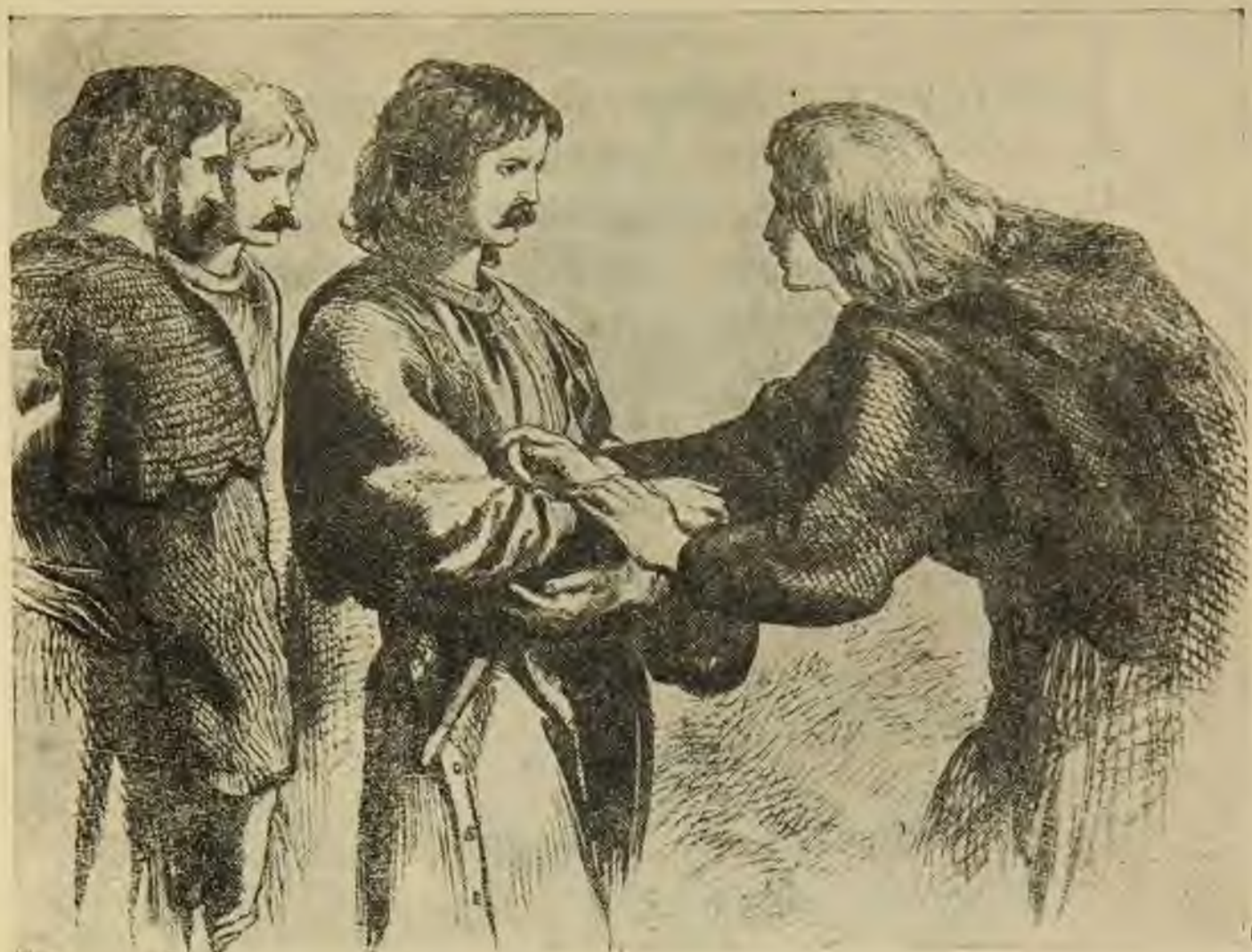
Мой добрый друг; пусть то взаимно будет.⁹
Но почему же вы не в Виттенберге?¹⁰
Марцелл?

Марцелл

Мой добрый принц...

Гамлет

Я очень рад вас видеть. (К Бернардо.) Добрый вечер. —
Так почему же вы не в Виттенберге?

Г о р а ц и о

По склонности к безделью, добрый принц.

Г а м л е т

Мне этого и враг ваш не сказал бы,
И слух мой не насилуйте и вы,
Чтоб он поверил вашему извету
На самого себя; вы не бездельник.
Но что у вас за дело в Эльсиноре?
Пока вы здесь, мы вас научим пить.

Г о р а ц и о

Я плыл на похороны короля.

Г а м л е т

Прошу тебя, без шуток, друг-студент;
Скорей уже — на свадьбу королевы.

Г о р а ц и о

Да, принц, она последовала быстро.

Г а м л е т

Расчет, расчет, приятель! От поминок
Холодное пошло на брачный стол.
О, лучше бы мне встретился в раю
Мой злейший враг, чем этот день, Горацио!
Отец, — мне кажется, его я вижу.

Г о р а ц и о

Но где же, принц?

Г а м л е т

В очах моей души.

Г о р а ц и о

Его я помню; истый был король.

Г а м л е т

Он человек был, человек во всем;
Ему подобных мне уже не встретить.

Г о р а ц и о

Мой принц, он мне явился нынче ночью.

Г а м л е т

Явился? Кто?

Г о р а ц и о

Король, отец ваш.

Г а м л е т

Мой отец, король?

Г о р а ц и о

На миг умерьте ваше изумленье
И слушайте, что я вам расскажу,
В свидетели взяв этих офицеров,
Об этом диве.

Г а м л е т

Ради бога, да.

Г о р а ц и о

Две ночи кряду эти офицеры,
Бернардо и Марцелл, неся дозор,
В безжизненной пустыне полуночи,
Видали вот что. Некто, как отец ваш,
Вооруженный с ног до головы,
Является и величавым шагом
Проходит мимо. Трижды он прошел
Пред их застывшим от испуга взором,
На расстоянии жезла; они же,
Почти что в стужень обратясь от страха,
Стоят, храня безмолвье. Это мне
Они поведали под страшной тайной.
На третью ночь я с ними был на страже;
И, как они сказали, в тот же час
И в том же виде, подтвердив всё точно,
Явилась тень. Я помню короля;
Так схожи две руки.

Г а м л е т

Где ж это было?

М а р ц е л л

Принц, на площадке, где мы сторожим.

Г а м л е т

Вы с ним не говорили?

Г о р а ц и о

Говорил,

Но он не отвечал; хотя однажды
Он поднял голову, и мне казалось,
Как будто он хотел заговорить;
Но в этот самый миг зашел стух;
При этом звуке он метнулся быстро
И стал невидим.

Г а м л е т

Это очень странно.

Г о р а ц и о

Как то, что я живу, все это правда,
И мы считали предписанием долга
Сказать вам это.

Г а м л е т

Да, да, конечно, только я смущен.
Сегодня кто на страже? Вы?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Да, принц.

Г а м л е т

Вооружен, сказали вы?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

Да, принц.

Г а м л е т

От головы до ног?

М а р ц е л л и Б е р н а р д о

От пят по темя.

Г а м л е т

Так вы не видели его лица?

Г о р а ц и о

Нет, как же, принц; он шел, подняв забрало.

Г а м л е т

Что, он смотрел угрюмо?

Г о р а ц и о

В лице была скорей печаль, чем гнев.

Г а м л е т

И бледен иль багров?

Г о р а ц и о

Нет, очень бледен.

Гамлет

И смотрел на вас?

Горацио

Да, пристально.

Гамлет

Жаль, что я не был там.

Горацио

Он ужаснул бы вас.

Гамлет

Весьма возможно. И он долго пробыл?

Горацио

Вы счесть могли бы до ста не снесла.

Марцелл и Бернардо

Нет, дольше, дольше.

Горацио

При мне не дольше.

Гамлет

Борода седая?

Горацио

Такая, как я видел у живого, —
Чернь с серебром.

Гамлет

Сегодня буду с вами;
Быть может, вновь придет он.

Горацио

Я ручаюсь.

Гамлет

И я заговорю с моим отцом,
Хотя бы ад разверзся и велел мне,
Чтоб я безмолвствовал. Прошу вас всех,
Как до сих пор об этом вы молчали,
Так вы и впредь храните это в тайне,
И, что бы ни было сегодня ночью,
Толкуйте это только про себя;
Я за любовь вам отплачу. Прощайте;
Я к вам приду в двенадцатом часу.

Все

Примите, принц, покорность ваших слуг.

Гамлет

Приму любовь, а вы — мою; прощайте.

(Уходят все, кроме Гамлета.)

Дух Гамлета в доспехе! Дело скверно;
Здесь что-то кроется. Скорей бы ночь!
Терпи, душа; зло встанет все равно,
Хоть в недрах мира будь погребено.

(Уходит.)

СЦЕНА III

Комната в доме Полония.

(Входят Лаэрт и Офелия.)

Лаэрт

Мои пожитки собраны; простимся;
И если ветер выдастся попутный,
И будет случай, то не спи, сестра,
И весть пришли.

Офелия

Ты сомневался в этом?

Лаэрт

А Гамлет, и его расположенье —
Так это лишь порыв, лишь прихоть крови,

Цветок фиалки на заре весны,
Поспешный, хрупкий, сладкий, неживучий,
Благоухание одной минуты,
И только.

О ф е л и я

Только и всего?

Л а э р т

Поверь мне;

Природа, зрея, умножает в нас
Не только мощь и статность; с ними вместе
Мужают силы духа и ума.
Сейчас тебя он, может быть, и любит;
Ни скверна, ни лукавство не пятнают
Его благих желаний; но страшись:
Великие в желаниях не властны;
Он в подданстве у своего рожденья;
Он не свободен, как простые люди,
Сам выбирать; от выбора его
Зависят жизнь и здравье всей державы;
Он — голова, но связан волей тела
Во всех своих решениях. И если
Тебе он говорит слова любви,
То будь умна и верь им лишь настолько,
Насколько он в своем высоком сане
Их может оправдать; а это будет,
Как общий голос Дании решит.
И взвесь, как честь унижится твоя,
Коль ты поверишь песням обольщенья,
Иль потеряешь сердце, иль откроешь
Свой чистый клад беспутным настояньям.
Страшись, Офелия, страшись, сестра,
И хоронись в тылу своих желаний,
Вдали от стрел и пагубы страстей.
Любая девушка щедра не в меру,
Давая на себя взглянуть луне;
Для клеветы ничто и добродетель;
Червь часто точит первенцев весны,

Пока еще их не раскрылись почки,
И в утро юности, в росистой мгле,
Тлетворные опасны дуновенья.
Будь осторожна; робость — лучший друг;
Враг есть и там, где никого вокруг.

О ф е л и я

Я сохраню, как сторожа души,
Урок твой добрый. Только, милый брат,
Не будь, как грешный пастырь, что другим
Указывает к небу путь тернистый,
А сам, беспечный и пустой гуляка,
Идет цветущею тропой утех,
Забыв свои советы.

Л а э р т

О, не бойся.

Но я замешкался; вот и отец.

(Входит Полоний.)

Вдвойне блажен благословенный дважды;
Мне улыбнулся случай вновь проститься.

П о л о н и й

Ты здесь еще? Стыдись, пора, пора!
У паруса сидит на шее ветер,
И ждут тебя. Ну, будь благословен!

(Кладя руку на голову Л а э р т у)

И в память запиши мои заветы.
Держи подальше мысль от языка,
А необдуманную мысль — от действий.
Будь прост с другими, но отнюдь не пошл.
Своих друзей, их выбор испытай,
Прикуй к душе стальными обручами,
Но не мозоль ладони кумовством
С любым дрянным молокососом. В ссору
Вступать остерегайся; но, вступив,
Так действуй, чтоб остерегался недруг,

Всех слушай, но беседуй не со всяким;
Сбирай все мненья, но свое храни.
Шей платье по возможности дороже,
Но без затей — богато, но не броско;
По виду часто судят человека;
А у французов высшее сословье
Весьма изысканно и чинно в этом.
В долг не бери и займы не давай;
Легко и ссуду потерять, и друга,
А займы тупят лезвие хозяйства.
Но главное: будь верен сам себе;
Тогда, как вслед за днем бывает ночь,
Ты не изменишь и другим. Прощай;
Благословеньем это все скрепится.

Лаэрт

Почтительно прощаюсь, господин мой.

Полоний

Иди, взывает время; слуги ждут.

Лаэрт

Прощай, Офелия, и не забудь
Мои слова.

Офелия

Я их замкнула в сердце,
И ключ от них уносишь ты с собой.

Лаэрт

Прощайте! (*Уходит.*)

Полоний

Скажи, о чем с тобой он говорил?

Офелия

О принце Гамлете, коль вам угодно.

Полоний

Что ж, это кстати;
Мне сообщали, будто очень часто

Он стал с тобой делить досуг, и ты
Ему весьма свободно даришь доступ;
Коль это так, — а так мне говорили,
Желая остеречь, — то я скажу,
Что честь обязывает дочь мою
Быть осмотрительней в своих поступках.
Что это там у вас? Скажи мне правду.

О ф е л и я

Он мне принес немало уверений
В своих сердечных чувствах.

П о л о н и й

В сердечных чувствах! Вот слова девицы,
Не искушенной в столь опасном деле.
И что ж, ты этим увереньям веришь?

О ф е л и я

Не знаю, что и думать, господин мой.

П о л о н и й

А думать ты должна, что ты дитя,
Раз уверенья приняла за деньги.
Уверь себя, что ты дороже стоишь;
Иль — как бы не заездить это слово —
Меня уверишь ты, что я дурак.

О ф е л и я

Он о своей любви твердил всегда
С большой учтивостью.

П о л о н и й

По-твоему, с учтивостью? Ну, ну!

О ф е л и я

И речь свою скрепил он, господин мой,
Едва ль не всеми клятвами небес.

П о л о н и й

Силки для куликов! Я знаю сам,
Когда пылает кровь, как щедр бывает

Язык на клятвы; эти вспышки, дочь,
Которые сияют, но не греют,
И тухнут при своем возникновеньи,
Не принимай за пламя. Впредь скупее
Будь на девичье общество свое;
Цени свою беседу подороже,
Чем встреча по приказу. Что до принца,
То верь ему, что молод он и может
Гулять на привязи длиннее той,
Которая дана тебе; но клятвам
Его не верь; затем что это сводни,
Другого цвета, чем на них наряд,
Ходатаи греховных домогательств,
Звучащие, как чистые обеты,
Чтоб лучше обмануть. Раз навсегда:
Я не желаю, чтобы ты отныне
Губила свой досуг на разговоры
И речи с принцем Гамлетом. Смотри,
Я это приказал. Теперь ступай.

О ф е л и я

Я буду вам послушна, господин мой.

(Уходят.)

СЦЕНА IV

Площадка.

(Входят Гамлет, Горадио и Марцелл.)

Г а м л е т

Как воздух щиплет; большой мороз.

Г о р а д и о

Производительный и леденящий воздух.

Г а м л е т

Который час?

Г о р а д и о

Должно быть, скоро полночь.

Марцелл

Уже пробило.

Горацио

Да? Я не слышал; значит, близко время,
Когда виденье примется бродить.

(Фанфары и пушечный выстрел за сценой.)

Что это значит, принц?

Гамлет

Король сегодня тешится и кутит,
За здравье пьет и кружит в бурном плясе;
И чуть он опорожнит кубок с рейнским,
Как гром литавр и труб разносит весть
Об этом подвиге.

Горацио

Таков обычай?

Гамлет

Да, есть такой;
Но мне, однако, хоть я здесь родился

И свыкся с правами, обычай этот
Похвальнее нарушить, чем блюсти.
Тупой разгул на запад и восток
Позорит нас среди других народов;
Нас называют пьяницами, клички
Дают нам свинские; да ведь и вправду,
Он наши высочайшие дела
Лишает самой драгоценной славы.
Бывает и с отдельными людьми,
Что если есть у них порок врожденный, —
Хоть в этом их вины и нет: природа
Не отвечает за свои истоки, —
Иль перевес какого-нибудь свойства,
Сносящий прочь все крепости рассудка,
Или привычка, портящая облик
Того, что принято, то в этих людях,
Отмеченных хотя б одним изъяном —
Пятном природы иль клеймом судьбы, —
Все их достоинства, — пусть нет им счета,
И пусть они как совершенство чисты, —
По мненью прочих, этим недостатком
Уже погублены; крупица зла
Всё доброе проникнет подозреньем
И обесславит.

(Входит Призрак.)

Г о р а ц и о

Принц, смотрите, вот он!

Г а м л е т

Да охранят нас ангелы господни!
Блаженный ты или проклятый дух,
Овеян небом иль геенной дышишь,
Злых или добрых умыслов исполнен, —
Твой образ так загадочен, что я
К тебе взываю: Гамлет, повелитель,
Отец, державный Датчанин, ответь мне!
Не дай сгореть в неведеньи; скажи,
Зачем твои схороненные кости

Порвали саван свой; зачем гробница,
В которой был ты мирно упокоен,
Разъяв свой тяжкий мраморный оскал,
Тебя извергла вновь? Что это значит,
Что ты, бездушный труп, в железных латах,
Вступаешь вновь в мерцание луны,
Ночь исказив; и нам, шутам природы,
Так жутко потрясает естество
Мечтой, для наших душ недостижимой?
Скажи, зачем? к чему? И что нам делать?

(Призрак манит Гамлета.)

Г о р а ц и о

Он манит вас последовать за ним,
Как если бы хотел сказать вам что-то
Наедине.

М а р ц е л л

Смотрите, как учтиво
Он вас зовет поодаль отойти;
Но вы с ним не идите.

Г о р а ц и о

Ни за что.

Г а м л е т

Не отвечает; ну, так я иду.

Г о р а ц и о

Не надо, принц!

Г а м л е т

Зачем? Чего бояться?

Мне жизнь моя дешевле, чем булавка;
А что он сделает моей душе,
Когда она бессмертна, как и он?
Меня он снова манит; я иду.

Г о р а ц и о

Что, если вас он завлечет к волне
Иль на вершину грозного утеса,

Отец, державный Датчанин, ответь мне!

Нависшего над морем, чтобы там
Принять какой-нибудь ужасный облик,
Который может вас лишитъ рассудка
И ввергнуть вас в безумие? Оставайтесь!
Там поневоле сами возникают
Отчаянные помыслы в мозгу,
Когда мы с этой кручи смотрим в море
И слышим, как оно реветъ внизу.

Г а м л е т

Он манит вновь. — Иди; я за тобой.

М а р ц е л л

Нет, принц, вы не пойдете.

Г а м л е т

Руки прочь!

Г о р а ц и о

Нельзя, одумайтесь!

Г а м л е т

Мой рок взывает,

И это тело в каждой малой жилке
Полно отваги, как Немейский лев.

(Призрак манит.)

Он всё зовет? — Пустите! (*Вырываясь от них.*)

Я клянусь,

Сам станет тенью, кто меня удержит;
Прочь, говорю! — Иди; я за тобой.

(Гамлет и призрак уходят.)

Г о р а ц и о

Он одержим своим воображеньем.

М а р ц е л л

Идем за ним; нельзя оставить так.

Г о р а ц и о

Идем. — Чем может кончиться всё это?

Марцелл

Подгнило что-то в датском государстве.

Горацио

Всем управляет небо.

Марцелл

Что ж, идем.

(Уходят.)

СЦЕНА V

Другая часть площадки.

(Входят Призрак и Гамлет.)

Гамлет

Куда ведешь? Я дальше не пойду.

Призрак

Так слушай.

Гамлет

Я готов.

Призрак

Уж близок час мой,

Когда в мучительный и серный пламень
Вернуться должен я.

Гамлет

О бедный призрак!

Призрак

Нет, не жалею меня, но всей душой
Внимай мне.

Гамлет

Говори: я буду слушать.

Призрак

И должен отомстить, когда услышишь.

Г а м л е т

Что?

П р и з р а к

Я дух, я твой отец,
Приговоренный по ночам скитаться,
А днем томиться посреди огня,
Пока грехи моей земной природы
Не выжгутся дотла. Когда б не тайна
Моей темницы, я бы мог поведать
Такую повесть, что малейший звук
Тебе бы душу взрыл, кровь обдал стужей,
Глаза, как звезды, вырвал из орбит,
Разъял твои заплетшиеся кудри
И поднял дыбом каждый волос твой,
Как иглы на взъяренном дикобразе;
Но вечное должно быть недоступно
Плотским ушам. О, слушай, слушай, слушай!
Коль ты отца когда-нибудь любил...

Г а м л е т

О боже!

П р и з р а к

Отмети за гнусное его убийство.

Г а м л е т

Убийство?

П р и з р а к

Убийство гнусно по себе; но это
Гнуснее всех и всех бесчеловечней.

Г а м л е т

Скажи скорей, чтоб я на крыльях, быстрых,
Как помысел, как страстные мечтанья,
Помчался к мести.

*Я дух, я твой отец,
Приговоренный по ночам скитаться.*

Призрак

Вижу, ты готов;

Но даже будь ты вял, как тучный плевел,
Растущий мирно у летейских вод,
Ты бы теперь воспрянул. Слушай, Гамлет:
Идет молва, что я, уснув в саду,
Ужален был змеей; так уши датчан
Поддельной басней о моей кончине
Обмануты; но знай, мой сын достойный:
Змей, поразивший твоего отца,
Надел его венец.

Гамлет

О вещая моя душа! Мой дядя?

Призрак

Да, этот блудный зверь, кровосмеситель,
Волшбой ума, коварства черным даром, —
О гнусный ум и гнусный дар, что властны
Так обольщать! — склонил к постыдным ласкам
Мою, казалось, чистую жену;
О Гамлет, это ль не было паденьем!
Меня, чья благородная любовь
Шла неизменно об руку с обетом,
Мной данным при венчаньи, променять
На существо, в сравнении со мною
Такое жалкое!
Но как вовек не дрогнет добродетель,
Хотя бы грех ей льстил в обличьях рая,
Так похоть, будь с ней ангел лучезарный,
Пресытится и на небесном ложе,
Тоскуя по отбросам.
Но тише! Я почувал воздух утра;
Пора спешить. Когда я спал в саду,
Как то обычно делал пополудни,
Мой мирный час твой дядя подстерег,
Наполнив склянку соком белены,
И влил мне в уши гибельный настой,
Который обладает страшным свойством,

Так глубоко враждебным нашей крови,
Что, быстрый, словно ртуть, он проникает
В природные врата и ходы тела
И свертывает круто и внезапно,
Как если кислым капнуть в молоко,
Живую кровь; так было и с моею;
И мерзостные стружья облепили,
Как Лазарю,¹¹ мгновенною коростой
Всё тело мне.

Так я, во сне, сражен рукою брата,
Утратил жизнь, венец и королеву;
Я скошен был в цвету моих грехов,
Врасплох, не причащен и не помазан;¹²
Не сведши счетов, призван был к ответу
Под бременем моих несовершенств.
О ужас! Ужас! О великий ужас!
Не потерни, коль есть в тебе природа:
Не дай постели датских королей
Стать ложем блуда и кровосмешенья.
Но, как бы это дело ни повел ты,
Не заятнай себя, не умышляй
На мать свою; с нее довольно неба¹³
И терний, что в груди у ней живут,
Язва и жала. Но теперь прощай!
Уже светляк готовится к рассвету
И гасит свой ненужный огонек;
Прощай, прощай! И помни обо мне.

(Уходит.)

Г а м л е т

О рать небес! Земля! И что еще?
Прибавить «ад»? — Тьфу, нет! — Стой, сердце, стой!
И не дряхлейте, мышцы, чтобы я
Держался твердо. — Помнить о тебе?
Да, бедный дух, пока гнездится память
В несчастном этом шаре. О тебе?
Ах, я с таблицы памяти моей
Все суетные записи сотру,

Все книжные слова, все отпечатки,
Что молодость и опыт сберегли;
И в книге мозга моего пребудет
Лишь твой завет, не смешанный ни с чем,
Что неизменнее; да, клянуся небом!
О пагубная женщина! Подлец,
Улыбчивый подлец, подлец проклятый!
Мои таблички! Надо записать,
Что можно жить с улыбкой, и с улыбкой
Быть подлецом; у датчан это можно. *(Пишет.)*
Так, дядя, вот, вы здесь. Теперь мой лозунг:
«Прощай, прощай! И помни обо мне».
Я клятву дал.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л *(за сценой)*
Принц, принц!

М а р ц е л л *(за сценой)*
Принц Гамлет!

Г о р а ц и о *(за сценой)*
Да хранит вас небо!

Г а м л е т
Да будет так!

Г о р а ц и о *(за сценой)*
Илло, хо, хо¹⁴, мой принц!

Г а м л е т
Илло, хо, хо! Сюда, сюда, мой сокол!
(Входят Г о р а ц и о и М а р ц е л л.)

М а р ц е л л
Ну, что, мой принц?

Г о р а ц и о
Что нового, мой принц?

Г а м л е т
О, чудеса!

Прощай, прощай! И помни обо мне.

Горацио

Скажите, принц.

Гамлет

Нет; вы проговоритесь.

Горацио

Не я, мой принц, клянусь вам.

Марцелл

И не я.

Гамлет

Как вам покажется? Кто мог бы думать?
Но это будет тайной?

Горацио и Марцелл

Да, клянемся!

Гамлет

Нет в Датском королевстве подлеца,
Который не был бы отпетым плутом.

Горацио

Не стоит призраку вставать из гроба,
Чтоб это нам поведать.

Гамлет

Да, вы правы;

Поэтому, без дальних слов, пожмем
Друг другу руки и пойдемте; вы —
Куда зовут дела или желанья, —
Ведь есть у всех желанья и дела,
Те иль другие; я же, в бедной доле,
Вот видите ль, пойду молиться.

Горацио

Принц,

То дикие, бессвязные слова.

Г а м л е т

Сердечно жаль, что вам они обидны;
Да, жаль сердечно.

Г о р а ц и о

Здесь обиды нет.

Г а м л е т

Обида есть, и тяжкая, клянусь
Святым Патрикцем. А призрак этот —
Честнейший дух, скажу вам откровенно;
Но узнавать, что между нами было,
Вы не пытайтесь. А теперь, друзья,
Раз вы друзья, студенты и солдаты,
Прошу исполнить просьбу.

Г о р а ц и о

Какую, принц? Мы рады.

Г а м л е т

Вовек не разглашать того, что было.

Г о р а ц и о и М а р ц е л л

Принц, мы не станем.

Г а м л е т

Поклянитесь.

Г о р а ц и о

Верьте,

Не стану, принц.

М а р ц е л л

И я не стану, принц.

Г а м л е т

Нет, на моем мече.

М а р ц е л л

Ведь мы клялись.

Г а м л е т

Как должно, на моем мече, как должно.

П р и з р а к *(внизу)*

Клянитесь!

Г а м л е т

А! Это ты сказал? Ты здесь, приятель? —
Вот, слышите его из подземелья;
Клянитесь же.

Г о р а ц и о

Скажите клятву, принц.

Г а м л е т

Молчать о том, что видели вы здесь.
Моим мечом клянитесь.

П р и з р а к *(внизу)*

Клянитесь!

Г а м л е т

И здесь и всюду?.. Переменим место. —
Здесь станем, господа,
И вновь на меч мой возложите руки,
Что будете о слышанном молчать;
Моим мечом клянитесь.

П р и з р а к *(внизу)*

Клянитесь!

Г а м л е т

Так, старый крот! Как ты проворно роешь!
Отличный землекоп! — Что ж, отойдем.

Г о р а ц и о

О день и ночь! Все это крайне странно!

Г а м л е т

Как странника, и встретьте это с миром,
И в небе, и в земле сокрыто больше,

Чем снится вашей мудрости, Горацио.
Но отойдем;
Клянись снова, бог вам да поможет,
Как странно бы себя я ни повел, —
Затем что я сочту, быть может, нужным
В причуды облекаться иногда, —
Что вы не станете, со мною встретясь,
Ни скрещивать так руки, ни кивать,
Ни говорить двусмысленные речи,
Как: «Мы то знаем», иль «Когда б могли мы»,
Иль «Если б мы хотели рассказать»,
Иль что-нибудь такое, намекая,
Что вам известно что-то; так не делать, —
И в этом бог вам помощи в нужде, —
Клянись.

Призрак (внизу)

Клянись!

Гамлет

Мир, мир, смятенный дух! — Так, господа,
Я вам себя с любовью поручаю;
И все, чем только может бедный Гамлет
Вам выразить свою любовь и дружбу,
Даст бог, исполнится. Идемте вместе;
И пальцы на губах, я вас прошу.
Век расшатался; — и скверней всего,
Что я рожден восстановить его! —
Ну, что ж, идемте вместе.

(Уходят.)

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА I

Комната в доме Полония.

(Входят Полоний и Рейнальдо.)

Полоний

Вот деньги и письмо к нему, Рейнальдо.

Рейнальдо

Да, господин мой.

Полоний

Ты поступишь мудро,
Рейнальдо, ежели до встречи с ним,
Поразузнаешь, как себя ведет он.

Рейнальдо

Я так и думал сделать, господин мой.

П о л о н и й

Хвалю, хвалю. Так вот, сперва узнай,
Какие там есть датчане в Париже,
И как, и кто; на что живут, и где;
С кем водятся, что тратят; обнаружив
Такими вот окольными путями,
Что сын мой им известен, вникни ближе,
Но так, чтоб это не было расспросом;
Прикинься, будто с ним знаком немного,
Скажи: «Я знал его отца, друзей,
Отчасти и его». Следишь, Рейнальдо?

Р е й н а л ь д о

Да как же, господин мой.

П о л о н и й

«Отчасти и его; а впрочем, мало;
Но слыхивал, что он большой буйн»,
И то, и се; тут на него взведи
Всё, что угодно; только не настолько,
Чтоб обесчестить; этого нельзя;
Нет, так, блажные, буйные проказы,
С которыми, мол, юность и свобода
Неразлучимы.

Р е й н а л ь д о

Например, игра.

П о л о н и й

Да, или пьянство, ругань, поединки,
Распутство; можешь и на то пойти.

Р е й н а л ь д о

Но это обесчестит, господин мой.

П о л о н и й

Да нет же; ты и сам смягчишь всё это.
Ты про него не должен говорить,
Что он живет в безудержном разврате;

Совсем не то; представь его грехи
Так, чтоб они казались вольнолюбством,
Порывами горячего ума
И дикостью неукротенной крови,
Чему подвластны все.

Рейнальдо

Но, господин мой...

Полоний

Зачем так действовать?

Рейнальдо

Да, господин мой,
Хотел бы знать.

Полоний

А умысел мой вот в чем, —
И думаю, что это способ верный;
Когда его ты очерлишь слегка, —
Так, словно вещь затаскана немного, —
Изволишь видеть,
Твой собеседник, если замечал,
Что юноша, которого ты назвал,
Повинен в вышесказанных проступках,
Наверное тебе ответит так:
«Милейший», или «друг мой», или «сударь»,
Смотря, как принято у них в стране
И кто он сам.

Рейнальдо

Так точно, господин мой.

Полоний

И тотчас будет он, — он будет, — что это я хотел сказать?
Ей-богу, ведь я что-то хотел сказать; на чем я остановился?

Рейнальдо

На «ответит так», на «друг мой» и «сударь».

П о л о н и й

Вот, вот, «ответит так», да; он ответит
Так: «С этим господином я знаком;
Видал его вчера, или намедни,
Или тогда-то, с тем-то или с тем-то,
И он как раз играл, или подвышил,
Повздорил за лантой»; а то и так:
«Я видел, он входил в веселый дом»,
Сиречь в притон, иль что-нибудь такое.
И видишь сам:
Приманка лжи поймала карпа правды;
Так мы, кто умудрен и дальновиден,
Путем крюков и косвенных приемов,
Обходами находим нужный ход;
И ты, руководясь моим советом,
Мне испытаешь сына. Понял, нет?

Р е й н а л ь д о

Да, господин мой.

П о л о н и й

С богом. Будь здоров.

Р е й н а л ь д о

Мой добрый господин!

П о л о н и й

Его привычки сам понаблюдай.

Р е й н а л ь д о

Так, господин мой.

П о л о н и й

И пусть дудит во-всю.

Р е й н а л ь д о

Да, господин мой.

П о л о н и й

Счастливей путь!

(Рейнальдо уходит. Входит Офелия.)

Офелия! В чем дело?

О ф е л и я

О господин мой, как я испугалась!

П о л о н и й

Чего, помилуй бог?

О ф е л и я

Когда я шила, сидя у себя,
Принц Гамлет, — в незастегнутом камзоле,
Без шляпы, в неподвязанных чулках,
Испачканных, спадающих до пяток,
Стуча коленями, бледней сорочки,
И с видом до того плачевным, словно
Он был из ада выпущен на волю
Вещать об ужасах, — вошел ко мне.

П о л о н и й

Безумен от любви к тебе?

О ф е л и я

Не знаю,

Но я боюсь, что так.

П о л о н и й

И что сказал он?

О ф е л и я

Он взял меня за кисть и крепко сжал;
Потом, отпирнув на длину руки,
Другую руку так подняв к бровям,
Стал пристально смотреть в лицо мне, словно
Его рисуя. Долго так стоял он;
И наконец, слегка трихнув мне руку
И трижды головой кивнув вот так,
Он издал вздох, столь скорбный и глубокий,
Как если бы вся грудь его разбилась
И гасла жизнь; он отпустил меня;
И, глядя на меня через плечо,
Казалось, путь свой находил, не видя:
Он вышел в дверь без помощи очей,
Не отводя их от меня все время.

Полоний

Идем со мной; отыщем короля.
Здесь, точно, преступление любви,
Которая себя же буйством губит
И клонит волю к пагубным поступкам,
Как и любая страсть под небесами,
Бушующая в естестве. Мне жаль, —
Что, ты была с ним эти дни сурова?

Офелия

Нет, господин мой, но, как вы велели,
Не брала писем и его к себе
Не допускала.

Полоний

Он и помешался.

Жаль, что за ним я не следил усердней.
Я думал, он играет, он тебя
Замыслил погубить; всё недоверье!
Ей-богу, наши годы так же склонны
К чрезмерной осторожности в расчетах,
Как молодости свойственно грешить
Поспешностью. Идем же к королю;
Он должен знать; опасней и вредней
Укрыть любовь, чем объявить о ней.
Идем.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Зала в замке.

(Фанфары. Входят король, королева, Розенкранц,
Гильденстерн и слуги.)

Король

Привет вам, Розенкранц и Гильденстерн!
Мы пригласили вас не потому лишь,
Что нам всегда приятно видеть вас,
Но и по делу. Вам уже известно

Преображенье Гамлета; в нем, точно,
И внутренний, и внешний человек
Несходны с прежним. Что еще могло бы,
Коли не смерть отца, его отторгнуть
От разуменья самого себя,
Не ведаю. Я вас прошу обоих,
Затем что с юных лет вы с ним росли
И близки с ним по юности и праву,
Остаться здесь, средь нашего двора,
На некоторый срок; своим общеньем
Вовлечь его в забавы и разведать,
Насколько вам позволит случай, нет ли
Чего сокрытого, чем он подавлен
И что, узнав, мы властны исцелить.

К о р о л е в а

Он часто вспоминал вас, господа,
И, верно, нет на свете двух людей,
Ему любезней. Если вы готовы
Быть столь добры и благосклонны к нам,
Чтоб поступиться временем своим,
Придя на помощь нашим упованьям,
Услуга ваша будет не забыта
Монаршею признательностью.

Р о з е н к р а н ц

Ваши

Величества, своей державной властью,
Могли б облечь не в просьбу вашу волю,
А в приказанье.

Г и л ь д е н с т е р н

Повинуясь оба,

Мы здесь готовы, в самой полной мере,
Сложить наш вольный долг у ваших ног
И ждать распоряжений.

К о р о л ь

Спасибо, Розенкранц и Гильденстерн,

Королева

Спасибо, Гильденстери и Розенкранц;
Пройдите же скорее к моему
Не в меру изменившемуся сыну. —
Пусть к принцу проведут его гостей.

Гильденстери

Да обратит всевышний нашу близость
Ему в добро и помощь!

Королева

Так, аминь!

(Розенкранц, Гильденстери и несколько слуг уходят.
Входит Полоний.)

Полоний

Посольство из Норвегии вернулось
С успехом, государь.

Король

Ты был всегда отцом благих известий,

Полоний

Да, государь мой? Смею вас уверить,
Свой долг и душу я блюду пред богом
И пред моим высоким королем;
И вот мне кажется, — иль этот мозг мой
Утратил свой когда-то верный нюх
В делах правленья, — будто я нашел
Источник умоиступленья принца.

Король

О, так скажи; я жажду это слышать.

Полоний

Сперва послов примите; мой рассказ
Останется, как плод к концу трапезы.

К о р о л ь

Сам окажи им почестъ и введи их.

(Полоний уходит.)

Он говорит, Гертруда, что нашел
Причину всех несчастий с вашим сыном.

К о р о л е в а

Мне кажется, основа здесь всё та же:
Смерть короля и наш поспешный брак.

К о р о л ь

Мы это выясним.

(Возвращается Полоний с Вольтимандом и Корнелием.)

Привет, друзья!

Что ж, Вольтиманд, нам шлет наш брат Норвежец?

В о л ь т и м а н д

Возвратные привет и пожеланья.

Он, с первых слов, велел, чтобы племянник
Прервал набор солдат; он полагал,
Что войско снаряжают против Польши,
Но убедился, что оно грозит,
Впрямь, вашему величеству; печалюсь,
Что он обманут так коварно, — дряхлый,
Больной и слабый, — он послал немедля
За Фортинбрасом; тот повиновался,
Упрек Норвежда выслушал и тут же
Дал дяде клятву никогда на ваше
Величество не подымать оружья.
На радостях старик ему назначил
Три тысячи червонцев ежегодно
И разрешил употребить солдат,
Уже им снаряженных, против Польши;
С ходатайством, изображенным здесь *(подает бумагу)*,
Чтоб вы дозволили, для этой цели,
Проход чрез ваши земли, на условиях
Охраны безопасности и права,
Как здесь изложено,

Король

Мы очень рады,
И в более досужий час прочтем,
Ответим и обсудим это дело.
Пока спасибо за успешный труд;
Передохните; ночью попируем;
Добро пожаловать!

(Вольтиман и Корнелий уходят.)

Полоний

Исход удачный.

Светлейшие монархи, излагать
Подробно, что есть власть и что есть долг,
Зачем день — день, ночь — ночь и время — время,
То было бы расточать ночь, день и время.
И так как краткость есть душа ума,
А многословье — бременные прикрасы,
Я буду краток. Принц, ваш сын, безумен;
Безумен, ибо в чем и есть безумье,
Как именно не в том, чтоб быть безумным?
Но все равно.

Королева

Поменьше бы искусства.

Полоний

О, тут искусства нет. Что он безумен,
То правда; правда то, что это жаль,
И жаль, что это правда; вышло глупо;
Но всё равно, я буду безыскусен.
Итак, ваш сын безумен; нам осталось
Найти причину этого эффекта,
Или, верней, дефекта, потому что
Дефектный сей эффект небеспричинен.
Вот что осталось, и таков остаток.
Извольте видеть. У меня есть дочь, —
Есть, потому что эта дочь моя, —
Которая, послушливая долгу,
Дала мне вот что: взвесьте и судите. (Читает.)

«Небесной, идолу моей души, преукрашенной¹⁵ Офелии», — это плохое выражение, пошлое выражение; «преукрашенной» — пошлое выражение; но вы послушайте. Вот (*читает*): «На ее прелестную белую грудь,¹⁶ эти...» и так далее.

Королева

Ей это пишет Гамлет?

Полоний

Сударыня, сейчас; я все скажу. (*Читает.*)

«Не верь, что солнце ясно,
Что звезды — рой огней,
Что правда лгать не властна,
Но верь любви моей.

О, дорогая Офелия, не даются мне эти размеры. Я не умею высчитывать мои вздохи; но что я люблю тебя вполне, о вполне чудесная, этому верь. Прощай. Твой навсегда, дражайшая дева, пока этот механизм ему принадлежит. Гамлет».

Дочь, повинуюсь, это мне вручила;
И все его искательства притом,
Когда, и где, и как оно случилось,
Пересказала мне.

Король

А как она

Их приняла?

Полоний

По-вашему, я кто?

Король

Прямой и благородный человек.

Полоний

Рад доказать. Но что бы вы сказали,
Когда б я видел эту страсть в полете, —
А я, признаться, понял все я раньше,
Чем дочь мне сообщила, — что бы наши
Величества сказали, если б я

Изображал шюитр или таблички,¹⁷
Иль сердцу подмигнул, чтоб было немо,
Иль праздно эту созерцал любовь?
Что б вы сказали? Нет, я взялся круто
И так моей девице заявил:
«Принц Гамлет — принц, он вне твоей звезды;¹⁸
Пусть этого не будет»; и велел ей
Замкнуться от дальнейших посещений,
Не принимать послов, не брать подарков.
Дочь собрала плоды моих советов;
А он, отвергнутый, — сказать короче, —
Впал в скорбь и грусть, потом в недоеданье,
Потом в бессонницу, потом в бессилье,
Потом в рассеянность и, шаг за шагом,
В безумие, в котором ныне бредит,
Всех нас печаля.

К о р о л ь

По-вашему, он прав?

К о р о л е в а

Весьма возможно.

П о л о н и й

Бывало ли когда-нибудь, скажите,
Чтоб я удостоверил: «это так»,
А оказалось иначе?

К о р о л ь

Не помню.

П о л о н и й (*указывая на свою голову и плечо*)

Снимите это с этого, коль я
Неправ. Будь только случай, я найду,
Где истина, таись она хоть в центре
Земли.

К о р о л ь

Так как же нам верней дознаться?

Полоний

Вы знаете, он иногда часами
Гуляет здесь по галерее.

Королева

Да.

Полоний

В такой вот час к нему я вышлю дочь;
Мы с вами станем за ковром; посмотрим
Их встречу; если он ее не любит
И не от этого сошел с ума,
То место мне не при делах правленья,
А у телег, на мызе.

Король

Пусть так будет.

Королева

Вот он идет, печально, с книгой, бедный.

Полоний

Я вас прошу, вы оба удалитесь;
Я подойду к нему.

(Король, королева и слуги уходят. Входит Гамлет, читая.)

Прошу прощенья;

Как поживает добрый принц мой Гамлет?

Гамлет

Хорошо, слава богу.

Полоний

Вы меня знаете, принц?

Гамлет

Очень хорошо; вы торговец рыбой.

Полоний

Нет, принц.

Слова, слова, слова.

Г а м л е т

Тогда мне хотелось бы, чтобы вы были таким же честным человеком.

П о л о н и й

Честным, принц?

Г а м л е т

Да, сударь; быть честным, при том, каков этот мир, это значит быть человеком, выуженным из десятка тысяч.

П о л о н и й .

Это совершенно верно, принц.

Г а м л е т

Ибо если солнце плодит червей в дохлом псе, в милой для поцелуев падали... Есть у вас дочь?

П о л о н и й

Есть, принц.

Г а м л е т

Не давайте ей гулять на солнце; всякий плод — благословение; но не такой, какой может быть у вашей дочери. Друг, берегитесь.

П о л о н и й

Что вы хотите этим сказать? *(В сторону.)* Всё время намекает на мою дочь; а вначале он меня не узнал; сказал, что я торговец рыбой; он далеко зашел, далеко зашел; и, действительно, в молодости я и сам много страдал от любви; почти что вот так же. Заговорю с ним опять. — Что вы читаете, принц?

Г а м л е т

Слова, слова, слова.

П о л о н и й

И что говорится, принц?

Г а м л е т

Про кого?

Полоний

Я хочу сказать, что говорится в том, что вы читаете?

Гамлет

Клевета, сударь мой; потому что этот плут-сатирик ¹⁹ говорит здесь, что у старых людей седые бороды, что лица их сморщены, глаза источают густую камедь и сливовую смолу и что у них полнейшее отсутствие ума и крайне слабые поджилки; всему этому, сударь мой, я хоть и верю весьма могуче и властно, однако же считаю непристойностью взять это и написать; потому что и сами вы, сударь мой, были бы так же стары, как я, если бы могли, подобно раку, идти задом наперед.

Полоний (*в сторону*)

Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность. — Не хотите ли уйти из этого воздуха, принц? ²⁰

Гамлет

В могилу?

Полоний

Действительно, это значило бы уйти из этого воздуха. — (*В сторону.*) Как содержательны иной раз его ответы! Удача, нередко выпадающая на долю безумия и которою здравый рассудок не всегда может похвалиться. Я его покину и тотчас же постараюсь устроить ему встречу с моею дочерью. — Высокочтимый принц, я вас смиреннейше покину.

Гамлет

Нет ничего, сударь мой, с чем бы я охотнее расстался; разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью, разве что с моею жизнью.

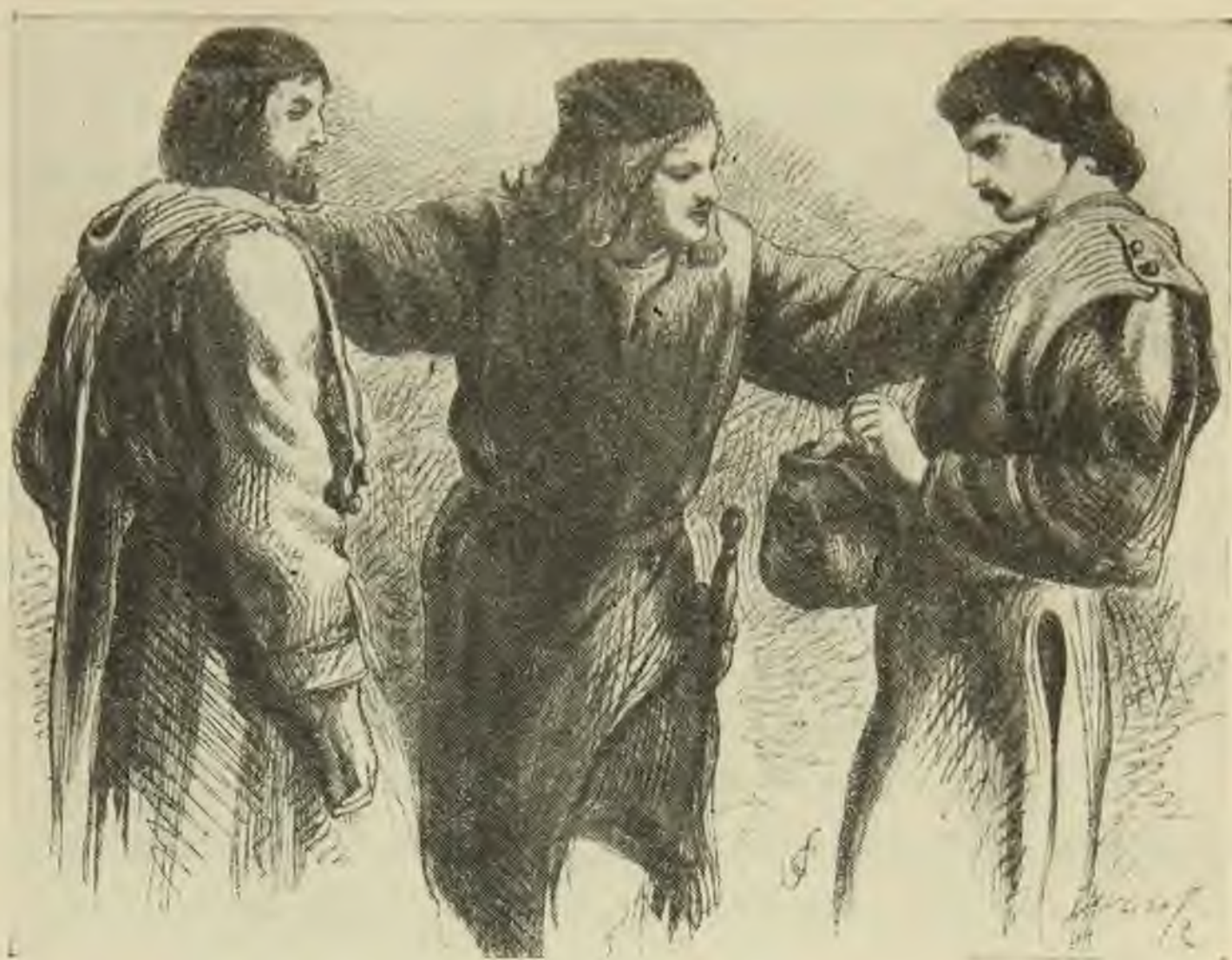
Полоний

Желаю здравствовать, принц.

Гамлет

Эти несносные старые дураки!

(*Входят Розенкраунц и Гильденстерн.*)

Полоний

Вам надо принца Гамлета; он здесь.

Розенкранц (*Полонию*)

Благослови вас бог.

(*Полоний уходит.*)

Гильденстери

Мой досточтимый принц!

Розенкранц

Мой драгоценный принц!

Гамлет

Милейшие друзья мои! Как поживаешь, Гильденстери? — А, Розенкранц? Дорогие, как вы живете оба?

Розенкранц

Как все ничтожные сыны земли.

Гильденстерн

Уж тем блаженно, что не сверхблаженно.

Гамлет

Какие новости?

Розенкранц

Да никаких, принц, кроме разве того, что мир стал честен.

Гамлет

Так, значит, близок судный день; но только ваша новость неверна. Позвольте вас расспросить обстоятельнее: чем это, дорогие мои друзья, вы провинились перед Фортуной, что она шлет вас сюда в тюрьму?

Гильденстерн

В тюрьму, принц?

Гамлет

Дания — тюрьма.

Розенкранц

Тогда весь мир — тюрьма.

Гамлет

И превосходная; со множеством затворов, темниц и подземелий; причем Дания — одно из худших.

Розенкранц

Мы этого не думаем, принц.

Гамлет

Ну, так для вас это не так; ибо нет ничего ни хорошего, ни плохого; это размышление делает всё таковым; для меня Дания — тюрьма.

Розенкранц

Ну, так это ваше честолюбие делает ее тюрьмою; она слишком тесна для вашего духа.

Гамлет

О боже, я бы мог замкнуться в ореховой скорлупе и считать

себя дарем бесконечного пространства, если бы мне не снились дурные сны.

Гильденстерн

А эти сны и суть честолюбие; ибо самая сущность честолюбца всего лишь тень сна.

Гамлет

И самый сон всего лишь тень.

Розенкранц

Верно, и я считаю честолюбие, по свойству своему, таким воздушным и легким, что оно не более, нежели тень тени.

Гамлет

Тогда наши нищие суть тела, а наши монархи и напыщенные герои суть тени нищих. Не пойти ли нам ко двору? Потому что, честное слово, я не в силах рассуждать.

Розенкранц и Гильденстерн

Мы в вашем распоряжении.

Гамлет

Не надо этого; я не хочу приравнивать вас к остальным моим слугам; потому что, — сказать вам, как честный человек, — служат мне отвратительно. Но, если говорить по-дружески: что вы делаете в Эльсиноре?

Розенкранц

Мы хотели навестить вас, принц; ничего другого.

Гамлет

Такой нищий, как я, беден даже благодарностью; но я вас благодарю; хотя, по правде, дорогие друзья, моя благодарность не стоит и полгроша. За вами не посылали? Это — ваше собственное желание? Это — добровольное посещение? Ну, будьте же со мною честны; да ну же, говорите.

Гильденстерн

Что мы должны сказать, принц?

Гамлет

Да что угодно, — но только об этом. За вами посылали; в ваших взорах есть нечто вроде признания, и ваша скромность недостаточно искусна, чтобы это скрасить. Я знаю, добрые король и королева за вами посылали.

Розенкранц

С какою целью, принц?

Гамлет

Это уж вы должны мне объяснить. Но только я вас заклинаю, во имя прав нашего товарищества, во имя согласия нашей юности, во имя долга нашей нерушимой любви, во имя всего еще более дорогого, к чему воззвал бы более искусный оратор, будьте со мною откровенны и прямы: посылали за вами, или нет?

Розенкранц (*тихо Гильденстерну*)

Что ты скажешь?

Гамлет (*в сторону*)

Так, теперь я вижу. — Если вы меня любите, не таитесь.

Гильденстерн

Принц, за нами посылали.

Гамлет

Я вам скажу, для чего; таким образом моя предупредительность устранит ваше признание, и ваша тайна перед королем и королевой не обронит ни единого перышка. Последнее время — а почему, я и сам не знаю — я утратил всю свою веселость, забросил все привычные занятия; и, действительно, расположение духа у меня такое тяжелое, что эта прекрасная храмина, земля, кажется мне пустынным мысом; этот несравненный полог, воздух, понимаете ли, эта великолепно раскинутая твердь, эта величественная кровля, выложенная золотым огнем, — всё это кажется мне не чем иным, как мутным и чумным скоплением паров. Что за мастерское создание человек! Как благороден разумом! Как бесконечен способностью! В обличии и в движении — как выразителен и чудесен! В действии — как сходен с ангелом! В постижении — как сходен

с божеством! Краса вселенной! Венец всего живущего! А что для меня эта quinta-эссенция праха? Из людей меня не радует ни один; нет, также и ни одна, хотя вашей улыбкой вы как будто хотите сказать другое.

Розенкранц

Принц, таких мыслей у меня не было.

Гамлет

Так почему же вы смеялись, когда я сказал, что «из людей меня не радует ни один»?

Розенкранц

Оттого что я подумал, принц, что если люди вас не радуют, то какой постный прием найдут у вас актеры; мы нагнали их в путь; и они едут сюда предложить вам свои услуги.

Гамлет

Тот, что играет короля, будет желанным гостем; его величеству я воздам должное; отважный рыцарь пусть орудует шпагой и щитом; любовник пусть не вздыхает даром; чудак пусть мирно кончает свою роль; шут пусть смешит тех, у кого легкие чувствительны к щекотке, героиня пусть свободно высказывает свою душу, а белый стих при этом пусть хромает. Что это за актеры?

Розенкранц

Те самые, которые вам так нравились, столичные трагики.

Гамлет

Как это случилось, что они странствуют? Оседлость была для них лучше и в смысле славы, и в смысле доходов.

Розенкранц

Мне кажется, что их затруднения происходят от последних повешеств.

Гамлет

Таким же ли они пользуются почетом, как в те времена, когда я был в городе? Так же ли их посещают?

Розенкранц

Нет, по правде, этого уже не бывает.

Гамлет

Почему же? Или они начали ржаветь?

Розенкранц

Нет, их усердие идет обычным шагом; но там появился выводок детей, маленьких соколят, которые кричат громче, чем требуется, за что им и хлопают преждевременно; ²¹сейчас они в моде и так честят простой театр — как они его зовут, — что многие шпаноносцы побаиваются гусиных перьев и едва осмеливаются ходить туда.

Гамлет

Как, это дети? Кто их содержит? Что им платят? Или они будут заниматься своим ремеслом только до тех пор, пока они могут петь? Не скажут ли они впоследствии, если они вырастут в простых актеров, — а это весьма возможно, если у них не найдется ничего лучшего, — что их писатели им повредили, заставляя их глумиться над их собственным наследием?

Розенкранц

Признаться, немало было шуму с обеих сторон, и народ не считает грехом подстрекать их к преширательствам; одно время за пьесу ничего не давали, если в диалоге сочинитель и актер не доходили до кулаков.

Гамлет

Не может быть!

Гильденстерн

О, много было потрачено мозгов.

Гамлет

И власть забрали дети?

Розенкранц

Да, принц, забрали; Геркулеса вместе с его ношей ²².

Гамлет

Это не так уж странно; вот мой дядя — король датский, — и те, кто строил ему рожи, пока жив был мой отец, платят по двадцать, сорок, пятьдесят и по сто дукатов за его портрет в миниатюре. Чорт возьми, в этом есть нечто сверхъестественное, если бы только философия могла доискаться.

(Фанфары за сценой.)

Гильденстерн

Вот и актеры.

Гамлет

Господа, я рад вам в Эльсиноре. Ваши руки; спутниками радушия служат любезность и обходительность; позвольте мне приветствовать вас этим способом, а не то мое обращение с актерами, которое, я вам говорю, должно быть наружно прекрасным, покажется более гостеприимным, чем по отношению к вам. Я рад вам; но мой дядя-отец и моя тетка-мать ошибаются.

Гильденстерн

В чем, дорогой мой принц?

Гамлет

Я безумен только при норд-норд-весте; когда ветер с юга, я отличаю сокола от цапли.

(Входит Полоний.)

Полоний

Всяких вам благ, господа!

Гамлет

Послушайте, Гильденстерн, — и вы также, — на каждое ухо по слушателю: этот большой младенец, которого вы видите, еще не вышел из пеленок.

Розенкранц

Быть может, он вторично в них попал; ведь, говорят, старый человек — вдвойне ребенок.

Гамлет

Я вам пророчу, что он явился сообщить мне об актерах; вот увидите. — Вы правы, сударь; в понедельник утром; так это и было, совершенно верно.

Полоний

Государь мой, у меня для вас новости.

Гамлет

Государь мой, у меня для вас новости. Когда Росций²³ был актером в Риме...

Полоний

Принц, актеры приехали сюда.

Гамлет

Кш, кш!

Полоний

По чести моей...

Гамлет

И каждый ехал на осле...

Полоний

Лучшие актеры в мире для представлений трагических, комических, исторических, пасторальных, пасторально-комических, историко-пасторальных, трагико-исторических, трагико-комико-историко-пасторальных, для неопределенных сцен и неограниченных пьес; ²⁴ и Сенека ²⁵ для них не слишком тяжел, и Плавт ²⁶ не слишком легок. Для писаных ролей и для свободных — это незаменимые люди.

Гамлет

О Иеффай, судия израильский, ²⁷ какое у тебя было сокровище!

Полоний

Какое у него было сокровище, принц?

Г а м л е т

Как же,

«Одна единственная дочь,
Что он любил нежней всего».

П о л о н и й *(в сторону)*

Всё о моей дочери.

Г а м л е т

Разве я не прав, старый Иеффай?

П о л о н и й

Если вы меня зовете Иеффасем, принц, то у меня есть дочь, которую я люблю нежней всего.

Г а м л е т

Нет, следует не это.

П о л о н и й

А что же следует, принц?

Г а м л е т

А вот что:

«Но вынал жребий, видит бог»,

и дальше, сами знаете:

«Случилось так, как и думал всяк»,

первая строчка этой благочестивой песни скажет вам остальное; потому что, вот видите, идут мои отвлекатели.

(Входят четверо или пятеро актеров.)

Добро пожаловать, господа; добро пожаловать. Я рад вас видеть в добром здоровье. Добро пожаловать, дорогие друзья! — А, мой старый друг! Твое лицо обросло бахромой с тех пор, как я тебя последний раз видел; или ты приехал в Данию, чтобы меня затмить? — Что я вижу, моя молодая госпожа! ²⁸ Клянусь владычицей небесной, ваша милость ближе к небу, чем когда я видел ее в последний раз, на целый каблук. Молю бога, чтобы ваш голос не оказался надтреснутым, как вышедший из обращения золотой. — Господа, всем вам добро пожаловать. Мы, как француз-

ские сокольниковые, налетим на первое, что нам попадется; давайте сразу же монолог; ну-ка, покажите нам образец вашего искусства; ну-ка, страстный монолог.

Первый актер

Какой монолог, мой добрый принц?

Гамлет

Я слышал, как ты однажды читал монолог, но только он никогда не игрался; а если это и было, то не больше одного раза; потому что пьеса, я помню, не понравилась толпе; для большинства это была икра; ²⁹ но это была, — как ее воспринял и я, и другие, чье мнение в подобных делах более веско, чем мое, — отличная пьеса, хорошо распределенная по сценам, построенная столь же просто, сколь и умело. Я помню, кто-то сказал, что стихи не приправлены для того, чтобы сделать содержание вкусным, а речи не содержат ничего такого, что обличало бы автора в вычурности; и называл это добропорядочным приемом, здоровым и приятным, и гораздо более красивым, нежели нарядным. Один монолог я в ней особенно любил: это был рассказ Энея Дидоне; и главным образом то место, где он говорит об убийстве Приама. Если он жив в вашей памяти, начните с этой строки; позвольте, позвольте ³⁰.

«Косматый Пирр, с гирканским зверем ³¹ схожий», — не так; начинается с Пирра.

«Косматый Пирр, — тот, чье оружие черно,
Как мысль его, и ночи той подобно,
Когда в зловещем он лежал коне, — ³²
Свой мрачный облик ныне изукрасил
Еще страшней финифтью; ныне он —
Силошная червьлень ³³, весь расцвечен кровью
Мужей и жен, сынов и дочерей,
Запекшейся от раскаленных улиц,
Которые залили страшным светом
Убийство граждан; жгуч огнем и злобой,
Обросший лицим багрецом, с глазами,
Как два карбункула, Пирр ищет старца
Приама».

Так, продолжайте вы.

Полоний

Ей-богу, принц, хорошо прочитано, с должной выразительностью и с должным чувством.

Первый актер

«Вот его находит он

Вотще разящим греков; ветхий меч,
Руке строптивый, лег, где опустился,
Не внемля воле; Пирр, в неравный бой,
Спешит к Приаму; буйно замахнулся;
Уже от свиста дикого меча
Царь падает. Бездушный Илион,
Как будто чуя этот взмах, склоняет
Горящее чело и жутким треском
Пленяет Пирров слух, и меч его,
Вознесшийся над млечною главою
Маститого Приама, точно замер.
Так Пирр стоял, как изверг на картине,
И, словно чуждый собственным желаньям,
Бездействовал.
Но, как мы часто видим, пред грозой —
Молчанье в небе, тучи недвижимы,
Безгласны ветры, и земля внизу
Тиха, как смерть, и вдруг ужасным громом
Разодран воздух, — так, помедлив, Пирра
Проснувшаяся месть влечет к делам;
И никогда не падали, куя,
На броню Марса молоты циклопов
Так яростно, как Пирров меч кровавый
Пал на Приама.
Прочь, прочь, развратница Фортуна! Боги,
Вы все, весь сонм, ее лишите власти;
Сломайте колесо ей, спицы, обод,
И ступицу с небесного холма
Швырните к бесам!»

Полоний

Это слишком длинно.

Гамлет

Это пойдет к дырюльнику вместе с вашей бородой. — Прошу тебя, продолжай; ему надо плясовую песенку или непристойный рассказ, иначе он спит; продолжай; перейди к Гекубе.

Первый актер

«Но кто бы видел жалкую царицу...»

Гамлет

«Жалкую царицу?»

Полоний

Это хорошо; «жалкую царицу» — это хорошо.

Первый актер

«Бегущую босой, в слепых слезах,
Грозящих пламени; лоскут накинут
На венценосное чело; одеждой,
Вкруг родами иссушенного лона,
Захваченная в страхе простыня;
Кто б это видел, тот на власть Фортуны
Устами змея молвил бы хулу;
И если бы ее видали боги,
Когда пред нею, злобным делом тешась,
Пирр тело мужнее кромсал мечом,
Мгновенный вошь, исторгшийся у ней, —
Коль смертное их трогает хоть мало, —
Огни очей небесных увлажнил бы
И возмутил богов».

Полоний

Смотрите, ведь он изменился в лице, и у него слезы на глазах. — Пожалуйста, довольно.

Гамлет

Хорошо, ты мне доскажешь остальное потом. — Милостивый мой государь, не позаботитесь ли вы о том, чтобы актеров хорошо устроили? Слышите, пусть их примут хорошо, потому что они — обзор и краткие летописи века; лучше вам после смерти получить плохую эпитафию, чем дурной отзыв от них, пока вы живы.

П о л о н и й

Принц, я их приму сообразно их заслугам.

Г а м л е т

Чорта с два, милейший, примите их много лучше! Если принимать каждого по заслугам, то кто избежит кнута? Примите их согласно с собственной честью и достоинством; чем меньше они заслуживают, тем больше славы будет вашей доброте. Проводите их.

П о л о н и й

Идемте, господа.

Г а м л е т

Ступайте за ним, друзья; завтра мы дадим представление.

(Полоний и все актеры, кроме первого, уходят.)

Послушай, старый друг, можете вы сыграть «Убийство Гонзаго»?

П е р в ы й а к т е р

Да, принц.

Г а м л е т

Мы это представим завтра вечером. Вы могли бы, если потребуется, выучить монолог в каких-нибудь двенадцать или шестнадцать строк, которые я бы сочинил и вставил туда? Могли бы вы?

П е р в ы й а к т е р

Да, принц.

Г а м л е т

Отлично. Ступай за этим господином; и, смотрите, не смейтесь над ним.

(Первый актер уходит.)

Дорогие мои друзья, я прошусь с вами до вечера; рад вас видеть в Эльсиноре.

Р о з е н к р а н ц

Мой дорогой принц!

Гамлет

Итак, храни вас бог!

(Розенкранц и Гильденстерн уходят.)

Вот я один.

О, что за дрянь я, что за жалкий раб!
Не стыдно ли, что этот вот актер
В воображеньи, в вымышленной страсти
Так поднял дух свой до своей мечты,
Что от его работы стал весь бледен;
Увлажен взор, отчаянье в лице,
Надломлен голос, и весь облик вторит
Его мечте. И всё из-за чего?
Из-за Гекубы? Что ему Гекуба,
Что он Гекубе, чтоб о ней рыдать?
Что совершил бы он, будь у него
Такой же повод подчиниться страсти,
Как у меня? Залив слезами сцену,
Он общий слух рассек бы грозной речью,
В безумье вверх бы грешных, чистых — в ужас,
Незнающих — в смятенье, и сразил бы
Бессилием и уши, и глаза.

А я,

Тупой, нерасторонный дурень, мямлю,
Как ротозей, своей же правде чуждый,
И ничего сказать не в силах — даже
За короля, чья жизнь и достоянье
Так гнушено сгублены. Или я трус?
Кто скажет мне: «подлец»? Пробьет башку?
Клок вырвав бороды, швырнет в лицо?
Потянет за нос? Ложь забьет мне в глотку
До самых легких? Кто желает первый?
Ха!

Ей-богу, я бы снес; ведь у меня
И печень голубиная, нет желчи,
Чтоб огорчаться злом; не то давно
Скормил бы я всем коршунам небес
Труп негодяя; хищник и подлец!
Блудливый, вероломный, злой подлец!

О, мщенье!
Ну, и осел же я! Как это славно,
Что я, сын умерщвленного отца,
Влекомый к мести небом и геенной,
Как шлюха, отвожу словами душу
И упражняюсь в ругани, как баба,
Как судомойка!
Фу, гадость! К делу, мозг! Гм, я слышал,
Что иногда преступники, в театре,
Бывали, под воздействием игры,
Так глубоко потрясены, что тут же
Свои провозглашали злодеянья, —
Убийство, хоть и немо, говорит
Чудесным языком. Веду актерам
Представить нечто, в чем бы дядя видел
Смерть Гамлета; вошьюсь в его глаза;
Пронжу его до сердца; чуть он дрогнет,
Свой путь я знаю. Дух, представший мне,
Быть может, был и дьявол, — дьявол властен
Облечься в милый образ; и возможно,
Что, так как я расслаблен и печален, —
А над такой душой он очень силен, —
Меня он в гибель вводит. Мне нужна
Верней опора. Зрелище — петля,
Чтоб заарканить совесть короля.

(Уходит.)

А К Т Т Р Е Т И Й

С Ц Е Н А I

Зала в замке.

(Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц и Гильденстерн.)

Король

И вам не удастся разузнать,
Откуда в нем душевное смятенье,
Терзающее дни его покоя
Таким тревожным и опасным бредом?

Розенкранц

Он признается сам, что он расстроен,
Но чем, сказать не хочет ни за что.

Гильденстерн

Расспрашивать себя он не дает
И, с хитростью безумства, ускользает,
Чуть мы хотим склонить его к признанию
О нем самом.

Королева

А как он принял вас?

Розенкранц

Со всей учтивостью.

Гильденстерн

Но и с большой натянутостью тоже.

Розенкранц

Скуп на вопросы, но непринужден
В своих ответах.

Королева

Вы не домогались,
Чтоб он развлекался?

Розенкранц

Случилось так, что мы перехватили
В дороге неких актеров; это
Ему сказали мы, и он как будто
Обрадовался даже; здесь они,
И, кажется, уже приглашены
Играть пред ним сегодня.

Полоний

Это верно;
И он через меня шлет просьбу вашим
Величествам послушать и взглянуть.

Король

От всей души; и мне отрадно слышать,
Что к этому он склонен.
Вы, господа, старайтесь в нем усилить
Вкус к удовольствиям.

Розенкранц

Да, государь.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят.)

Король

Оставьте нас и вы, моя Гертруда.
Мы только что за Гамлетом послали,
Чтоб здесь он встретился, как бы случайно,
С Офелией. А мы с ее отцом,
Законные лазутчики, побудем
Невдалеке, чтобы, незримо видя,
О встрече их судить вполне свободно
И заключить по поведению принца,
Любовное ль терзанье, или нет,
Его так мучит.

Королева

Я вам повинуюсь.

И пусть, Офелия, ваш милый образ
Окажется счастливою причиной
Его безумств; чтоб ваша добродетель
На прежний путь могла его наставить,
Честь принеся обоим.

Офелия

Если б так!

(Королева уходит.)

Полоний

Ты здесь гуляй, Офелия. — Пресветлый,
Мы скроемся. (Офелии.) Читай по этой книге,
Дабы таким занятием прикрасить
Уединенье. В этом все мы грешны, —
Доказано, что набожным лицом
И постным видом мы и чорта можем
Обсахарить.

Король

Ах, это слишком верно!

(В сторону.)

Каким бичом он совесть мне стегнул!
Щека блудницы в наводных румянах
Не так мерзка под лживой красотой,
Как мой поступок под раскраской слов.
О тягостное бремя!

Полоний

Его шаги; мой государь, идемте
Прочь.

(Король и Полоний уходят. Входит Гамлет.)

Гамлет

Быть или не быть? Таков вопрос.
Что благородней духом: покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством? Умереть, уснуть, —
И только; и сказать, что сном кончасшь
Тоску и тысячу природных мук,
Наследье плоти, — как такой развязки
Не жаждать? Умереть, уснуть. — Уснуть!
И видеть сны, быть может? Вот в чем трудность;
Какие сны приснятся в смертном сне,
Когда мы сбросим этот бранный шум, —
Вот что сбивает нас; вот где причина
Того, что бедствия так долговечны;
Кто снес бы плети и глумленья века,
Гнет сильного, насмешку гордеца,
Боль презренной любви, судей неправду,
Заносчивость властей и оскорбленья,
Чинимые безропотной заслуге,
Когда б он сам мог дать себе расчет
Простым кинжалом? Кто бы плелся с ношей,
Чтоб охать и потеть под нудной жизнью,
Когда бы страх чего-то после смерти, —
Безвестный край, откуда нет возврата
Земным скитальцам, — волю не смущал,
Внушая нам терпеть невзгоды наши

И не спешить к другим, от нас сокрытым?
Так трусами нас делает раздумье,
И так решимости природный цвет
Хиреет под налетом мысли бледным,
И начинанья, взнесшиися мощно,
Сворачивая в сторону свой ход,
Теряют имя действия. Но тише!
Офелия? — В твоих молитвах, нимфа,
Да вспомнятся мои грехи.

О ф е л и я

Мой принц,
Как поживали вы все эти дни?

Г а м л е т

Благодарю вас; чудно, чудно, чудно.

О ф е л и я

Принц, у меня от вас подарки есть;
Я вам давно их возвратить хотела;
Примите их, я вас прошу.

Г а м л е т

Я? Нет;

Я не дарил вам ничего.

О ф е л и я

Нет, принц мой, вы дарили; и слова,
Дышавшие так сладко, что вдвойне
Был ценен дар; их аромат исчез,
Возьмите же; подарок нам не мил,
Когда разлюбит тот, кто подарил.
Вот, принц.

Г а м л е т

Ха-ха! Вы добродетельны?

О ф е л и я

Мой принц?

*

Г а м л е т

Вы красивы?

О ф е л и я

Что ваше высочество хотите сказать?

Г а м л е т

То, что, если вы добродетельны и красивы, ваша добродетель не должна допускать бесед с вашей красотой.

О ф е л и я

Разве у красоты, мой принц, может быть лучшее общество, чем добродетель?

Г а м л е т

Да, это правда; потому что власть красоты скорее преобразит добродетель из того, что она есть, в сводню, нежели сила добродетели превратит красоту в свое подобие; некогда это было парадоксом, но наш век это доказывает. Я вас любил когда-то.

О ф е л и я

Да, мой принц, и я была вправе этому верить.

Г а м л е т

Напрасно вы мне верили; потому что, сколько ни прививать добродетель к нашему старому стволу, он всё-таки в нас будет сказываться. Я не любил вас.

О ф е л и я

Тем больше была я обманута.

Г а м л е т

Уйди в монастырь; к чему тебе плодить грешников? Сам я скорее честен; и всё же я мог бы обвинить себя в таких вещах, что лучше бы моя мать не родила меня на свет. Я очень горд, мстителен, честолюбив; к моим услугам столько прегрешений, что мне нехватает мыслей, чтобы о них подумать, воображения, чтобы придать им облик, и времени, чтобы их совершить. К чему таким молодцам, как я, пресмыкаться между небом и землей? Все

мы — отпетые плуты; никому из нас не верь. Ступай в монастырь. Где ваш отец?

О ф е л и я

Дома, принц.

Г а м л е т

Пусть за ним запирают двери, чтобы он разыгрывал дурака только у себя. Прощайте!

О ф е л и я *(в сторону)*

О, помоги ему, всеблагое небо!

Г а м л е т

Если ты выйдешь замуж, то вот какое проклятие я тебе дам в приданое: будь ты целомудренна, как лед, чиста, как снег, ты не избежешь клеветы. Уходи в монастырь; прощай. Или, если уж ты непременно хочешь замуж, выходи замуж за дурака; потому что умные люди хорошо знают, каких чудовищ вы из них делаете. В монастырь, и поскорее. Прощай!

О ф е л и я *(в сторону)*

О силы небесные, исцелите его!

Г а м л е т

Слышал я и про вашу живопись, вполне достаточно: бог дал вам одно лицо, а вы себе делаете другое; вы приплясываете, вы припрыгиваете, и щебечете, и даете прозвища божьим созданиям, и свое беспутство выдаете за неведение. Нет, с меня довольно; это свело меня с ума. Я говорю, у нас не будет больше браков; те, кто уже в браке, все, кроме одного, будут жить; прочие останутся, как они есть. В монастырь!

(Уходит.)

О ф е л и я

О, что за благородный ум повержен!
Взор царедворца, меч бойца, язык
Ученого, цвет и надежда трона,
Чекап изящества, зеркало вкуса,
Пример примерных, — пал, пал до конца!

А я, всех женщин жалче и злосчастней,
Вкусившая от мёда нежных клятв,
Смотрю, как этот мощный ум скрежещет
Подобно треснувшим колоколам,
Как этот облик юности цветущей
Растерзан бредом; о, как сердцу снести:
Видав бывшее, видеть то, что есть!

(Король и Полоний возвращаются.)

Король

Любовь? Не к ней его мечты стремятся;
И речь его, хоть в ней и мало строя,
Была не бредом. У него в душе
Уныние высиживает что-то;
И я боюсь, что вылупиться может
Опасность; чтоб ее предотвратить,
Я, быстро рассудив, решаю так:
Он в Англию отправится немедленно,
Сбирать недополученную дань;
Быть может, море, новые края
И перемена зрелищ истребят
То, что засело в сердце у него,
Над чем так бьется мозг, обезобразив
Его совсем. Что ты об этом скажешь?

Полоний

Так будет хорошо; а всё ж, по мне,
Начало и причина этой скорби —
В отвергнутой любви. — Дитя мое,
О принце можешь нам не сообщать,
Всё было слышно. — Государь, да будет
По-вашему; но после представленья
Пусть королева-мать его попросит
Открыться ей; пусть говорит с ним прямо.
Дозвольте мне послушать их. И если
Он будет запирается, вы его
Пошлите в Англию или заточите,
Куда сочтете мудрым.

Король

Да, нет спора.

Безумье сильных требует надзора.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Зала в замке.

(Входят Гамлет и несколько актеров.)

Гамлет

Произносите монолог, прошу вас, как я вам его прочел, легко и плавно; а если вы станете его горланить, как это у вас делают многие актеры, то мне было бы так же приятно, как если бы мои строки читал уличный глашатай. И не слишком пилите воздух руками, вот этак; но будьте во всем ровны; ибо в самом потоке, в буре и, я бы сказал, в смерче страсти вы должны усвоить и соблюдать меру, которая придавала бы ей мягкость. О, мне возмущает душу, когда я слышу, как здоровенный, лохматый детина рвет страсть в клочки, прямо-таки в лохмотья, и раздрает уши партеру, который, по большей части, ни к чему не способен, кроме невразумительных пантомим и шума;³⁴ я бы отхлестал такого молодца, который старается перещеголять Термаганта;³⁵ они готовы Ирода³⁶ переиродить; прошу вас, избегайте этого.

Первый актер

Я ручаюсь вашей чести.

Гамлет

Не будьте также и слишком вялы, но пусть ваш собственный разум будет вашим наставником; сообразуйте действие с речью, речь с действием; причем особенно старайтесь не отступать от простоты природы; ибо все, что так преувеличено, противно назначению театра, цель которого, как прежде, так и теперь, была и есть — держать как бы зеркало перед природой, являть добродетели ее же черты, снеси — ее же облик, а всякому веку и словию — его подобие и отпечаток. Если все это преувеличить или

же выразить недостаточно, то хотя невежду это и рассмешит, однако же ценитель будет огорчен; а его суждение должно быть для вас более веско, чем мнение остального зрительного зала. Ах, есть актеры, — и я видел, как они играли, и слышал, как иные их хвалили, и притом весьма, — которые, если не грех так выразиться, и голосом не обладая христианским, и поступью не похожие ни на христиан, ни на язычников, ни вообще на людей, так ломались и завывали, что мне думалось, не сделал ли их какой-нибудь поденщик природы, и вдобавок плохо, до того отвратительно они подражали человеку.

Первый актер

Надеюсь, мы более или менее искоренили это у себя.

Гамлет

Ах, искорените совсем. А тем, кто у вас играет шутов, позвольте говорить не больше, чем им полагается; потому что среди них бывают такие, которые сами начинают смеяться, чтобы рассмешить некоторое количество пустейших зрителей, хотя как раз в это время требуется внимание к какому-нибудь важному месту пьесы; это пошло, и доказывает весьма прискорбное тщеславие у того дурака, который так делает. Идите, приготовьтесь.

(Актеры уходят.)

(Входят Полоний, Розенкранц и Гильденстерн.)

Ну что, сударь мой? Желает король послушать это произведение?

Полоний

И королева также, и притом немедленно.

Гамлет

Попросите актеров поторопиться.

(Полоний уходит.)

Не поможете ли и вы оба поторопить их?

Розенкранц и Гильденстерн

Да, принц.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят.)

Г а м л е т

Эй! Гораццо!

(Входит Г о р а ц ц и о.)

Г о р а ц ц и о

Здесь, принц, к услугам вашим.

Г а м л е т

Гораццо, ты лучший из людей,
С которыми случилось мне сходиться.

Г о р а ц ц и о

О, принц!

Г а м л е т

Нет, не подумай, я не льщу;
Какая мне в тебе корысть, раз ты
Одет и сыт одним веселым нравом?
Таким не льстят. Пусть сахарный язык
Дурацкую облизывает пышность
И клонится проворное колено
Там, где втираться прибыльно. Ты слышишь?
Едва мой дух стал выбирать свободно
И различать людей, его избранье
Отметило тебя; ты человек,
Который и в страданиях не страждет
И с равной благодарностью приемлет
Гнев и дары судьбы; благословен,
Чья кровь и разум так отраднo слиты,
Что он не дудка в пальцах у Фортуны,
На нем играющей. Будь человек
Не раб страстей, и я его замкну
В середине сердца, в самом сердце сердца,
Как и тебя. Достаточно об этом.
Сегодня перед королем играют;
Одна из сцен напоминает то,
Что я тебе сказал про смерть отца;
Прошу тебя, когда ее начнут,

Всем разумением души следи
За дядей; если тайная вина
При неких словах не встрепенется, —
Проклятый дух являлся нам с тобой,
И у меня воображенье мрачно,
Как кузница Вулкана. Будь позорче;
К его лицу я прикую глаза,
А после мы сличим сужденья наши
И взвесим виденное.

Г о р а ц и о

Хорошо;

Когда он утаит хоть что-нибудь
И ускользнет, то я плачу за кражу.

Г а м л е т

Они идут; мне надо быть безумным;
Садись куда-нибудь.

(Датский марш. Фацфары. Входят король, королева, Полоний, Офелия, Розенкранц, Гильденстерн и другие приближенные вельможи вместе со стражей, несущей факелы.)

К о р о л ь

Как поживает наш племянник Гамлет?

Г а м л е т

Отлично, ей же ей; живу на хамелеоновой пище: ³⁷ питаюсь воздухом, шичкаюсь обещаниями; так не откармливают и кашлунов.

К о р о л ь

Этот ответ ко мне не относится, Гамлет; эти слова не мои.

Г а м л е т

Да; и не мои больше. (Полонию.) Сударь мой, вы говорите, что когда-то играли в университете? ³⁸

П о л о н и й

Играл, мой принц, и считался хорошим актером.

Г а м л е т

А что же вы изображали?

П о л о н и й

Я изображал Юлия Цезаря; я был убит на Капитолии; ³⁹ меня убил Брут.

Г а м л е т

С его стороны было очень грубально ⁴⁰ убить столь капитального тельца. — Что, актеры готовы?

Р о з е н к р а н ц

Да, мой принц; они ожидают ваших распоряжений.

К о р о л е в а

Поди сюда, мой милый Гамлет, сядь возле меня.

Г а м л е т

Нет, дорогая матушка, здесь есть магнит более притягательный.

П о л о н и й *(тихо королю)*

Ого, вы слышите?

Г а м л е т

Сударыня, могу я прилечь к вам на колени? *(Ложится к ногам Офелии.)*

О ф е л и я

Нет, мой принц.

Г а м л е т

Я хочу сказать: положить голову к вам на колени?

О ф е л и я

Да, мой принц.

Г а м л е т

Вы думаете, у меня были грубые мысли?

О ф е л и я

Я ничего не думаю. Вам весело, мой принц?

Г а м л е т

Кому, мне?

О ф е л и я

Да, мой принц.

Г а м л е т

О господи, я попросту скоморох. Да что и делать человеку, как не быть веселым? Вот посмотрите, как радостно смотрит моя мать, а нет и двух часов, как умер мой отец.

О ф е л и я

Нет, тому уже дважды два месяца, мой принц.

Г а м л е т

Так давно? Ну, так пусть дьявол носит черное, а я буду ходить в соболях. О небо! Умереть два месяца тому назад, и всё ещё не быть забытым? Тогда есть надежда, что память великого человека может пережить его на целых полгода; но, клянусь владычицей небесной, он должен строить церкви; иначе ему грозит забвение, как коньку-скакунку, чья эпитафия: «О стыд, о стыд! Конек-скакунок позабыт!»⁴¹

(Играют гобой. Начинается пантомима. Входят король и королева, весьма нежно; королева обнимает его, а он ее. Она становится на колени и знаками в чем-то уверяет его. Он поднимает ее и склоняет голову к ней на плечо; ложится на цветущий дерн; она, видя, что он уснул, покидает его. Вдруг входит человек, снимает с него корону, целует ее, вливает яд в уши королю и уходит. Возвращается королева; застаёт короля мертвым и изображает волнение чувств. Отравитель, с двумя или тремя статистами, входит снова, делая вид, что скорбит вместе с нею. Мертвое тело уносят прочь. Отравитель обольщает королеву дарами; вначале она как будто недовольна и несогласна, но наконец принимает его любовь.)

(Уходят.)

О ф е л и я

Что это значит, мой принц?

Г а м л е т

Это крадущееся малечо; что значит — злодейство. ⁴²

О ф е л и я

Может быть, эта сцена показывает содержание пьесы?

(Входит Пролог.)

Г а м л е т

Мы это узнаем от этого молодца; актеры не умеют хранить тайн; они всегда всё скажут.

П р о л о г

«Пред нашим представлением
Мы просим со смирением
Нас подарить терпением». (Уходит.)

Г а м л е т

Что это: пролог или стихи для перстня? ⁴³

О ф е л и я

Это коротко, мой принц.

Г а м л е т

Как женская любовь.

(Входят двое актеров: король и королева.)

А к т е р - к о р о л ь

«Се тридцать раз круг моря и земли
Колеса Феба в беге обтекли,
И тридцатью двенадцать лун на нас
Сияло тридцатью двенадцать раз, ⁴⁴
С тех пор как нам связали в цвете дней
Любовь сердца и руки Гименей».

А к т е р - к о р о л е в а

«Пусть столько ж лун и солнц сочтем мы вновь
Скорей, чем в сердце кончится любовь!
Но только, ах, ты с некоторых пор
Так озабочен, утомлен и хвор,

Что я полна волнения. Но оно
Тебя ничуть печалить не должно;
Ведь в женщине любовь и страх равны:
Их вовсе нет, или они сильны.
Мою любовь ты знаешь с юных дней;
Так вот и страх мой соразмерен с ней.
Растет любовь, растет и страх в крови;
Где много страха, много и любви».

А к т е р - к о р о л ь

«Да, нежный друг, разлуки близок час;
Могучих сил огонь во мне погас;
А ты на милом свете будешь жить
В почете и любви; и, может быть,
С другим супругом ты...»

А к т е р - к о р о л е в а

«О, пощади!
Предательству не жить в моей груди.
Второй супруг — проклятие и стыд!
Второй для тех, кем первый был убит».

Г а м л е т *(в сторону)*

Полынь, полынь!

А к т е р - к о р о л е в а

«Тех, кто в замужество вступает вновь,
Влечет одна корысть, а не любовь;
И мертвого я умерщвлю опять,
Когда другому дам себя обнять».

А к т е р - к о р о л ь

«Я верю, да, так мыслишь ты сейчас,
Но замыслы недолговечны в нас.
Подвластны нашей памяти они:
Могуче их рожденье, хрупки дни;
Так плод неспелый к дереву прикреплен,
Но падает, когда созреет он.
Вполне естественно, из нас любой

Забудет долг перед самим собой;
Тому, что в страсти было решено,
Чуть минет страсть, забвенью суждено.
И радость, и печаль, бушуя в нас,
Свои решенья губят в тот же час;
Где смех, там плач, — они дружнее всех;
Легко смеется плач и плачет смех.
Не вечен мир, и все мы видим вновь;
Как счастьем вслед меняется любовь;
Кому кто служит, — мудрый, назови:
Любовь ли счастьем, счастье ли любви.
Вельможа пал, — он не найдет слуги;
Бедняк в удаче, — с ним дружат враги;
И здесь любовь за счастьем вслед идет;
Кому не нужно, тот друзей найдет,
А кто в нужде спешит к былым друзьям,
Тот в недругов их превращает сам.
Но чтобы речь к началу привести:
Дум и судеб столь рознятся пути,
Что нашу волю рушит всякий час;
Желанья — наши, их конец — вне нас;
Ты новый брак отвергла наперед,
Но я умру, и эта мысль умрет».

А к т е р - к о р о л е в а

«Земля, не шли мне снеди, твердь — лучей!
Исчезни, радость дня, покой ночей!
Мои надежды да поглотит тьма!
Обителью да будет мне тюрьма!
Всё злобное, чем радость смущена,
Мои мечты да истребит до дна!
И здесь, и там да будет скорбь со мной,
Коль, овдовев, я стану вновь женой!»

Г а м л е т

Что, если она теперь это нарушит!

А к т е р - к о р о л ь

«Нет глубже клятв. Мой друг, оставь меня;

Я утомлен, и рад тревогу дня
Рассеять сном». (Засыпает.)

А к т е р - к о р о л е в а

«Пусть дух твой отдохнет,
И пусть вовек не встретим мы невзгод».
(Уходит.)

Г а м л е т

Сударыня, как вам нравится эта пьеса?

К о р о л е в а

Эта женщина слишком щедра на уверения, по-моему.

Г а м л е т

О, ведь она сдержит слово.

К о р о л ь

Ты слышал содержание? Здесь нет ничего предосудительного?

Г а м л е т

Нет, нет; они только шутят, отравляют ради шутки; ровно ничего предосудительного.

К о р о л ь

Как называется пьеса?

Г а м л е т

«Мышеловка». Но в каком смысле? В переносном. Эта пьеса изображает убийство, совершенное в Вене; имя герцога — Гонзаго; его жена — Баптиста; вы сейчас увидите; это мерзкая история; но не всё ли равно? Вашего величества и нас, у которых душа чиста, это не касается; пусть кляча брыкается, если у нее сеаина; у нас загривок не натерт.

(Входит Люциан.)

Это некий Люциан, племянник короля.

О ф е л и я

Вы хороший хор, ⁴⁵ мой принц.

Г а м л е т

Да брось же проклятые свои ужимки и начинай. Ну: «Взывает к мщенью каркающий ворон».

Л ю ц и а н

«Рука тверда, дух черен, верен яд,
Час дружествен, ничей не видит взгляд;
Тлетворный сок полночных трав, трикраты
Пронизанный проклятием Гекаты,
Твоей природы страшным волшебством
Да истребится ныне жизнь в живом». *(Вливает яд в
ухо спящему.)*

Г а м л е т

Он отравляет его в саду, чтобы овладеть его державой. Герцога зовут Гонзаго; такая повесть существует и написана изящнейшим итальянским языком; сейчас вы увидите, как убийца добивается любви его жены.

О ф е л и я

Король встает!

Г а м л е т

Что? Испугался холостого выстрела!

К о р о л е в а

Что с вашим величеством?

П о л о н и й

Прекратите игру!

К о р о л ь

Дайте сюда огня. — Уйдем!

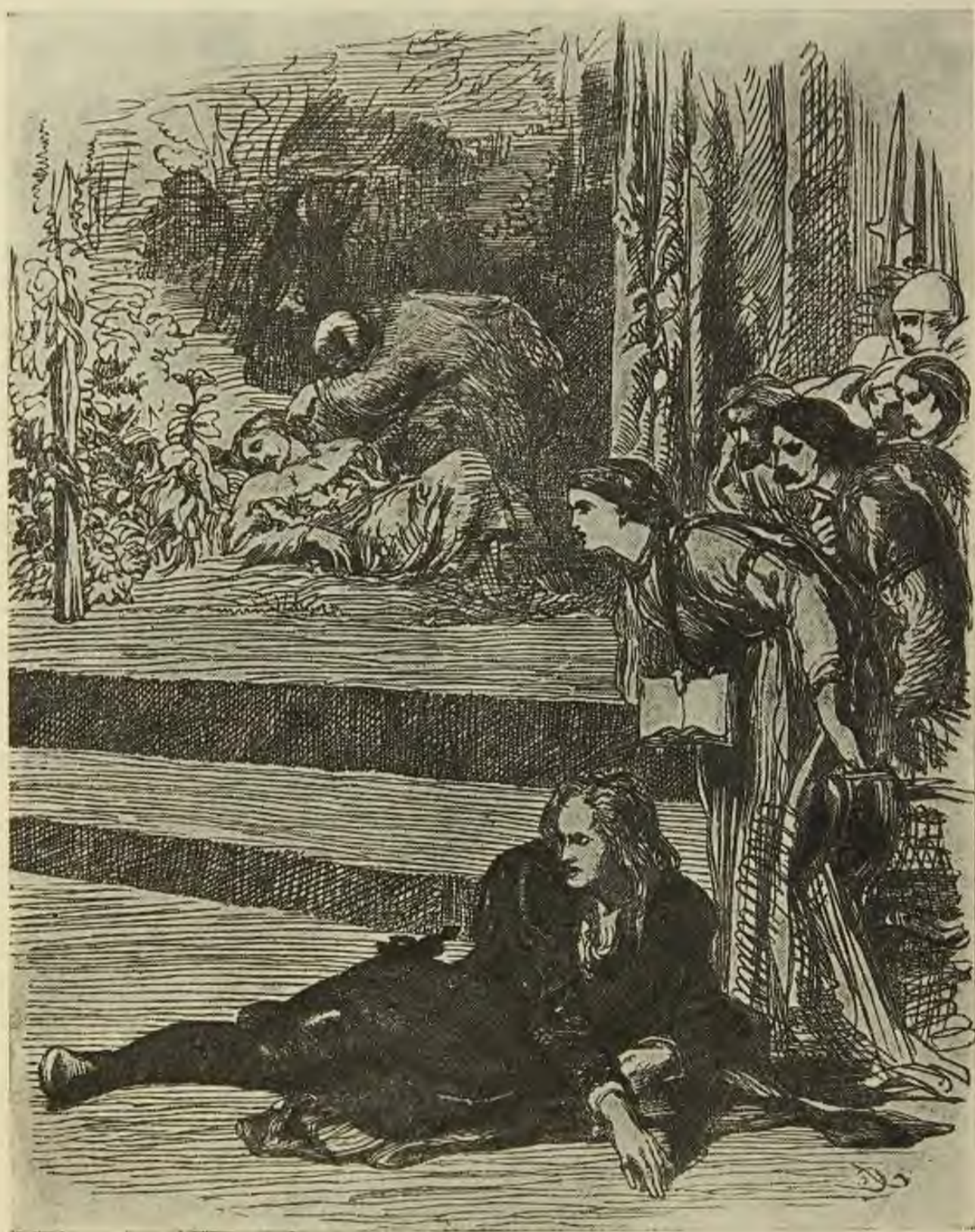
В с е

Огня, огня, огня!

(Все уходят, кроме Гамлета и Горацио.)

Г а м л е т

Пусть плачет раненый олень.

Король встает!

Лань, уцелев, резвится;
Для спящих — ночь, для стражи — день;
На этом мир вертится.

Неужто с этим, сударь мой, и с лесом перьев, ⁴⁶ — если в остальном судьба обошлась бы со мною, как турок, — да с парой прованских роз на прорезных башмаках ⁴⁷ я не получил бы места в труппе актеров, сударь мой?

Г о р а ц и о

С половинным паем.

Г а м л е т

С целым, по-моему.

Мой милый Дамон, ⁴⁸ о поверь,
На этом троне цвел
Второй Юпитер; а теперь
Здесь царствует — павлин.

Г о р а ц и о

Вы могли бы сказать в рифму. ⁴⁹

Г а м л е т

О дорогой Горадио, я за слова призрака поручился бы тысячей золотых. Ты заметил?

Г о р а ц и о

Очень хорошо, мой принц.

Г а м л е т

При словах об отравлении?

Г о р а ц и о

Я очень зорко следил за ним.

Г а м л е т

А-а! Эй, музыку! Эй, флейты!

Раз королю не нравятся спектакли,
То, значит, он не любит их, не так ли?

Эй, музыку!

(Входят Розенкранц и Гильденстерн.)

Что с вашим величеством?

Гильденстерн

Мой добрый принц, разрешите мне сказать вам два слова.

Гамлет

Сударь мой, хоть целую историю.

Гильденстерн

Король...

Гамлет

Да, сударь мой, что с ним?

Гильденстерн

Удалился, и ему очень не по себе.

Гамлет

От вина, сударь мой?

Гильденстерн

Нет, мой принц, скорее от желчи.

Гамлет

Ваша мудрость выказала бы себя более богатой, если бы вы сообщили об этом его врачу; потому что, если за его очищение возьмусь я, то, пожалуй, погружу его в еще пущую желчь.

Гильденстерн

Мой добрый принц, приведите вашу речь в некоторый порядок и не отклоняйтесь так дико от предмета нашей беседы.

Гамлет

Сударь мой, я смиряюсь; повествуйте.

Гильденстерн

Королева, ваша мать, в величайшем сокрушении духа, послала меня к вам.

Гамлет

Милости прошу.

Гильденстерн

Нет, мой добрый принц, эта любезность не того свойства, как нужно. Если вам угодно будет дать мне разумный ответ, я исполню приказание вашей матери; если нет, то мое поручение окончится тем, что вы меня отпустите, и я удалюсь.

Гамлет

Сударь мой, я не могу.

Гильденстерн

Чего, мой принц?

Гамлет

Дать вам разумный ответ; рассудок мой болен; но, сударь мой, такой ответ, какой я могу дать, к вашим услугам; или, вернее, как вы говорите, к услугам моей матери; итак, довольно этого, и к делу; моя мать, говорите вы...

Розенкранц

Так вот, она говорит: ваши поступки повергли ее в изумление и недоумение.

Гамлет

О чудесный сын, который может так удивлять свою мать! А за этим материнским изумлением ничто не следует по пятам? Поведайте.

Розенкранц

Она желает поговорить с вами у себя в комнате, прежде чем вы пойдете спать.

Гамлет

Мы повинемся, хотя бы она десять раз была нашей матерью. Есть у вас еще какие-нибудь дела ко мне?

Розенкранц

Мой принц, вы когда-то любили меня.

Гамлет

Так же, как и теперь, клянусь этими ворами и грабителями.⁵⁰

Розенкранц

Мой добрый принц, в чем причина вашего расстройства? Вы же сами заграждаете дверь своей свободе, скрывая ваше горе от вашего друга.

Гамлет

Сударь мой, у меня нет никакой будущности.

Розенкранц

Как это может быть, когда сам король высказался за то, чтобы вы наследовали датский престол?

Гамлет

Да, сударь мой, но «сюка трава растет»... пословица не из новых.⁵¹

(Возвращаются музыканты с флейтами.)

А, флейты! Дайте-ка мне одну. — Отойдите в сторону. — Почему вы всё стараетесь гнать меня по ветру, словно хотите загнать меня в сеть?

Гильденстерн

О, мой принц, если моя преданность слишком смела, то это моя любовь так неучтивая.

Гамлет

Я это не совсем понимаю. Не сыграете ли вы на этой дудке?

Гильденстерн

Мой принц, я не умею.

Гамлет

Я вас прошу.

Гильденстерн

Поверьте мне, я не умею.

Гамлет

Я вас умоляю.

Гильденстерн

Я и держать ее не умею, мой принц.

Гамлет

Это так же легко, как лгать; управляйте этими отверстиями при помощи пальцев, дышите в нее ртом, и она заговорит красноречивейшей музыкой. Видите, вот это лады.

Гильденстерн

Но я не могу извлечь из них никакой гармонии; я не владею этим искусством.

Гамлет

Вот видите, какой негодной вещью вы меня считаете! На мне вы готовы играть; вам кажется, что мои лады вы знаете; вы хотели бы исторгнуть сердце моей тайны; вы хотели бы испытать меня от самой низкой до самой высокой моей ноты; а вот в этом маленьком инструменте — много музыки, отличный звук; однако вы не можете сделать так, чтобы он заговорил. Чорт возьми, или, по-вашему, на мне легче играть, чем на дудке? Назовите меня каким угодно инструментом, — вы хоть и можете меня терзать, но играть на мне не можете.

(Возвращается Полоний.)

Благослови вас бог, сударь мой!

Полоний

Принц, королева желала бы поговорить с вами, и тотчас же.

Гамлет

Вы видите вот то облако, почти что вроде верблюда?

Полоний

Ей богу, оно, действительно, похоже на верблюда.

Гамлет

По-моему, оно похоже на ласочку.

Полоний

У него спина, как у ласочки.

Гамлет

Или как у кита?

Полоний

Совсем, как у кита.

Гамлет

Ну, так я сейчас приду к моей матери. — *(В сторону.)* Они меня совсем с ума сведут. — Я сейчас приду.

Полоний

Я так и скажу.

(Полоний уходит.)

Гамлет

Сказать «сейчас» — легко. Оставьте меня, друзья.

(Уходят все, кроме Гамлета.)

Теперь как раз тот колдовской час ночи,
Когда гроба зияют и заразой
Дышит в мир; сейчас я жаркой крови
Испить бы мог и совершить такое,
Что день бы дрогнул. Тише! мать звала.
Будь человечным, сердце! В эту грудь
Вовек да не войдет душа Нерона.⁵²
Я буду с ней жесток, но я не изверг;
Пусть речь грозит кинжалом, не рука;
Язык и дух да будут лицемерны;
Хоть на словах я причиню ей боль,
Исполнить их, о сердце, не дозволю!

(Уходит.)

СЦЕНА III

Зала в замке.

(Входят король, Розенкранц и Гильденстерн.)

Король

Не люб он мне, да и нельзя давать
Простор безумству. Будьте же готовы;
Я вас снабжу немедля полномочьем,

И в Англию отправится он с вами;
Наш сан не может потерпеть соседство
Опасности, которую всечасно
Грозит нам бред его.

Гильденстери

Мы снарядимся;
Священная и правая забота —
Обезопасить эту тьму людей,
Живущих и питающихся вашим
Величеством.

Розенкранц

Жизнь каждого должна
Всей крепостью и всей броней души
Хранить себя от бед; а в высшей мере
Тот дух, от счастья коего зависит
Жизнь множества. Кончина государя
Не одинока, но влечет в пучину
Всё, что вблизи; то как бы колесо,
Поставленное на вершине горной,
К чьим мощным спицам тысячи предметов
Прикреплены; когда оно падет,
Малейший из придатков будет схвачен
Грозой крушенья. Искони времен
Монаршей скорби вторит общий стон.

Король

Готовьтесь, я прошу вас, в скорый путь;
Страшилище, бродящее на воле,
Давно пора связать.

Розенкранц и Гильденстери

Мы поспешим.

(Розенкранц и Гильденстери уходят. Входит Полоний.)

Полоний

Мой государь, он к матери пошел;
Я спрячусь за ковром, чтоб слышать всё;

Ручаюсь вам, она его приструнит.
Как вы сказали, и сказали мудро,
Желательно, чтоб кто-нибудь другой,
Не только мать, — природа в ней пристрастна, —
Внимал ему. Прощайте, государь;
Я к вам зайду, пока вы не легли,
Сказать, что я узнал.

К о р о л ь

Благодарю.

(Полоний уходит.)

О, мерзок грех мой, к небу он смердит;
На нем старейшее из всех проклятий —
Братоубийство! Не могу молиться,
Хотя стремлюсь и сердцем и умом;
Вина сильней, чем сильное желанье,
И, словно тот, кто призван к двум делам,
Я медлю и в бездействии колеблюсь.
Хотя бы эта грешная рука
От братской крови стала вдвое толще,
Ужели у небес дождя нехватит
Омыть ее, как снег? На что и милость,
Как не на то, чтоб стать лицом к вине?
И что в молитве, как не власть двойная —
Стеречь наш путь и снискивать прощенье
Тому, кто пал? Вот я подъямлю взор;
Вина отпущена. Но что скажу я?
«Прости мне это гнусное убийство»?
Тому не быть, раз я владею всем,
Из-за чего я совершил убийство:
Вендом, и торжеством, и королевой.
Как быть прощенным и хранить свой грех?
В порочном мире золотой рукой
Неправда отстраняет правосудье,
И часто покушается закон
Ценой греха; но наверху не так:
Там кривды нет, там истинного дела
Не утаить, и мы принуждены

На очной ставке с нашею виной
Свидетельствовать. Что же остается?
Раскаянье? Оно так много может.
Но что оно тому, кто нераскаян?
О жалкий жребий! Грудь, чернее смерти!
Увязший дух, который, вырываясь,
Лишь глубже вязнет! Ангелы, спасите!
Гнись, жесткое колено! Жилы сердца,
Смягчитесь, как у малого младенца!
Всё кончится, быть может, хорошо. *(Отходит
в сторону и становится на колени.)*

(Входит Гамлет.)

Гамлет

Теперь свершить бы всё, — он на молитве;
И я свершу; и он взойдет на небо;
И я отмщен. Здесь требуется взвесить:
Отец мой гибнет от руки злодея;

И этого злодея сам я шлю
На небо.
О, это труд и служба, но не месть!
Отца сразил он в грубом пресыщеньи,
Когда его грехи цвели, как май;
Каков расчет с ним, знает только небо.
Насколько нам позволено судить,
С ним тяжело; и буду ль я отмщен,
Сразив его в душевном очищеньи,
Когда он в путь снаряжен и готов?
Нет!
Назад, мой меч, жди пострашней обхвата.
Когда он будет пьян, или во гневе,
Или в греховных наслажденьях ложа,
В кощунстве, за игрой, за чем-нибудь,
В чем нет добра, — тогда его сшиби,
Так, чтобы пятками он дрыгнул в небо
И чтоб душа была черна, как ад,
Ей уготованный. Меня ждет мать. —
Твою болезнь я лишь продлю опять.

(Уходит.)

Король (*вставая*)

Слова летят, мысль остается тут;
Слова без мысли к небу не дойдут.

(Уходит.)

СЦЕНА IV

Комната королевы.

(Входят королева и Полоний.)

Полоний

Сейчас придет он. Будьте с ним построже;
Скажите, что он слишком дерзко шутит,
Что вы его спасли, став между ним
И грозным гневом. Я укроюсь тут.
Прошу вас, будьте круты.

Гамлет (за сценой)

Мать, мать, мать!

Королева

Я вам ручаюсь; за меня не бойтесь.
Вы отойдите; он идет, я слышу.

(Полоний прячется за ковром.

Входит Гамлет.)

Гамлет

В чем дело, мать, скажите?

Королева

Сын, твой отец тобой обижен тяжко.

Гамлет

Мать, мой отец обижен вами тяжко.

Королева

Не отвечайте праздным языком.

Гамлет

Не вопрошайте грешным языком.

Королева

Что это значит, Гамлет?

Гамлет

Что вам надо?

Королева

Вы позабыли, кто я?

Гамлет

Нет, клянусь!

Вы — королева, дядина жена;

И — о, зачем так вышло! — вы мне мать.

Королева

Так пусть же с вами говорят другие.

Г а м л е т

Нет, сядьте; вы отсюда не уйдете,
Пока я в зеркале не покажу вам
Все сокровеннейшее, что в вас есть.

К о р о л е в а

Что хочешь ты? Меня убить ты хочешь?
О, помогите!

П о л о н и й *(за ковром)*

Эй, люди! Помогите, помогите!

Г а м л е т *(обнажая шпагу)*

Что? Крыса? Ставлю золотой, мертва! *(Произает ковер.)*

П о л о н и й *(за ковром)*

Меня убили! *(Падает и умирает.)*

К о р о л е в а

Боже, что ты сделал?

Г а м л е т

Я сам не знаю; это был король?

К о р о л е в а

Что за кровавый и шальной поступок!

Г а м л е т

Иные, мать, покончив с королем,
С его же братом шли к венцу потом.

К о р о л е в а

Покончив с королем?

Г а м л е т

Я так сказал. *(Откидывает ковер
и обнаруживает Полония.)*

Ты, жалкий, суетливый шут, прощай!

... вы отсюда не уйдете,
Пока я в зеркале не покажу вам
Все сокровеннейшее, что в вас есть.

Где каждый бог отпечатлел себя,
Чтоб дать вселенной образ человека.
То был ваш муж. Теперь смотрите дальше:
Вот ваш супруг, как ржавый колос, насмерть
Сразивший брата. Есть у вас глаза?
С такой горы пойти в таком болоте
Искать свой корм! О, есть у вас глаза?
То не любовь, затем что в ваши годы
Разгул в крови утих, он присмирел
И связан разумом; а что за разум
Сравнит то с этим? Чувства есть у вас,
Раз есть движенья; только эти чувства
Разрушены; безумный различил бы,
И, как бы чувства ни служили бреду,
У них бы все ж явился некий выбор
Перед таким несходством. Что за бес
Запутал вас, играя с вами в жмурки?
Глаза без ошущи, слепая ошущь,
Слух без очей и рук, нюх без всего,
Простого чувства хилая частица
Так не сглусят.
О стыд! Где твой румянец? Ад мятежный,
Раз ты бесчинствуешь в костях матроны,
Пусть пламенная юность чистоту,
Как воск, растопит; не зови стыдом,
Когда могучий пыл идет на приступ,
Раз сам мороз пылает, и рассудок
Потворствует желанью.

К о р о л е в а

О, довольно!

Ты мне глаза направил прямо в душу,
И в ней я вижу столько черных пятен,
Что их ничем не вывести.

Г а м л е т

Нет, жить,

Варясь в разврате...

Королева

О, молчи, довольно!

Ты уши мне кинжалами пронзаешь.
О, пощади!

Гамлет

Убийца и холоп;

Смерд, мельче в двадцать раз одной десятой
Того, кто был вам мужем; шут на троне;
Вор, своровавший власть и государство, —
Стянувший драгоценную корону
И сунувший ее в карман!

Королева

Довольно!

Гамлет

Король из пестрых тряпок... ⁵⁵

(Входит Призрак.)

Спаси меня и осени крылами,
О воинство небес! — Чего ты хочешь,
Блаженный образ?

Королева

Горе, он безумен!

Гамлет

Иль то упрек медлительному сыну
За то, что, упуская страсть и время,
Он не свершает страшный твой приказ?
Скажи!

Призрак

Не забывай. Я посетил тебя,
Чтоб заострить притупленную волю.
Но видишь, страх сошел на мать твою;
О, стань меж ней и дум ее бореньем;
Воображенье мощно в тех, кто слаб;
Заговори с ней, Гамлет.

Гамлет

Что с вами, матушка?

Королева

Ах, что с тобой,
Что ты глаза вперяешь в пустоту
И бестелесный воздух вопрошаешь?
Из глаз твоих твой дух взирает дико;
И, словно полк, разбуженный тревогой,
Твои, как бы живые, волосы
Поднялись и стоят. О милый сын,
Пыл и огонь волнения окропи
Спокойствием холодным. Что ты видишь?

Гамлет

Его, его! Смотрите, как он бледен!
Его судьба и вид, воззвав к камням,
Растрогали бы их. (*Призраку.*) О, не смотри!
Твой скорбный облик отвратит меня
От грозных дел; то, что свершить я должен,
Свой цвет утратит: слезы вместо крови!

Королева

С кем ты беседуешь?

Гамлет

Вы ничего

Не видите?

Королева

Нет, то, что есть, я вижу.

Гамлет

И ничего не слышали?

Королева

Нас только.

Гамлет

Да посмотрите же! Вот он уходит!

Отец, в таком же виде, как при жизни!
Смотрите, вот, он перешел порог!

(Призрак уходит.)

Королева

То лишь создание твоего же мозга;
В бесплотных грезах умоисступленья
Весьма искусно.

Гамлет

«Умоисступленья»?

Мой пульс, как ваш, размеренно звучит
Такой же здоровой музыкой; не бред
То, что сказал я; испытайте тут же,
И я вам всё дословно повторю,
А бред отпрянул бы. Мать, умоляю,
Не умащайте душу льстивой мазью,
Что это бред мой, а не ваш позор;
Она больное место лишь затянет,
Меж тем как порча всё внутри разъест
Незримо. Исповедуйтесь пред небом,
Покайтесь в прошлом, берегитесь впредь
И плевелы не удобряйте туком.
Простите мне такую добродетель;
Ведь добродетель в наш обрюзгший век
Должна просить прощенья у порока,
Молить согбенно, чтоб ему помочь.

Королева

О милый Гамлет, ты рассек мне сердце.

Гамлет

Отбросьте же дурную половину
И с лучшею живите в чистоте.
Покойной ночи; но не спите с дядей;
Раз нет ее, займите добродетель.
Привычка, это чудище, что гложет
Все чувства, этот дьявол, — всё же ангел
Тем, что свершенья благородных дел

Смотрите, как он бледен!

Он точно так же наряжает в платье
Вполне к лицу. Итак, покойной ночи.
Когда-нибудь я к вам еще приду
Просить благословенья. — А о нем *(указывая на*
Полония)

Скорблю и я. Но небеса велели,
Им покарав меня и мной его,
Чтобы я стал бичом их и слугою.
О нем я позабочусь и отвечу
За смерть его. — Итак, покойной ночи.
Из жалости я должен быть жесток;
Плох первый шаг, но худший недалек.
Еще два слова.

Королева

Что должна я делать?

Гамлет

Отнюдь не то, что я сейчас сказал:
Пусть вас король к себе в постель заманит;
Щипнет за щечку; мышкой назовет;
А вы за грязный поцелуй, за ласку
Проклятых пальцев, глядящих вам шею,
Ему откройте все и расскажите,
Что вовсе не безумен я, а только
Хитер безумно. Пусть он это знает;
Ведь как прекрасной, мудрой королеве
Скрыть от кота, нетопыря, от жабы
Такую тайну? Кто бы это мог?
Нет, вопреки рассудку и доверью,
Взберитесь с клеткою на крышу, птиц
Лететь пустите и, как та мартышка,
Для опыта, залезьте в клетку сами
Да и сломайте шею.

Королева

Поверь, что если наша речь — дыханье,
А самое дыханье — жизнь, во мне
Нет жизни, чтобы это произнести.

Гамлет

Я еду в Англию; вам говорили?

Королева

Я и забыла; это решено.

Гамлет

Готовят письма; два моих собрата,
Которым я, как двум гадюкам, верю,
Везут приказ; они должны расчистить
Дорогу к западне. Ну что ж, пускай!
В том и забава, чтобы землекопа
Взорвать его же миной; плохо будет,
Коль я не вруюсь глубже их аршином,
Чтоб их пустить к луне; есть прелесть в том,
Когда две хитрости столкнутся лбом.
Вот кто теперь ускорит наши сборы;
Я оттащу подальше потроха.
Мать, доброй ночи. Да, вельможа этот
Теперь спокоен, важен, молчалив,
А был болтливый плут, пока был жив. —
Ну, сударь мой, чтоб развязаться с вами...
Покойной ночи, мать.

(Королева уходит в одну сторону; Гамлет, волоча Полонию, — в другую.)

АКТ ЧЕТВЕРТЫЙ

СЦЕНА I

Зала в замке.

(Входят король, королева, Розенкранц и Гильденстерн.)

Король

У этих тяжких вздохов есть причина;
Откройте нам; мы их должны понять.
Где сын ваш?

Королева

Оставьте нас на несколько минут.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят.)

Ах, государь, что видела я ночью!

Король

Скажите всё. Что с Гамлетом?

Королева

Безумен,

Как море и гроза, когда они
О силе спорят; в буйном исступленьи,
Заслышав за ковром какой-то шорох,
Хватает меч и с криком «крыса, крыса!»
В своем бреду, не видя, убивает
Беднягу-старика.

Король

О злое дело!

Так было бы и с нами, будь мы там;
Его свобода пагубна для всех —
Для вас самих, для нас и для любого.
Кто будет отвечать за грех кровавый?
Его на нас возложат, чья забота
Была стеречь, взять в руки, удалить
Безумного; а мы, из-за любви,
Не видели того, что надлежало,
И, словно обладатель мерзкой язвы,
Боящийся огласки, дали ей
До мозга вьестся в жизнь. Где он сейчас?

Королева

Он потащил убитого; над ним,
Как золото среди плохой руды,
Его безумье проявилось чистым.
Он сетует о том, что совершил.

Король

Идем, Гертруда!
Едва коснется солнце горных высей,
Он отплывет; а этот тяжкий случай
Нам надобно умело и достойно
Представить и смягчить. — Эй, Гильденстерн!
(Возвращаются Розенкранц и Гильденстерн.)

Друзья мои, сходите за подмогой;
В безумьи принц Полония убил
И выволок из комнат королевы.
Поладьте с ним, а тело отнесите
В часовню. И, прошу вас, поскорее.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят.)

Идем, Гертруда, созовем друзей;
Расскажем им и то, что мы решили,
И что случилось; так, быть может, сплетня,
Чей шепот неуклонно мчит сквозь мир,
Как пушка в цель, свой ядовитый выстрел,
Минует наше имя и пронзит
Неуязвимый воздух. О, иди!
Страх и смятенье у меня в груди.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Другая зала в замке.

(Входит Гамлет.)

Гамлет

Надежно спрятан.

Розенкранц и Гильденстерн (за сценой)

Принц Гамлет! Гамлет!

Гамлет

Тш, что за шум? Кто Гамлета зовет?

А, вот они.

(Входят Розенкранц и Гильденстерн.)

Розенкранц

Принц, что вы учинили с мертвым телом?

Гамлет

Смешал с землей, — она ему сродни.

Розенкранц

Скажите, где оно, чтоб мы могли
Отнести его в часовню.

Гамлет

Вы этому не верьте.

Розенкранц

Не верить чему?

Гамлет

Тому, что вашу тайну я хранить умею, а свою нет. К тому же, на вопросы губки какой ответ может дать королевский сын?

Розенкранц

Вы принимаете меня за губку, мой принц?

Гамлет

Да, сударь; которая впитывает благоволение короля, его щедроты, его пожалования. Но такие царедворцы служат королю лучше всего напоследок; он держит их, как обезьяна орехи, за щекой; раньше всех берет в рот, чтобы позже всех проглотить; когда ему понадобится то, что вы скопили, ему стоит только нажать на вас, и вы, подобно губке, снова сухи.

Розенкранц

Я вас не понимаю, мой принц.

Гамлет

Я этому рад; хитрая речь спит в глупом ухе.

Розенкранц

Мой принц, вы должны нам сказать, где тело, и пойти с нами к королю.

Гамлет

Тело у короля, но король без тела. Король есть вещь...

Гильденстерн

«Вещь», мой принц?

Гамлет

Невещественная; ведите меня к нему. Беги, лиса, и все за ней. ⁵⁶

(Уходят.)

СЦЕНА III

Другая зала в замке.

(Входит король с приближенными.)

Король

За принцем послано, и тело ищут.
Как пагубно, что он на воле ходит!
Однако же быть строгим с ним нельзя;
К нему пристрастна буйная толпа,
Судящая не смыслом, а глазами;
Она лишь казнь виновного приметит.
А не вину. Чтоб гладко всё сошло,
Должно казаться, что его отъезд
Решен давно; отчаянный недуг
Врачуют лишь отчаянные средства
Иль никакие.

(Входит Розенкранц.)

Что там? Что случилось?

Розенкранц

Куда он спрятал тело, государь,
Узнать мы не могли.

Король

А где он сам?

Розенкранц

Здесь рядом; под присмотром, в ожиданьи
Велений ваших.

Король

Пусть его введут.

Розенкранц

Эй, Гильденстерн! Введите принца.

(Входят Гамлет и Гильденстерн.)

Король

Ну что же, Гамлет, где Полоний?

Гамлет

За ужином.

Король

«За ужином»? Где?

Гамлет

Не там, где он ест, а там, где его едят; у него как раз собрался некий сейм политических червей. Червь — истинный император по части пищи. Мы откармливаем всех прочих тварей, чтобы откормить себя, а себя откармливаем для червей. И жирный король, и сухопарый нищий — это только разные смены, два блюда, но к одному столу; конец таков.

Король

Увы, увy!

Г а м л е т

Человек может поймать рыбу на червя, который поел короля,
и поест рыбы, которая питалась этим червем.

К о р о л ь

Что ты хочешь этим сказать?

Г а м л е т

Я хочу вам только показать, как король может совершить
путешествие по кишкам нищего.

К о р о л ь

Где Полоний?

Г а м л е т

На небесах; пошлите туда посмотреть; если ваш посланный
его там не найдет, тогда поищите его в другом месте сами.
А только если вы в течение месяца его не сыщете, то вы его
почуете, когда пойдете по лестнице на галерею.

К о р о л ь *(нескольким слугам)*

Пойдите, поищите его там.

Г а м л е т

Он вас подождет.

(Слуги уходят.)

К о р о л ь

Во имя твоего же, Гамлет, блага,
Которым дорожим мы, как скорбим
О том, что ты свершил, — ты должен скрыться
Быстрее огня; так соберись в дорогу;
Корабль готов, благоприятен ветер.
Ждут спутники, и Англия вас ждет.

Г а м л е т

Ждет Англия?

К о р о л ь

Да, Гамлет.

Г а м л е т

Хорошо.

К о р о л ь

Да, так и есть, коль ведать наши мысли.

Г а м л е т

Я вижу херувима, который видит их. — Но едем; в Англию! —
Прощайте, дорогая мать!

К о р о л ь

Твой любящий отец, Гамлет.

Г а м л е т

Моя мать; отец и мать — муж и жена; муж и жена — единая
плоть, и поэтому — моя мать. — Едем, в Англию!

(Уходит.)

К о р о л ь

За ним ступайте; торопите в путь;
Хочу, чтоб он отплыл еще до ночи;
Всё запечатано, и всё готово,
Что следует; прошу вас, поскорей.

(Розенкранц и Гильденстерн уходят.)

Когда мою любовь ты чтешь, Британец, —
А мощь моя ей цену придает,
Затем что свеж и ал еще рубец
От датского меча и вольный страх твой
Нам платит дань, — ты не расценишь хладно
Наш царственный приказ, тот, что содержит,
Как это возвещается в письме,
Смерть Гамлета. Британец, сделай это;
Как лихорадка, он мне гложет кровь;
Будь мне врачом; пока не свершено,
Мне радости не ведать всё равно.

(Уходит.)

СЦЕНА IV

Равнина в Дании.

(Входят Фортибрас, офицеры и солдаты, на походе.)

Фортибрас

Снесите мой привет владыке датчан;
Напомните ему, что Фортибрас
Обещанного просит разрешенья
Пройти его землю. Встреча там же.
И ежели мы королю нужны,
Свой долг пред ним исполнить мы готовы;
Ему скажите это.

Офицер

Да, мой принц.

Фортибрас

Вперед, не торопись.

(Фортибрас и солдаты уходят. Входят Гамлет, Розенкранц,
Гильденстерн и другие.)

Гамлет

Скажите, сударь мой, чье это войско?

Офицер

Норвежца, сударь.

Гамлет

Куда оно идет, спросить дозволейте?

Офицер

Оно идет на Польшу.

Гамлет

А кто их предводитель?

Офицер

Фортибрас,

Племянник старого Норвежца.

Г а м л е т

На всю ли Польшу вы идете, сударь,
Иль на какую-либо из окраин?

О ф и ц е р

Сказать по правде и без добавлений,
Нам хочется забрать клочок земли,
Который только и богат названьем.
Доход с него не даст пяти дукатов;
Да и продав его, Поляк с Норвежцем
Не больше получили б за него.

Г а м л е т

Так за него Поляк не станет драться.

О ф и ц е р .

Там ждут войска.

Гамлет

Две тысячи людей

И двадцать тысяч золотых не могут
Уладить спор об этом пустяке!
Вот он, гнойник довольства и покоя!
Прорвавшись внутрь, он не дает понять,
Откуда смерть. — Благодарю вас, сударь.

Офицер

Благослови вас бог.

(Уходит.)

Розенкранц

Идемте, принц?

Гамлет

Я догоню вас. Вы пока идите.

(Уходят все, кроме Гамлета.)

Как всё кругом меня изобличает
И вялую мою торопит месть!
Что человек, когда он занят только
Сном и едой? Животное, не больше.
Тот, кто нас создал с мыслью столь обширной,
Глядящей и вперед, и всячь, вложил в нас
Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он. То ли это
Забвенье скотское, иль жалкий навык
Раздумывать чрезмерно об исходе, —
Мысль, где на долю мудрости всегда
Три доли трусости, — я сам не знаю,
Зачем я лишь твержу: «Так надо сделать»,
Раз есть причина, воля, мощь и средства,
Чтоб это сделать. Вся земля пример;
Вот это войско, тяжкая громада,
Ведомая изящным, юным принцем,
Чей дух, объятый дивным честолюбьем,
Смеется над невидимым исходом,
Обрекши то, что смертно и неверно,

Все́му, что могут счастье, смерть, опасность,
Так, за скорлупку. Истинно велик,
Кто не встревожен малою причиною,
Но вступит в ярый спор из-за былинки,
Когда задета честь. Так как же я,
Я, чей отец убит, чья мать в позоре,
Чей разум и чья кровь возбуждены,
Стою и сплю, взирая со стыдом,
Как смерть вот-вот поглотит двадцать тысяч,
Что ради прихоти и вздорной славы
Идут в могилу, как в постель, сражаться
За место, где не развернуться всем,
Где даже негде схоронить убитых?
О мысль моя, отныне ты должна
Кровавой быть, иль прах тебе цена!

(Уходит.)

СЦЕНА V

Эльсинор. Зала в замке.

(Входят королева, Горацио и дворянин.)

Королева

Я не хочу с ней говорить.

Дворянин

Она упорствует, совсем безумна;
Ее невольно жаль.

Королева

Чего ей надо?

Дворянин

Всё об отце она твердит; о том,
Что мир лукав; вздыхает, грудь колотит;
И сердится легко; в ее речах
Лишь полусмысл; ее слова — ничто,
Но слушателей их бессвязный строй

Склоняет к размышленью; их толкуют
И к собственным прилаживают мыслям;
А по ее кивкам и странным знакам
Иной и впрямь решит, что в этом скрыт
Хоть и неясный, но зловещий разум.

Г о р а ц и о

С ней лучше бы поговорить; она
В злокозненных умах посеять может
Опасные сомненья.

К о р о л е в а

Пусть приходит.

(Дворянин уходит.)

(В сторону.) Моей больной душе, где грех живет,
Всё кажется предвестьем злых невзгод;
Так глупо недоверчива вина,
Что свой же трепет выдает она.

(Возвращается дворянин с Офелией.)

О ф е л и я

Где светлая властительница датчан?

К о р о л е в а

Ну что, Офелия?

О ф е л и я (поет)

«Как узнать, кто милый ваш?

Чем он отличен?

Он паломником одет,

Посох держит он».

К о р о л е в а

Ах, милая, что значит эта песнь?

О ф е л и я

Что? Нет, вы слушайте, прошу вас. (Поет.)

«Ах, он умер, госпожа,
Умер и зачах;
В головах зеленый дерн,
Камешек в ногах».

О!

Королева

Милая...

Офелия

Нет, слушайте, прошу вас. *(Поет.)*
«Саван бел, как горный снег...»
(Входит король.)

Королева

Увы, взгляните, государь!

Офелия *(поет)*

«Цветик над могилой;
Он в нее сошел навек,
Неоплакан милой».

Король

Как поживаете, мое дитя?

Офелия

Хорошо, спасибо! Говорят, у совы отец был хлебник.⁵⁷ Господи, мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать. Благослови бог вашу трапезу!

Король *(в сторону)*

Мысль об отце.

Офелия

Пожалуйста, не будем говорить об этом; но если вас спросят, что это значит, вы скажите *(поет)*:

«Заутра Валентинов день,
И с утренним лучом
Я Валентиною твоей
Жду под твоим окном. ⁵⁸
Он встал на зов, был вмиг готов,
Затворы с двери снял;
Впускал к себе он деву в дом,
Не деву отпускал».

К о р о л ь

О м и л а я О ф е л и я !

О ф е л и я

Да, без всяких клятв, я сейчас кончу. *(Поет.)*

«Клянусь Христом, святым крестом,
Позор и срам, беда!
У всех мужчин конец один;
Иль нет у них стыда?»

К о р о л ь

Давно ли это с ней?

О ф е л и я

Я надеюсь, что всё будет хорошо. Надо быть терпеливыми; но я не могу не плакать, когда подумаю, что они положили его в холодную землю. Мой брат об этом узнает; и я вас благодарю за добрый совет. — Подайте мою карету! — Покойной ночи, сударыня; покойной ночи, дорогие сударыни; покойной ночи, покойной ночи. *(Уходит.)*

К о р о л ь

Прошу тебя, следи за ней позорче.

(Горацио уходит.)

Вот яд глубокой скорби; смерть отца —
Его источник. Ах, Гертруда, беды,
Когда идут, идут не в одиночку,
А толпами. Ее отец убит;
Ваш сын далек, неистовый виновник

Своей же ссылки; всполошен народ,
И смутный шопот носится вокруг
Полониевой смерти; было глупо
Зарыть его тайком; с собой в разлуке
Офелия, в разлуке с мыслью светлой,
Без коей мы лишь звери иль картины;
И наконец, хоть стоит остального, —
Лаэрт из Франции вернулся тайно,
Живет сомненьем, кутается в тучи,
А шептуны ему смущают слух
Тлетворною молвой про смерть отца,
И в этом темном деле подозренье
Начнет на нас же возлагать вину
Из уст в уста. О милая Гертруда,
Всё это, как карточь, мне шлет с избытком
Смерть отовсюду.

(Шум за сценой.)

К о р о л е в а

Боже, что за шум?

К о р о л ь

Швейцарцы где? Пусть охраняют дверь.

(Входит другой дворянин.)

Что это там?

Д в о р я н и н

Спасайтесь, государь!

Сам океан, границы перехлынув,
Так яростно не пожирает землю,
Как молодой Лаэрт, с толпой мятежной,
Сметает стражу. Чернь идет за ним;
И, словно мир впервые начался,
Забыта древность и обычай презрен, —
Опора и поддержка всех речей, —
Они кричат: «Лаэрт король! Он избран!»
Взлетают шапки, руки, языки:
«Лаэрт будь королем, Лаэрт король!»

Королева

Визжат и рады, сбившись со следа!
Назад, дрянные датские собаки!

(Шум за сценой.)

Король

Взломали дверь.

(Входит Лаэрт, вооруженный; за ним датчане.)

Лаэрт

Где их король? — А вы за дверью ждите.

Датчане

Нет, допустите нас.

Лаэрт

Я вас прошу.

Датчане

Ну, хорошо.

(Уходят за дверь.)

Лаэрт

Спасибо. Дверь стеречь. —
Ты, мерзостный король, верни отца мне!

Королева

Спокойно, друг.

Лаэрт

Когда хоть капля крови
Во мне спокойна, пусть зовусь ублюдком;
Пусть мой отец почтется рогачом
И мать моя здесь, на челе безгрешном,
Несет клеймо блудницы.

Король

Что причиной,
Лаэрт, что ты мятежен, как гигант? — 59

Оставь, Гертруда; нет, за нас не бойся;
Такой святыней огражден король,
Что, увидав свой умысел, крамола
Бессильна действовать. — Скажи, Лаэрт,
Чем распален ты так? — Оставь, Гертруда. —
Ответь мне.

Лаэрт

Где мой отец?

Король

Он умер.

Королева

Но король

Здесь не при чем.

Король

Пусть обо всем расспросит.

Лаэрт

Как умер он? Я плутен не стерплю.
В геенну — верность! Клятвы — к черным бесам!
Боязнь и благочестье — в бездну бездн!
Мне гибель не страшна. Я заявляю,
Что оба света для меня презренны,
И будь, что будет; лишь бы за отца
Отмстить, как должно.

Король

Кто тебя удержит?

Лаэрт

Моя лишь воля; целый мир не сможет;
А что до средств, то ими я управляюсь,
И с малым далеко зайду.

Король

Лаэрт,

Ты хочешь знать всю правду про отца;

Но разве же твое отмщенье в том,
Чтоб, как игрок, сгрести врага и друга,
Тех, чей барыш, и тех, кто проиграл?

Лаэрт

Нет, лишь его врагов.

Король

Ты хочешь знать их?

Лаэрт

Его друзей я заключу в объятия;
И, жизнью жертвуя, как пеликан,
Отдам им кровь свою. ⁶⁰

Король

Ты говоришь,
Как верный сын и благородный рыцарь.
Что я вполне невинен в этой смерти
И опечален ею глубоко,
То в разум твой проникнет так же прямо,
Как свет в твои глаза.

Датчане *(за сценой)*

Впустить ее!

Лаэрт

Что там за шум?

(Офелия возвращается.)

Зной, иссуши мне мозг!

Соль семикратно жгучих слез, спали
Живую силу глаз моих! — Клянусь,
Твое безумье взвесится сполна,
Пока не дрогнет чаша. Роза мая!
Дитя, сестра, Офелия моя! —
О небеса, ужель девичий разум
Такой же тлен, как старческая жизнь?
В своей любви утонченна природа,

И вот она шлет драгоценный дар
Вослед тому, что любит.

О ф е л и я *(поет)*

«Он лежал в гробу с открытым лицом;
Веселей, веселей, веселее;
И пролито много слез по нем».

Прощай, мой голубь!

Л а э р т

Будь ты в рассудке и зови к отшельню,
Ты тронула бы меньше.

О ф е л и я

Вы должны петь: «Ну да, ну да, ничего, не беда». Ах, как прялка к этому идет! Это лживый дворецкий, который похитил дочь у своего хозяина.

Л а э р т

Бред, полноценней смысла.

О ф е л и я

Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас, милый, помните; а вот троицын цвет, это для дум.

Л а э р т

Поучительность в безумии: думы связаны с воспоминанием.

О ф е л и я

Вот укроп для вас и голубкí; вот рута для вас; и для меня тоже; ее зовут травой благодати, воскресной травой; о, только ваша рута не совсем такая. Вот маргаритка; я бы вам дала фиалок, но они все увяли, когда умер мой отец; говорят, он умер хорошо. *(Поет.)*

«Веселый мой Робин мне всех милей».

Л а э р т

Скорбь и печаль, страданье, самый ад
Она в красу и прелесть превращает.

О ф е л и я *(поет)*

«И он не вернется к нам?

И он не вернется к нам?

Нет, его уж нет,

Он покинул свет,

Вовек не вернется к нам.

Его борода, как снег,

Его голова, как лед;

Он уснул в гробу,

Полно клясть судьбу;

В раю да воскреснет он!»

Как и все христианские души, о чем я молю бога. — Да будет с вами бог! *(Уходит.)*

Лаэрт

Вы видите? О боже мой!

Король

Лаэрт,

Дай мне поговорить с твоей печалью,
Я это вправе требовать. Пойдем,
Сбери мудрейших из твоих друзей,
И пусть они рассудят нас с тобою.
Когда они сочтут, что мы иль прямо,
Иль косвенно задеты, мы уступим
Венец, державу, жизнь и всё, что наше,
Тебе во искупенье. Если ж нет,
То согласись нас одолжить терпеньем,
И мы найдем с твоей душой совместно,
Чем утолить ее.

Лаэрт

Пусть будет так;

Его кончина, тайна похорон,
Где меч и герб костей не осеняли,
Без пышности, без должного обряда,
Взывают громко от небес к земле,
Да будет суд!

Король

Так; он покончит спор;
И где вина, там упадет топор.
Прошу, идем со мной.

(Уходят.)

СЦЕНА VI

Другая зала в замке.

(Входят Горацио и слуга.)

Горацио

Кто это хочет говорить со мной?

Слуга

Моряки, сударь; они говорят, у них есть письмо к вам.

Горацио

Пускай войдут.

(Слуга уходит.)

Не знаю, кто бы мог, на целом свете,
Прислать мне вдруг привет, как не принц Гамлет.

(Входят моряки.)

Первый моряк

Благослови вас бог, сударь.

Горацио

Пусть и тебя благословит.

Первый моряк

Он и благословит, сударь, коли ему угодно будет. Тут вам письмо, сударь, — оно от посла, который отправлялся в Англию, — если только вас зовут Горацио, как мне сказали.

Горацио *(читает)*

«Горацио, когда ты это прочтешь, устрой этим людям доступ к королю; у них есть письма к нему. Мы и двух дней не пробыли

в море, как за нами погнался весьма воинственно снаряженный пират. Видя, что у нас слишком малый ход, мы поневоле вооружились храбростью; во время схватки я прыгнул к ним на палубу; в тот же миг они отвалили от нашего судна; таким образом, я один очутился у них в плену. Они обошлись со мною, как милосердые разбойники; но они знали, что делают: я должен им отплатить. Позаботься, чтобы король получил письма, которые я послал, и отправляйся ко мне с такой же поспешностью, как если бы ты бежал от смерти. Мне надо сказать тебе на ухо слова, от которых ты онемеешь; и всё же они слишком легковесны для дела такого калибра. Эти добрые люди доставят тебя туда, где я сейчас. Розенкранц и Гильденстерн держат путь в Англию; про них я тебе многое должен рассказать. Будь здоров. Тот, о ком ты знаешь, что он неспритворно твой, Гамлет».

Идем, вы отдадите ваши письма;
Да поспешите, чтоб меня свезти
К тому, кто вам их дал.

(Уходят.)

СЦЕНА VII

Другая зала в замке.

(Входят король и Лаэрт.)

Король

Теперь, мое скрепяля оправданье,
Ты должен счесть меня сердечным другом,
Затем что сам разумным ухом слышал,
Как тот, кем умерщвлен был твой отец,
Грозил и мне.

Лаэрт

Нет спора; но скажите,
Зачем вы не преследовали этих
Столь беззаконных и преступных действий,
Как требуют того благоразумье
И безопасность?

Король

О, по двум причинам,
По-твоему, быть может, очень слабым,
Но мощным для меня. Мать-королева
Живет его лишь взором; я же сам, —
Заслуга ль то, иль бедствие, не знаю, —
Так связан с нею жизнью и душой,
Что, как звезда в своем лишь ходит круге,
Я с ней во всем. Другое ж основание
Не прибегать к открытому разбору —
Приязнь к нему простой толпы; она
Его вину в своей любви омоет,
Как в роднике, где каменеют ветви,
И украшеньем станут кандалы.
И, слишком легкие в столь шумном ветре,
Вернутся к луку пущенные стрелы,
Не долетев туда, куда я метил.

Л а э р т

Итак, погиб отец мой благородный;
В мрак безнадежный ввержена сестра,
Чьи совершенства, — если восхвалять
Минувшее, — бросали вызов веку
С высот своих. Но месть моя придет.

Король

Спи без тревог; мы не настолько тупы,
Чтобы, когда опасность нас хватает
За бороду, считать, что это вздор.
Ждать новостей недолго; твой отец
Был дорог мне; себе же всякий дорог;
И я надеюсь, ты рассудишь сам...

(Входит гонец с письмами.)

В чем дело?

Г о н е ц

Письма, государь, от принца —
Одно для вас, другое королеве.

Король

От принца? Кто принес их?

Гонец

Моряки,

Как будто, государь; я сам не видел;
Мне дал их Клавдио; он получил их
От тех, кто их принес.

Король

Лаэрт, ты слушай... *(гонцу)*

Оставь нас.

(Гонец уходит.)

(Читает.) «Высокодержавный! Да будет вам известно, что я высажен нагим в вашем королевстве. Завтра я буду ходатайствовать о дозволении увидеть ваши королевские очи; и тогда, предварительно испросив на то ваше согласие, я изложу обстоятельства моего внезапного, а главное — странного возвращения. Гамлет».

Что это значит? Или все вернулись?
Иль здесь обман, и это всё не так?

Лаэрт

Вы узнаете руку?

Король

То почерк принца Гамлета. «Нагим»!
А здесь, в приписке, сказано: «один»!
Ты можешь объяснить?

Лаэрт

Я сам теряюсь. Но пускай придет;
Мне согревает горестную душу,
Что я могу сказать ему в лицо:
«То сделал ты».

Король

Раз это так, Лаэрт, —

Хоть как же так? А впрочем, что ж другого? —
То повинуйся мне.

Лаэрт

Да, государь;
Но только если ваша цель — не мир.

Король

Мир для тебя. Раз он теперь вернулся,
Прервав свой путь, и продолжать его
Не хочет больше, я его толкну
На подвиг, в мыслях у меня созревший,
В котором он наверное падет;
И смерть его не шелохнет упрека;
Здесь даже мать не умысел увидит,
А просто случай.

Лаэрт

Государь, я с вами;
Особенно, когда бы вы избрали
Меня своим орудьем.

Король

Так и будет.
Тебя заочно здесь превозносили,
При Гамлете, за качество, которым
Ты, будто, блещешь; все твои дары
В нем зависти такой не пробудили,
Как этот дар, по-моему, не первый
По важности.

Лаэрт

Какой же это дар?

Король

На шляпе юности он только лента,
Хоть нужная; ведь юности к лицу
Беспечная и легкая одежда,
Как зрелым летам — сукна и меха,

С их строгой величавостью. Здесь был,
Тому два месяца, один нормандец;
Я видел сам французов, дрался с ними;
Им конь ничто; но этот молодец
Был прямо чародей; к седлу припаян,
Он чудеса с конем творил такие,
Как будто сам наполовину сросся
С прекрасным зверем. Всё, что мог я в мыслях
Вообразить по части ловкой прыти,
Он превзошел.

Лаэрт

И это был нормандец?

Король

Нормандец.

Лаэрт

Ручаюсь головой — Ламонд.

Король

Он самый.

Лаэрт

Я с ним знаком; то, в самом деле, перл
И украшение всего народа.

Король

Он о тебе признался
И дал такой блистательный отчет
В твоём искусстве мастерской защиты,
Особенно рапирой, что воскликнул:
То было бы невиданное дело
С тобой сравняться в силе; их бойцы
Теряют, мол, и глазомер и силу,
Когда ты бьешься с ними. Этот отзыв
Такою зависть в Гамлете разлил,
Что он лишь одного просил и жаждал:
Чтоб ты вернулся и сразился с ним.
Отсюда...

Лаэрт

Что отсюда, государь?

Король

Лаэрт, тебе был дорог твой отец?
Иль, может, ты, как живопись печали,
Лик без души?

Лаэрт

К чему такой вопрос?

Король

Не стану спорить: ты любил отца;
Но, знаю сам, любовью правит время,
И вижу, на свидетельстве примеров,
Как временем огонь се притушен.
Таится в самом пламени любви
Как бы нагар, которым он глушится;
Равно благим ничто не пребывает,
И благость, доростя до полноты,
От изобилья гибнет; делать надо,
Пока есть воля; потому что воля
Изменчива, и ей помех не меньше,
Чем случаев, и языков, и рук,
И «надо» может стать, как трудный вздох,
Целящий с болью. Но коснемся язвы:
Принц возвратился; чем же ты докажешь,
Что ты и впрямь сын твоего отца?

Лаэрт

Ему я в церкви перережу горло.

Король

Да, для убийства нет святой защиты,
И месть преград не знает. Но, Лаэрт,
Чтоб так случилось, оставайся дома.
Принц, возвратясь, узнает, что ты здесь;
Мы примемся хвалить твое искусство,
И славу, данную тебе французом,

Покроем новым лоском; мы сведем вас
И выставим заклады; он, беспечный,
Великодушный, чуждый всяким козням,
Смотреть не станет шнаг, и ты легко,
Иль с небольшой уловкой, можешь выбрать
Наточенный клинок и, метко выпав,
Ему отплатишь за отца.

Лаэрт

Согласен;

И я при этом смажу мой клинок.
У знахаря купил я как-то мазь,
Столь смертную, что если нож смочить в ней
И кровь пустить, то нет такой припарки
Из самых редких трав во всей подлунной,
Чтобы спасти того, кто опаран.
Я этим ядом трону лезвее,
И если я хоть чуть задену принца,
То это смерть.

Король

Всё это надо взвесить:

Когда и как мы действовать должны.
Коль так не выйдет, и затея наша
Проглянет сквозь неловкую игру,
Нельзя и начинать; наш замысел надо
Скренить другим, который устоял бы,
Когда бы рухнул первый. — Дай подумать! —
За вас мы будем биться об заклад...
Нашел!
Когда в движеньи вы разгорячитесь, —
Для этого ты выпадай смелей, —
И он попросит пить, то будет кубок
Готов заранее; чуть он пригубит,
Хотя б он избежал отравной рапы, —
Всё будет кончено. Стой, что за шум?

(Входит королева.)

А, королева!

Королева

Идет за горем горе по пятам,
Спеша на смену. — Утонула ваша
Сестра, Лаэрт.

Лаэрт

Как? Утонула! Где?

Королева

Есть ива над потоком, что склоняет
Седые листья к зеркалу волны;
Туда она пришла, сплетя в гирлянды
Крапиву, лютик, ирис, орхидеи, —
У вольных пастухов грубей их кличка,
Для скромных дев они — персты умерших;
Она старалась по ветвям развесить
Свои венки; коварный сук сломался,
И травы и она сама упали
В рыдающий поток. Ее одежды,
Раскинувшись, несли ее, как нимфу;
Она, меж тем, обрывки песен цела,
Как если бы не чуяла беды
Или была созданием, рожденным
В стихии вод; так длиться не могло,
И тяжело наоленные одежды
Несчастную от звуков увлекли
В трясины смерти.

Лаэрт

Значит, утонула?

Королева

Да, утонула, утонула.

Лаэрт

Офелия, тебе довольно влаги,
И слезы я сдержу; однако всё же
Мы таковы; природа чтит обычай
Назло стыду; они пройдут, — исчезнет
И эта слабость. — Государь, прощайте.

*Она старалась по ветвям развесить
Свои венки.*

Я воспылал бы пламенной речью,
Когда б не эта дурь.

(Уходит.)

Король

Идем, Гертруда.

С каким трудом я укротил в нем ярость!
Теперь, боюсь, она возникнет вновь.
Идем за ним.

(Уходят.)

АКТ ПЯТЫЙ

СЦЕНА I

Кладбище.

(Входят два могильщик с заступами и пр.)

Первый могильщик

Разве такую можно погребать христианским погребением, которая самовольно ищет своего же спасения?

Второй могильщик

Я тебе говорю, что можно; и поэтому копай ей могилу живее; следовательно рассматривал и признал христианское погребение.

Первый могильщик

Как же это может быть, если она утопилась не ради самозащиты?

Второй могильщик

Да так уж признали.

Первый могильщик

Для этого требуется нападение, — иначе нельзя. Ибо в этом вся суть: ежели я топлюсь умышленно, то это доказывает действие, а всякое действие имеет три статьи: действие, поступок и совершение; отсюда эрго: ⁶¹ она утопилась умышленно.

Второй могильщик

Нет, ты послушай, господин копатель...

Первый могильщик

Погоди. Вот здесь тебе вода; хорошо; вот здесь тебе человек; хорошо; ежели человек идет к этой воде и тонится, то, хочет — не хочет, а он идет; заметь себе это; но ежели вода идет к нему и тонит его, то он не тонится; отсюда эрго: кто не повинен в своей смерти, тот своей жизни не сокращает.

Второй могильщик

И это такой закон?

Первый могильщик

Вот именно; уголовный закон.

Второй могильщик

Хочешь знать правду? Не будь она знатная дама, ее бы не хоронили христианским погребением.

Первый могильщик

То-то оно и есть, и очень жаль, что знатные люди имеют на этом свете больше власти тониться и вешаться, чем их братья-христиане. — Ну-ка, мой заступ. Нет стариннее дворян, чем садовники, землекопы и могильщики — они продолжают ремесло Адама. ⁶²

Второй могильщик

А он был дворянин?

Первый могильщик

Он первый из всех ходил вооруженный.

Второй могильщик

Да у него не было оружия.

Первый могильщик

Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь Писание? В Писании сказано: «Адам копал»; как бы он копал, ничем для этого не вооружась? Я тебе еще вопрос задам; если ты ответишь невпопад, то покайся...⁶³

Второй могильщик

Ну, валяй.

Первый могильщик

Кто строит прочнее каменщика, судостроителя и плотника?

Второй могильщик

Виселичный мастер; потому что это сооружение переживет тысячу постояльцев.

Первый могильщик

Твое слово мне нравится, скажу по правде: виселица — это хорошо; но только как это хорошо? Это хорошо для тех, кто поступает дурно; а ты вот поступаешь дурно, говоря, что виселица построена прочнее, нежели церковь; отсюда эрго: виселица была бы хороша для тебя. Ну-ка, начинай с начала.

Второй могильщик

«Кто прочнее строит, чем каменщик, судостроитель и плотник?»

Первый могильщик

Да, скажи, и можешь гулять.

Второй могильщик

А вот могу сказать.

Первый могильщик

Ну-ка!

Второй могильщик

Нет, чорт, не могу.

(Входят Гамлет и Горацио и стоят в отдалении.)

Первый могильщик

Не ломай себе над этим мозги, потому что глупый осел от колотушек скорей не пойдет; а ежели тебе в другой раз зададут такой вопрос, скажи — «могильщик»: дома, которые он строит, простоят до судного дня. Вот что, сходи-ка к Йогену, принеси мне склянницу водки.

(Второй могильщик уходит. Первый могильщик копает и поет.)

«В дни молодой любви, любви,
Я думал — милей всего
Коротать часы — ох! — с огнем, — ух! — в крови,
Я думал — нет ничего».

Гамлет

Или этот молодец не чувствует, чем он занят, что он поет, роя могилу?

Горацио

Привычка превратила это для него в самое простое дело.

Гамлет

Так всегда: рука, которая мало трудится, всего чувствительнее.

Первый могильщик (*поет*)

«Но старость, крадучись, как вор,
Взяла своей рукой
И увезла меня в страну,
Как будто я не был такой».

(*Выбрасывает череп.*)

Гамлет

У этого черепа был язык, и он мог петь когда-то; а этот мужик швыряет его обзечь, словно это Каинова челюсть, того, что совершил первое убийство! Может быть, это башка какого-нибудь политика, которую вот этот осел теперь перехитрил; человека, который способен был провести самого господина бога, — разве нет?

Горацио

Возможно, принц.

Гамлет

Или придворного, который говорил: «Доброе утро, почтеннейший господин! Как вы себя чувствуете, любезнейший господин?» Быть может, это господин Такой-то, который хвалил лошадь господина Такого-то, рассчитывая ее выпросить, — разве нет?

Горацио

Да, мой принц.

Гамлет

Вот именно; а теперь это — госпожа Гниль, без челюсти, и ее стучает по крышке заступ могильщика; это — замечательное превращение, но только мы не обладаем способностью его видеть. Разве так дешево стоило векормить эти кости, что только и остается играть ими в рюхи? Моим костям больно от такой мысли.

Первый могильщик (*поет*)

«Лопата и кирка, кирка,
И саван бел, как снег;
Ах, довольно яма глубока,
Чтоб гостю был ночлег».

(Выбрасывает еще череп.)

Гамлет

Вот еще один. Почему бы ему не быть черепом какого-нибудь законоведа? Где теперь его крючки и каверзы, его казусы, его вляузы и тонкости? Почему теперь он позволяет этому грубому мужику хлопнуть его грязной лопатой по затылку и не грозитя привлечь его за оскорбление действием? Гм... Быть может, в свое время этот молодец был крупным скупщиком земель, со всякими закладными, обязательствами, купчими, двойными поручительствами и взысканиями; неужели все его купчие и взыскания только к тому и привели, что его землевладельческая башка набита грязной землей? Неужели все его поручительства, даже двойные, только и обеспечили ему из всех его приобретений, что длину и ширину двух рукописных крепостей? Даже его земельные акты вряд ли уместились бы в этом ящике; а сам обладатель только это и получил?

Г о р а ц и о

Ровно столько, мой принц.

Г а м л е т

Ведь пергамент выделывают из бараньей кожи?

Г о р а ц и о

Да, мой принц, и из телячьей также.

Г а м л е т

Бараны и телята — те, кто ищет в этом обеспечения. Я поговорю с этим малым. — Чья это могила, любезный?

Первый могильщик

Моя, сударь. *(Поет.)*

«Ах, довольно яма глубока,
Чтоб гостю был ночлег».

Г а м л е т

Разумеется, твоя, раз ты в ней путаешься.

Первый могильщик

Вы, сударь, путаетесь не в ней, так, значит, она не ваша; что до меня, то я в ней не путаюсь, и всё-таки она моя.

Г а м л е т

Ты в ней путаешься, потому что ты стоишь в ней и говоришь, что она твоя; она для мертвых, а не для живых; значит, ты путаешься.

Первый могильщик

Это, сударь, путаница живая; она возьмет и перескочит от меня к вам.

Г а м л е т

Для какого христианина ты ее роешь?

Первый могильщик

Ни для какого, сударь.

Гамлет

Ну, так для какой христианки?

Первый могильщик

Тоже ни для какой.

Гамлет

Кого в ней похоронят?

Первый могильщик

Того, кто был когда-то христианкой, сударь; но она — упокой, боже, ее душу — умерла.

Гамлет

До чего точен этот плут! Приходится говорить осмотрительно, а не то мы погибнем от двусмысленности. Ей богу, Горацио, за эти три года я заметил: все стали до того остры, что мужик носком задевает пятки придворному и бередит ему болячки. — Как давно ты могильщиком?

Первый могильщик

Из всех дней в году я начал в тот самый день, когда покойный король наш Гамлет одолел Фортинбраса.

Гамлет

Как давно это было?

Первый могильщик

А вы сами сказать не можете? Это всякий дурак может сказать; это было в тот самый день, когда родился молодой Гамлет, тот, что сошел с ума и послан в Англию.

Гамлет

Вот как! Почему же его послали в Англию?

Первый могильщик

Да потому, что он сошел с ума. Там он придет в рассудок, а если и не придет, так там это не важно.

Гамлет

Почему?

Первый могильщик

Там в нем этого не заметят; там все такие же сумасшедшие, как он сам.

Гамлет

Как же он сошел с ума?

Первый могильщик

Очень странно, говорят.

Гамлет

Как так «странно»?

Первый могильщик

Да именно так, что лишился рассудка.

Гамлет

На какой почве?

Первый могильщик

Да здесь же, в Дании; я здесь могильщиком с молодых годов, вот уж тридцать лет.

Гамлет

Сколько времени человек пролежит в земле, пока не сгниет?

Первый могильщик

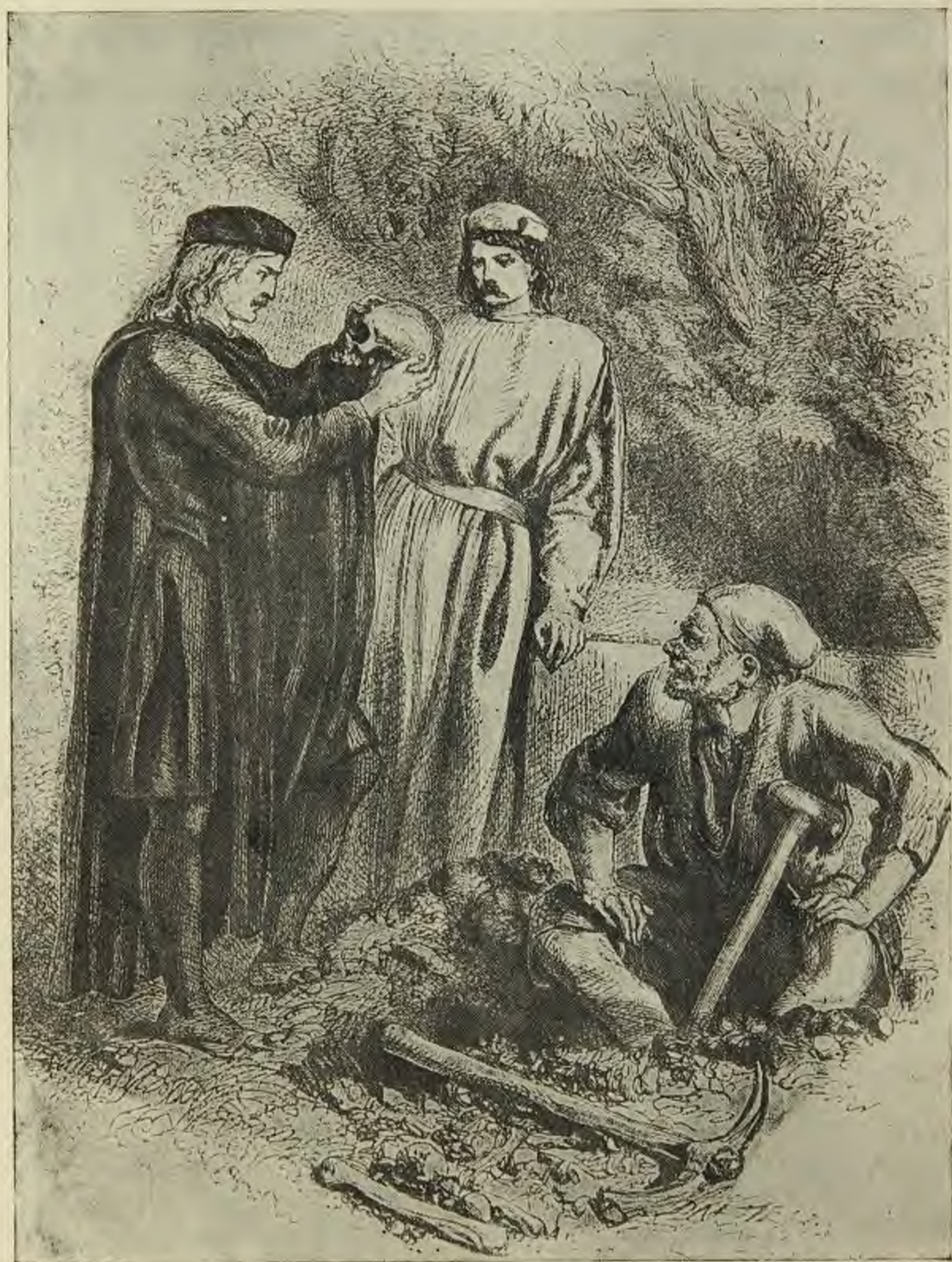
Да что ж, если он не сгнил раньше смерти, — ведь нынче много таких гнилых покойников, которые и похороны-то едва выдерживают, — так он вам протянет лет восемь, а то и девять лет; кожевник, тот вам протянет девять лет.

Гамлет

Почему же он дольше остальных?

Первый могильщик

Да шкура у него, сударь, от ремесла такая дубленая, что долго не пропускает воду; а вода, сударь, великий разрушитель для такого собачьего мертвеца. Вот еще череп; этот череп пролежал в земле двадцать лет и три года.

Где теперь твои шутки?

Гамлет

Чей же это?

Первый могильщик

Сумасброда одного собачьего. По-вашему, это чей?

Гамлет

Право, не знаю.

Первый могильщик

Чума его разнеси, шелоная сумасбродного! Он мне однажды бутылку рейнского на голову вылил. Вот этот самый череп, сударь, это — череп Йорика, королевского шута.

Гамлет

Этот?

Первый могильщик

Этот самый.

Гамлет

Покажи мне. (*Берет череп.*) — Увы, бедный Йорик! — Я знал его, Горацио; человек бесконечно остроумный, чудеснейший выдумщик; он тысячу раз носил меня на спине; а теперь — как отвратительно мне это себе представить! У меня к горлу подступает при одной мысли. Здесь были эти губы, которые я целовал, сам не знаю, сколько раз. — Где теперь твои шутки, твои дурачества, твои песни, твои вспышки веселья, от которых всякий раз хохотал весь стол? Ничего не осталось, чтобы потрунить над собственной ужимкой? Совсем отвисла челюсть? Ступай теперь в комнату к какой-нибудь даме и скажи ей, что, хотя бы она нарядилась на целый дюйм, она все равно кончит таким лицом; посмеши ее этим. — Прошу тебя, Горацио, скажи мне одну вещь.

Горацио

Какую, мой принц?

Гамлет

Как ты думаешь, у Александра⁶⁴ был вот такой же вид в земле?

Горацио

Точно такой.

Гамлет

И он так же пахнул? Фу! *(Кладет череп на землю.)*

Горацио

Совершенно так же, мой принц.

Гамлет

На какую изменную потребу можем мы пойти, Горацио! Почему бы воображению не проследить благородный прах Александра, пока оно не найдет его затыкающим дыру в бочке?

Горацио

Рассматривать так — значило бы рассматривать слишком пристально.

Гамлет

Нет, право же, ничуть; это значило бы раздумывать о его судьбе с должной скромностью и притом руководясь вероятностью; например, так: Александр умер, Александра похоронили, Александр превращается в прах; прах есть земля; из земли делают глину; и почему этой глиной, в которую он обратился, не могут заткнуть пивную бочку?

Державный Цезарь, обращенный в тлен,
Пошел, быть может, на обмазку стен;
Персть, целый мир страшившая вокруг,
Платает щели против зимних вьюг!
Но тише! Отойдем! Идет король,

(Входят священники и пр., процессией: тело Офелии, следом Лаэрт и провожающие: король, королева, их свита и пр.)

С ним королева, двор. Кого хоронят?
И так не по обряду? Видно, тот,
Кого несут, отчаянной рукой
Сам жизнь свою разрушил; кто-то знатный.
Посмотрим издали.

(Отходит вместе с Горацио.)

Лаэрт

Какой еще обряд, скажите?

Гамлет

Это

Лаэрт, достойный юноша. Смотри!

Лаэрт

Какой еще обряд?

Первый священник

Чин погребенья был расширен нами
Насколько можно; смерть ее темна;
Не будь устав преодолен столь властно,
Она ждала бы в несвятой земле
Трубы суда; взамен молитвословий
Ей черепки кидали бы и камни;
А ей даны невестины венки,
И покрывало из цветов девичьих,
И звон, и проводы.

Лаэрт

И это всё, что можно?

Первый священник

Всё, что можно;
Мы осквернили бы святой обряд,
Спев реквием над ней, как над душою,
Отшедшей с миром.

Лаэрт

Опускайте гроб.
И пусть из этой непорочной плоти
Взрастут фиалки! — Слушай, черствый пастырь,
Моя сестра пресветлый ангел будет,
Когда ты в муке взвоешь.

Гамлет

Как? Офелия?

Королева (*бросая цветы*)

Красивые — красивой. Спи, дитя!
Я думала назвать тебя невесткой
И брачную постель твою убрать,
А не могилу.

Лаэрт

Тридцать бед трехкратных
Да поразят проклятую главу
Того, кто у тебя злодейски отнял
Высокий разум! — Не бросайте землю;
В последний раз обнять ее хочу. (*Соскакивает в могилу.*)
Теперь засыпьте мертвую с живым
Так, чтобы выросла гора, превысив
И Пелион, и синего Олимпа⁶⁵
Небесное чело.

Гамлет (*выступая вперед*)

Кто тот, чье горе
Так выразительно; чья скорбь вызывает
К блуждающим светилам, и они,
Остановясь, внимают с изумленьем?
Я, Гамлет Датчанин. (*Соскакивает в могилу.*)

Лаэрт

Поди ты к чорту! (*Схватывается
с ним.*)

Гамлет

Плоха твоя молитва.
Прошу тебя, освободи мне горло;
Хоть я не желчен и не опрометчив,
Но нечто есть опасное во мне,
Чего мудрей стеречься. Руки прочь!

Король

Разнять их!

Королева

Гамлет, Гамлет!

Все

Господа!

Гораццо

Мой добрый государь, не беспокойтесь!

(Приближенные разбирают их, и они выходят из могилы.)

Гамлет

Да, я за это биться с ним готов,
Пока навек ресницы не сомкнутся.

Королева

За что же это, сын мой?

Гамлет

Ее любил я; сорок тысяч братьев,
Всем множеством своей любви, со мною
Не уравнились бы. — Что для нее
Ты сделаешь?

Король

Лаэрт, ведь он безумен.

Королева

Оставьте, ради бога!

Гамлет

Нет, покажи мне, что готов ты сделать?
Рыдать? Терзаться? Биться? Голодать?
Напиться укуса? Съесть крокодила?
Я—тоже. Ты пришел сюда, чтоб хныкать?
Чтоб, мне назло, в могилу соскочить?
Заройся с нею заживо, — я тоже.
Ты пел про горы; пусть на нас навалят
Мильоны десятин, чтоб эта глыба
Спалахла темя в знойной зоне, Оссу⁶⁶
Сравняв с прыщом! Нет, если хочешь хвастать,
Я хвастаю не хуже.

Королева

Это бред;

Как только этот приступ отбушует,
В нем тотчас же, спокойно, как голубка
Над золотой четой птенцов,⁶⁷ поникнет
Крылами тишина.

Гамлет

Скажите, сударь,
Зачем вы так обходитесь со мной?
Я вас всегда любил. Но всё равно,
Хотя бы Геркулес весь мир разнес,
А кот мяучит, и гуляет пес.

(Уходит.)

Король

Гораццо, прошу, ступай за ним.

(Гораццо уходит.)

(*Лаэрти.*) Будь терпелив и помни о вчерашнем;
Мы двинем дело к быстрому концу. —
Гертруда, пусть за принцем последят.
Здесь мы живое водрузим надгробье;
Тогда и нам спокойный будет час.
Пока терпенье — лучшее для нас.

(Уходят.)

СЦЕНА II

Зала в замке.

(Входят Гамлет и Гораццо.)

Гамлет

Об этом хватит; перейдем к другому.
Ты помнишь ли, как это было всё?

Г о р а ц и о

Принц, как не помнить?

Г а м л е т

В моей душе как будто шла борьба,
Мешавшая мне спать; лежать мне было
Тяжеле, чем колоднику. Внезапно —
Хвала внезапности! — нас безрассудство
Иной раз выручает там, где гибнет
Глубокий замысел; то божество
Намерения наши довершает,
Хотя бы ум наметил и не так.

Г о р а ц и о

Конечно, да.

Г а м л е т

Накинув мой бушлат,
Я вышел из каюты и в потемках
Стал пробираться к ним; я разыскал их,
Стащил у них письмо и воротился
К себе опять, и был настолько дерзок, —
Приличный страх не ведает! — что вскрыл
Высокое посланье; в нем, Горацио, —
О царственная подлость! — был приказ,
Весь уснащенный доводами пользы
Как датской, так и английской державы,
В котором так моей стращали жизнью,
Что тотчас по прочтеньи, без задержки,
Не посмотрев, наточен ли топор,
Мне прочь снесли бы голову.

Г о р а ц и о

Возможно ль?

Г а м л е т

Посланье вот; прочти в досужий час.
Но хочешь знать, что сделал я затем?

Г о р а ц и о

О да, прошу вас.

Гамлет

Итак, кругом опутан вероломством, —
Мой ум не сочинил еще пролога,
Как приступил к игре, — я сел, составил
Другой приказ, переписал красиво.
Когда-то я считал, как наша знать,
Стыдом писать красиво и старался
Забыть искусство это, но теперь
Оно мне удружило. Хочешь знать,
Что написал я?

Горацио

Да, мой добрый принц.

Гамлет

От короля торжественный призыв,
Зане⁶⁸ ему Британец верный данник,
Зане любовь должна подобно пальме
Меж ними цвести, зане в венке пшеничном
Соединять их дружбу должен мир,
И много всяких высретенных «зане», —
Увидев и прочтя сие посланье,
Не размышляя много или мало,
Подателей немедля умертвить,
Не дав и помолиться.

Горацио

А печать?

Гамлет

Мне даже в этом помогало небо.
Со мной была отцовская печатка,
Печати датской точный образец;
Сложив письмо, как то, я подписал,
Скрепил его и водворил обратно
Неузнанным подкидышем. Наутро
Случился этот бой; что было дальше,
Тебе известно,

Г о р а ц и о

А Гильденстерн и Розенкранц плывут.

Г а м л е т

Что ж, им была по сердцу эта должность;
Они мне совесть не гнетут; их гибель
Их собственным вторженьем рождена.
Ничтожному опасно попадаться
Меж выпадов и пламенных клинков
Могучих недругов.

Г о р а ц и о

Ну и король!

Г а м л е т

Не долг ли мой — тому, кто погубил
Честь матери моей и жизнь отца,
Стал меж избраньем и моей надеждой,⁶⁹
С таким коварством удочку закинул
Мне самому — не правое ли дело
Воздать ему вот этою рукой?
И не проклятье ль — этому червию
Давать кормиться нашею природой?

Г о р а ц и о

Но скоро он из Англии получит
Известие о положеньи дел.

Г а м л е т

Должно быть, скоро; промежуток — мой;
Жизнь человека — это молвить: «Раз».
Но, друг Горацио, мне очень жалко,
Что я с Лаэртом позабыл себя;
В моей судьбе я вижу отраженье
Его судьбы; я буду с ним мириться;
Но, право же, своим кичливым горем
Меня взбесил он.

Г о р а ц и о

Тише! Кто идет?

(Входит О с р и к.)

О с р и к

Приветствую вас, принц, с возвратом в Данию.

Г а м л е т

Покорно благодарю вас, сударь мой. *(Тихо к Гораццо.)* Ты знаешь эту мошку?

Г о р а ц ц о *(тихо Гамлету)*

Нет, мой добрый принц.

Г а м л е т *(тихо к Гораццо)*

Тем бóльшая на тебе благодать, потому что знать его есть порок. У него много земли, и плодородной; там, где над скотами царствует скот, его ясли всегда будут стоять у королевского стола; это скворец, но, как я сказал, пространый во владении грязью.

О с р и к

Милейший принц, если бы у вашего высочества был досуг, я бы передал ему кое-что от имени его величества.

Г а м л е т

Я это восприму, сударь мой, со всем усердием разума. Сделайте из вашей шляпы должное употребление; она для головы.

О с р и к

Благодарю ваше высочество, очень жарко.

Г а м л е т

Да нет же, поверьте мне, очень холодно — ветер с севера.

О с р и к

Действительно, мой принц, скорее холодно.

Г а м л е т

И все-таки, по-моему, очень душно и жарко для моей коллекции.

О с р и к

Чрезвычайно, мой принц; так душно, — как будто, — не могу даже сказать. Но, мой принц, его величество повелело мне уведомить вас, что оно поставило на вас большой заклад. Дело в том, принц...

Гамлет

Я вас прошу, помните... *(Понуждает его надеть шляпу.)*

Осрик

Нет, честное слово; мне так удобнее, честное слово. Принц, здесь недавно ко двору прибыл Лаэрт; поверьте мне, совершеннейший дворянин, преисполненный самых отменных отличий, весьма мягкий обхождением и видной внешности; поистине, если говорить о нем проникновенно, то это — карта или календарь благородства, ибо вы найдете в нем совмещение всех тех статей, какие желал бы видеть дворянин.

Гамлет

Сударь мой, его определение не претерпевает в вас ни малейшего ущерба, ⁷⁰ хотя, я знаю, разделяя его перечислительно, арифметика памяти запуталась бы, да и то мы бы только виляли вдогонку, в рассуждении его быстрого хода. Но, в правдивости хвалы, я почитаю его душою великой сущности, а его наделенность столь драгоценной и редкостной, что, применяя к нему истинное выражение, его подобием является лишь его зеркало, а кто захотел бы ему следовать — его тенью, не более.

Осрик

Ваше высочество говорит о нем весьма непогрешимо.

Гамлет

Но повод, сударь мой? Ради чего мы обволакиваем этого дворянина нашим грубым дыханием?

Осрик

Принц?

Горацио

Или в чужих устах вы уже не понимаете? Да нет же, сударь, полноте.

Гамлет

Что знаменует упоминание об этом дворянине?

Осрик

О Лаэрте?

Горацио (*тихо Гамлету*)

Его кошелек уже пуст. Все золотые слова истрачены.

Гамлет

О нем, сударь мой.

Осрик

Я знаю, что вы не лишены осведомленности...

Гамлет

Я надеюсь, что вы это знаете; хотя, по правде говоря, если вы это и знаете, то это еще не очень меня превозносит. Итак, сударь мой?

Осрик

Вы не лишены осведомленности о том, каково совершенство Лаэрта...

Гамлет

Я не решаюсь в этом сознаться, чтобы мне не пришлось притязать на равное с ним совершенство; знать кого-нибудь вполне, это было бы знать самого себя.

Осрик

Принц, я имею в виду оружие; по общему суждению, в этом искусстве он не ведаёт соперников.

Гамлет

Его оружие какое?

Осрик

Рапира и шпага.

Гамлет

Это его оружие. Ну, так что?

Осрик

Мой принц, король поставил против него в заклад шесть берберийских⁷¹ коней; взамен чего тот выставил, насколько я знаю,

шесть французских рапир и кинжалов с их принадлежностями, как то: пояс, портуinei и прочее; три из этих сбруй, честное слово, весьма тонкого вкуса, весьма ответственуют рукоятям, чрезвычайно изящные сбруи и очень приятного измышления.

Г а м л е т

Что вы называете сбруями?

Г о р а ц и о (*тихо Гамлету*)

И так и знал, что вам еще придется заглянуть в примечания.

О с р и к

Сбруи, мой принц, это портуinei.

Г а м л е т

Это слово было бы скорее сродни предмету, если бы мы на себе таскали пушку; а пока пусть это будут портуinei. Но дальше: шесть берберийских коней против шести французских шнаг, их принадлежностей и трех приятно измышленных сбруй; таков французский заклад против датского. Ради чего он «выставлен», как вы это называете?

О с р и к

Король, мой принц, поспорил, мой принц, что, в двенадцать ваших схваток с ним, он не опередит вас больше, чем на три удара; он ставит двенадцать против девяти; и может последовать немедленное состязание, если ваше высочество соблаговолите дать ответ.

Г а м л е т

А если я отвечу: «Нет»?

О с р и к

Я хочу сказать, мой принц, если вы соблаговолите лично выступить в состязании.

Г а м л е т

Сударь, я буду гулять в этой зале; если его величеству угодно, это мое ежедневное время отдыха; пусть принесут рапиры; буде этому господину охота и буде король остается при своем намерении, я для него выиграю, если могу; если нет, мне достанется только стыд и лишние удары.

Осрик

Могу я передать именно так?

Гамлет

В таком смысле, сударь мой, с теми приукрашениями, какие вам будут по вкусу.

Осрик

Препоручаю мою преданность вашему высочеству.

Гамлет

Весь ваш, весь ваш.

(Осрик уходит.)

Он хорошо делает, что препоручает себя сам; ничей язык не сделал бы этого за него.

Горацио

Побежала пигалица со скорлупкой на макушке.⁷²

Гамлет

Он любезничал с материнской грудью, прежде чем ее пососать. Таким вот образом, как и многие другие из той же стаи, которых, я знаю, обожает наш пустой век, он перенял всего лишь современный тон и внешние приемы обхождения; некую пенистую смесь, с помощью которой они выражают самые нелепые и вымученные мысли; а стоит на них дунуть ради опыта, — пузырей и нет.

(Входит вельможа.)

Вельможа

Принц, его величество приветствовал вас через молодого Осрика, и тот принес ответ, что вы его дожидаетесь в этой зале; он шлет узнать, остаетесь ли вы при желании состязаться с Лаэртом, или же вы предпочли бы повременить.

Гамлет

Я постоянен в своих решениях; они совпадают с желаниями короля: если это ему удобно, то я готов; сейчас или когда угодно, лишь бы я был так же расположен, как сейчас.

Вельможа

Король, и королева, и все сойдут сюда.

Гамлет

В добрый час.

Вельможа

Королева желает, чтобы вы обратились к Лаэрту с каким-нибудь приветливым словом, прежде чем начать состязание.

Гамлет

Это добрый совет.

(Вельможа уходит.)

Горадио

Вы проиграете этот заклад, мой принц.

Гамлет

Я не думаю; с тех пор как он уехал во Францию, я не переставал упражняться; при лишних очках я выиграю. Но ты не можешь себе представить, какая тяжесть здесь у меня на сердце; но это всё равно.

Горадио

Нет, дорогой мой принц.

Гамлет

Это, конечно, глупости; но это словно какое-то предчувствие, которое, быть может, женщину и смутило бы.

Горадио

Если вашему рассудку чего-нибудь не хочется, то слушайтесь его. Я предупрежу их приход сюда и скажу, что вы не расположены.

Гамлет

Отнюдь! Нас не страшат предвестия; и в гибели воробья есть особый промысел. Если теперь, так, значит, не потом; если не потом, так, значит, теперь; если не теперь, то всё равно когда-нибудь; готовность, это — всё. Раз ни один человек не знает, с чем он расстаётся, то не всё ли равно — расстаться рано? Пусть будет. (Входят король, королева, Лаэрт и вельможи, Осрик и другие приближенные с рапирами и рукавицами. Стол и на нем кувшины с вином.)

Король

Тебе вручаю эту руку, Гамлет. *(Король кладет руку
Лаэрта в руку Гамлета.)*

Гамлет

Простите, сударь, я вас оскорбил;
Но вы простите мне, как дворянин.
Собравшимся известно, да и вы
Наверно слышали, как я наказан
Мучительным недугом. Мой поступок,
Задевший вашу честь, природу, чувство, —
Я это заявляю, — был безумьем.
Кто оскорбил Лаэрта? Гамлет? Нет;
Ведь, если Гамлет разлучен с собою
И оскорбляет друга, сам не свой,
То действует не Гамлет; Гамлет чист.
Но кто же действует? Его безумье.
Раз так, он сам из тех, кто оскорблен;
Сам бедный Гамлет во вражде с безумьем.
Здесь, перед всеми,
Отрекшись от умышленного зла,
Пусть буду я прощен великодушно
За то, что я стрелу пустил над кровлей
И ранил брата.

Лаэрт

Примирен мой дух,
Который должен бы всего сильнее
Взывать к отмщенью; но в вопросе чести
Я в стороне, и я не примирюсь,
Пока от старших судей строгой чести
Не получу пример и голос к миру,
Чтобы мое не запятналось имя.
Любовь же принимаю, как любовь,
И буду верен ей.

Г а м л е т

Сердечно вторю
И буду честно биться в братской схватке. —
Подайте нам рапиры.

Л а э р т

Мне одну.

Г а м л е т

Моя неловкость вам послужит фольгой,⁷³
Чтоб мастерство, как в сумраке звезда,
Блеснуло ярче.

Л а э р т

Вы смеетесь, принц.

Г а м л е т

Клянусь рукой, что нет!

К о р о л ь

Подай рапиры, Осрик. — Милый Гамлет,
Заклад тебе знаком?

Г а м л е т

Да, государь;
И ваш заклад на слабой стороне.

К о р о л ь

Я не боюсь; я видел вас обоих;
Он стал искусней, но дает вперед.

Л а э р т

Нет, тяжела; нельзя ли мне другую?

Г а м л е т

Мне по руке. Длина у всех одна?

О с р и к

Да, принц.

(Гамлет и Лаэрт готовятся к бою.)

К о р о л ь

Вино на стол поставьте. — Если Гамлет
Наносит первый иль второй удар,
Или дает ответ при третьей схватке,
Из всех бойниц велеть открыть огонь;
За Гамлета король подымет кубок,
В нем растворив жемчужину, ценнее
Той, что носили в датской диадеме
Четыре короля. Подайте кубки!
И пусть литавра говорит трубе,
Труба сторожевому пушкарю,
Орудья небу, небеса земле:
«Король пьет здравье Гамлета!» — Начнемте. —
А вы следите зорким оком, судьи.

Г а м л е т

Начнем.

Л а э р т

Начнемте, принц.

(Бьются.)

Г а м л е т

Раз.

Л а э р т

Нет.

Г а м л е т

На суд.

О с р и к

Удар, отчетливый удар.

Л а э р т

Что ж, дальше.

Король

Постойте; выпьем. — Гамлет, жемчуг — твой.
Пью за тебя.

(Звуки труб и пушечные выстрелы за сценой.)

подайте кубок принцу!

Гамлет

Сперва еще сражусь; пока отставьте. —
Начнем.

(Бьются.)

Опять удар; ведь вы согласны?

Ларт

Задет, задет, я признаю.

Король

Наш сын

Одержит верх.

Королева

Он тучен и одышлив. —
Вот, Гамлет, мой платок; лоб оботри.
За твой успех пьет королева, Гамлет.

Гамлет

О, государыня!..

Король

Не пей, Гертруда!

Королева

Мне хочется; простите, государь.

Король (*в сторону*)

Отравленная чаша! Слишком поздно!

Гамлет

Еще я не решаюсь пить; потом.

Королева

Приди, я оботру тебе лицо.

Лаэрт

Мой государь, теперь я трону.

Король

Вряд ли.

Лаэрт *(в сторону)*

Почти что против совести, однако.

Гамлет

Ну, в третий раз, Лаэрт; и не шутите;
Деритесь с полной силой; я боюсь,
Вы неженкой считаете меня.

Лаэрт

Вам кажется? Начнем.

(Бьются.)

Осрик

Впустую тот и этот.

Лаэрт

Берегитесь!

(Лаэрт ранит Гамлета; затем, в схватке, они меняются рапирами, и Гамлет ранит Лаэрта.)

Король

Разнять! Они забылись.

Гамлет

Нет, еще.

(Королева падает.)

Осрик

Смотрите же, что с королевой! Стойте!

Г о р а ц и о

В крови тот и другой. — В чем дело, принц?

О с р и к

Лаэрт, в чем дело?

Л а э р т

В свою же сеть кулик попался,⁷⁴ Осрик;
Я сам своим наказан вероломством.

Г а м л е т

Что с королевой?

К о р о л ь

Видя кровь, она
Лишилась чувств.

К о р о л е в а

Нет, нет, питье, питье...
О Гамлет мой... — питье!.. Я отравилась! (*Умирает.*)

Г а м л е т

О злодеянье! — Эй! Закройте двери!
Предательство! Найти его немедля!

(Лаэрт падает.)

Л а э р т

Оно здесь, Гамлет. Гамлет, ты убит;
Нет зелья в мире, чтоб тебя спасти;
Ты не хранишь и получаса жизни;
Предательский снаряд — в твоей руке,
Наточен и отравлен; злым коварством
Сражен я сам; смотри, вот я лежу,
Чтобы не встать; погибла мать твоя.
Я не могу... король... — король виновен!

Г а м л е т

Клинок отравлен тоже!
Ну, так за дело, яд! (*Поражает королл.*)

Все

Измена!

Король

Друзья, на помощь! Я ведь только ранен.

Гамлет

Вот, блудодей, убийца окаленный,
Пей свой напиток! Вот тебе твой жемчуг!
Ступай за матерью моей!

(Король умирает.)

Лаэрт

Расплата

Заслужена; он сам готовил яд.
Простим друг другу, благородный Гамлет.
Да будешь ты в моей безвинен смерти
И моего отца, как я в твоей! (Умирает.)

Гамлет

Будь чист пред небом! За тобой иду я. —
Горадио, я гибну. — Мать, прощай! —
Вы, с трепетом и бледностью чела
Безмолвно созерцающие это,
Когда б я мог (но смерть, свирепый страж,
Хватает быстро), о, я рассказал бы...
Но всё равно... Горадио, я гибну;
Ты жив; поведай правду обо мне
Незнающим.

Горадио

Нет, этому не быть!
Я римлянин, не датчанин душою;
Есть влага в кубке.

Гамлет

Если ты мужчина,
Дай кубок мне; оставь; дай, я хочу.

О друг, какое раненое имя,
Скрой тайна всё, осталось бы по мне!
Когда меня в своем хранил ты сердце,
То отстранись на время от блаженства,
Дыши в суровом мире, чтоб мою
Поведать повесть.

(Марш вдали и выстрелы за сценой.)

Что за бранный шум?

О с р и к

То юный Фортиnbrас пришел из Польши
С победою и этот залп дает
В честь английских послов.

Г а м л е т

Я умираю;

Яд поборол меня; я не услышу
Вестей из Англии. Но предрекаю:
Избрание падет на Фортиnbrаса;
Мой голос умирающий — ему;
Так ты ему скажи и всех событий
Открой причину. Дальше — тишина. (Умирает.)

Г о р а ц и о

Почил высокий дух. — Спи, милый принц.
Спи, убаюкан пенем херувимов! —
Зачем всё ближе барабанный бой?

Марш за сценой. Входят Фортиnbrас и английские послы
с барабанным боем, знаменами, и свита.)

Ф о р т и н б р а с

Где это зрелище?

Г о р а ц и о

Что ищет взор ваш?
Коль скорбь иль изумленье, — вы нашли.

Что ищет взор ваш?
Коль скорбь иль изумленье, — вы нашли.

Фортинбрас

Вся эта кровь кричит о бойне. — Смерть!
О, что за пир подземный ты готовишь,
Надменная, что столько сильных мира
Сразила разом?

Первый посол

Этот вид зловещ;
И английские вести опоздали:
Бесчувствен слух того, кто должен был
Услышать, что приказ его исполнен,
Что Розенкранц и Гильденстери мертвы.
Чьих уст нам ждать признательность?

Горадио

Не этих,

Когда б они благодарить могли:
Он никогда не требовал их казни.
Но так как вам из Англии, а вам
Из Польши прямо на кровавый суд
Пришлось поспеть, пусть на помост высокий
Положат трупы на виду у всех;
И я скажу незнающему свету,
Как всё произошло; то будет повесть
Кровавых, лютых, изуверных дел,
Сужденных кар, негаданных убийств,
Смертей, лукавством и нуждой творимых,
И наконец коварных козней, павших
На головы зачинщиков. Всё это
Я изложу вам.

Фортинбрас

Поспешим услышать
И созовем знатнейших на собранье.
А я, скорбя, свое приемлю счастье:
На это царство мне даны права,
И заявить их мне велит мой жребий.

Г о р а ц и о

Об этом также мне сказать придется
Из уст того, чей голос многих скличет.
Но поспешим, пока умы в тревоге,
Чтоб не было ошибок, смут и бедствий.

Ф о р т и н б р а с

Пусть Гамлета поднимут на помост,
Как воина, четыре капитана;
Будь призван он, пример бы он явил
Высокоцарственный; и, в час отхода,
Пусть музыка и бранные обряды
Гремят о нем.
Возьмите прочь тела! Подобный вид
Пристоен в поле, здесь он тяготит.
Войскам открыть пальбу.

(Похоронный марш. Уходят, неся тела; после чего раздается пушечный залп.)

Привет тебе, Макбет, король в грядущем!

(Макбет. Акт I. Сцена III.)

МАКБЕТ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дункан, король Шотландии.

Малькольм }
Дональбайн } его сыновья.

Макбет }
Банко } полководцы королевской армии.

Макдуф }
Ленокс }
Росс } шотландские вельможи.
Ментит }
Ангус }
Катнесс }

Флинс, сын Банко.

Сивард, граф Нортемберлендский, английский полководец.

Молодой Сивард, его сын.

Сейтон, офицер из свиты Макбета.

Мальчик, сын Макдуфа.

Английский доктор.

Шотландский доктор.

Сержант.

Привратник.

Старик.

Леди Макбет.

Леди Макдуф.

Придворная дама при леди Макбет.

Геката.

Три ведьмы.

Дух Банко и другие призраки.

Лорды, дворяне, офицеры, солдаты, убийцы, слуги и гошцы.

Действие происходит в Шотландии и Англии.

АКТ ПЕРВЫЙ

СЦЕНА I

На пустынном месте. Гром и молния.

(Входят три ведьмы.)

Первая ведьма

Когда нам вновь сойтись втроем
Под ливень, молнию и гром?

Вторая ведьма

Когда мечей затихнет звон,
И будет брашный спор решен.

Третья ведьма

Когда зардеет небосклон.

Первая ведьма

Где место?

Вторая ведьма
Степь в закатный час.

Третья ведьма
Там встреча с Макбетом ждет нас.

Первая ведьма
Иду, Мурлыка!

Все вместе
Жабы зов!

Добро и зло — один обман.
Летим в сырой, гнилой туман!
(Исчезают.)

СЦЕНА II

Лагерь около Форреса.

(Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Леноксо со свитой,
встречая истекающего кровью сержанта.)

Дункан

Кто этот воин, весь в крови? Он нам,
Судя по виду, может сообщить
О мятеже все новости.

Малькольм

То воин

Отважный, благородный: он меня
От плена спас. — Здорово, храбрый друг!
Поведай о сраженьи королю:
Чем кончилось?

Сержант

Исход неясен был.

Войска подобны были двум пловцам,
Которые, сцепившись, не дают
Друг другу плыть. Свирепый Макдональд,
Достойный быть изменником, — так в нем,
Рожь, множатся мерзости природы, —

От западных собрал он островов
Отряды вспомогательные кернов; ¹
И, улыбнувшись распре злой, Фортуна
Пособницей мятежнику была.
Но храбрый Макбет, — да, он заслужил
Такое имя, — презирая рок,
Сжимая сталь, дымящуюся кровью,
Любимец славы, к подлому врагу
Пробил себе дорогу.
Не жал руки и не прощался с ним,

Но, череп раскроив до челюстей,
Его главой венчал твердыни башен.

Д у н к а н

Кузен наш храбрый! Славный дворянин!

С е р ж а н т

Как солнечный восход несет с собою
Порывы бурь, губящих корабли,
Так в радости лежит исток печали.
Заметь, король Шотландии, заметь:
Лишь правда, с доблестью вступив в союз,
Заставила бежать проворных кернов,
Как властелин норвежский, уловив
Удобный час, с отрядом свежих сил
В бой ринулся...

Д у н к а н

И что же, испугали
Они Макбета с Банко?

С е р ж а н т

Испугали,
Как воробьи — орлов, иль зайцы — львов.
Сказать по правде, словно два орудья,
Двойным перегруженные огнем,
Они удвоили удары на врага:
Омыться ли в крови горящих ран
Хотелось им, иль повторить Голгофу, ²
Не знаю я...
Слабею, к помощи взывают язвы...

Д у н к а н

Тебе к лицу твои слова и раны:
В них дышит честь. Позвать к нему врачей!

(С е р ж а н т уходит.)

Кто там идет?

М а л ь к о л ь м
Достойный Русский тан.
(Входит Росс.)

Л е н о к с

В его глазах поспешность: видно, он
Явился к нам с необычайной вестью.

Р о с с

О государь, да сохранит вас бог!

Д у н к а н

Откуда ты, достойный тан? ³

Р о с с

Из Файфа,

Великий государь, где наше войско
Норвежские знамена охлаждают. ⁴
Король норвежский
С несметным войском и с Кавдорским таном,
Изменником, ужасный начал бой,
Покуда сам, закованный в броню,
Макбет, Беллоны друг, не спибся с ним
Грудь с грудью и рука с рукой, сломив
Его строптивый дух. В конце концов,
Победа нам досталась.

Д у н к а н

Это счастье!

Р о с с

Свенон, король норвежский, просит мира.
Но воинов его похоронить
Мы не позволили, пока в Сент-Кольме
Он десять тысяч долларов не дал.

Д у н к а н

Кавдорский тан нас не обманет впрямь,

Иди к нему со смертным приговором,
Кавдорским таном Макбета поздравь.

Россе

Исполню это.

Дункан

Его потеря — выигрыш Макбета.

СЦЕНА III

Степь. Гром.

(Входят три ведьмы.)

Первая ведьма

Где ты была, сестрица?

Вторая ведьма

Свиной колола.

Третья ведьма

А ты, сестрица, где?

Первая ведьма

Жена моряка на коленях держала орехи
И грызла, и грызла, и грызла. «Орешков мне дай»,
говорю я.
«Вон, ведьма!» вскричала оплывшая жиром обжора.
Уехал в Алеппо⁵ ее муженек: он шкипер на «Тигре»;
На решетке взмен плота
Помчусь, как крыса без хвоста,
Помчусь, помчусь туда!

Вторая ведьма

Мой ветер я тебе дарю.

Первая ведьма

Благодарю.

Третья ведьма

И я своим тебе повею.

Первая ведьма

Другими я сама владею.
Каждый порт от них гудит,
Дуют там, куда глядит
Компас моряка.
Высохнет, как сено, он;
И ни днем, ни ночью сон
Не придет глаза смежить;
Как проклятый, будет жить,
Чтоб в бесчисленных ночах
Он худел, хирел и чах.
Хоть спасется его челн,
Быть ему игрушкой волн.
Погляди-ка!

Вторая ведьма

Покажи.

Первая ведьма

Палец лоцмана в руке,
Потонул невдалеке
Он от дома.

(Слышен барабан.)

Третья ведьма

Барабан!
Чу! Идет Гламисский тан.

Все вместе

Сестры, вверх! Рука с рукой!
Над равниною морской,
Над землей летим кругом!
Круга три да три заплесть,
Три еще — и девять есть.
Тише, чары свершены!

(Входят Макбет и Банко.)

Макбет

Был тяжек день, но также и прекрасен.

Банко

До Форреса далеко ль? — Это кто,
И тощие и дикие на вид?
Подобных не бывает на земле.
И все ж, они на ней. — Живые ль вы?
Поймете ли меня, когда спрошу вас?
Вот каждая растрескавшийся палец
К губам иссохшим приложила. — Верно,
Вы — женщины, но бороды про вас
Другое говорят.

Макбет

Скажите, кто вы?

Первая ведьма

Привет тебе, Макбет, Гламисский тан!

Вторая ведьма

Привет тебе, Макбет, Кавдорский тан!

Третья ведьма

Привет тебе, Макбет, король в грядущем!

Банко

Любезный сэр, вы вздрогнули? Вас в страх
Повергла эта речь? — Во имя правды,
Вы призраки иль в самом деле то,
Чем кажетесь? Вы друга моего
Приветствовали милостью великой,
И предсказаньем царственной надежды
Взволнован он. Скажите также мне,
Когда ваш взор, в посев времени проникнув,
Грядущих входов зерна различает,
Скажите мне! О милости у вас
Я не прошу и не боюсь вражды.

Первая ведьма

Привет!

Вторая ведьма

Привет!

Третья ведьма

Привет!

Первая ведьма

Ниже, чем Макбет, и выше.

Вторая ведьма

И несчастней и счастливей.

Третья ведьма

Ты — корень королей, но не король.
Да здравствуют Макбет и Банко!

Первая ведьма

Привет вам, Банко и Макбет!

Макбет

Ясней скажите, темные вешуньи!
Со смерти Синеля я — тан Гламисский.
Но как же Кавдор? Тан Кавдорский жив
И благоденствует! А королем
Шотландии мне сделаться не легче,
Чем Кавдором. Откуда же у вас
Такие мысли странные? Зачем
В сухой степи вы нас остановили
Пророческим приветом? Говорите.

(Ведьмы исчезают.)

Банко

В земле, как и в воде, есть пузыри;
И эти — из земли. Куда исчезли?

Макбет

Развевалось то, что казалось телом,
Как ветра вздох. Когда б они остались!

Банко

Действительно ли были здесь они?
Иль съели мы дурманящего корня,
Который ум сковал?

Макбет

Твоим потомкам
Назначен трон.

Банко

Ты будешь королем.

Макбет

Кавдорским таном также, если верить?

Банко

Да, так они вещали. Кто пришел?

(Входят Росс и Ангус.)

Росс

Король был счастлив, Макбет, получить
Известье о твоём успехе; он,
Читая донесенье о борьбе
Твоей с бунтовщиками, изумлялся,
Его хвалы умолкли. Он следил,
Как весь остаток дня в рядах норвежских
Отважно ты сражался, не страшась
Видений смерти, созданных тобою.
Как частый град, являлись с поля битвы
Гонцы к нему, и каждый приносил
Хвалы тебе, опоре королевства,
К его стопам слагая их.

А н г у с

Чрез нас

Тебе прислал свою он благодарность
И пригласить тебя велел к нему.
Награды после жди.

Р о с с

В залог ее

Король мне повелеял тебя поздравить
Кавдорским таном. Благородный тан,
Вот — титул твой!

Б а н к о (*в сторону*)

Как! Дьявол не солгал?

М а к б е т

Но жив Кавдорский тан! Зачем рядить
Меня в чужое платье?

А н г у с

Хоть и жив,

Кто таном был, но тяжкий приговор
Над ним повис. В союзе ли он был
С Норвежцем, или тайно помогал
Мятежнику, иль родине на гибель
С обоими он действовал, не знаю, —
Но ясно всем предательство его:
Он уличен.

М а к б е т (*в сторону*)

Гламисский тан, Кавдорский!

А дальше — трон! .. (*Россу и Ангусу.*) Благодарю за труд
(*Тихо к Банко.*) А ты надеешься, что королями
Твои потомки будут, как сказали
Назвавшие меня Кавдорским таном.

Б а н к о

Не воспылай стремлением к венцу
Вслед за Кавдорским танством. Это страшно:

Орудья тьмы, желая нас сгубить,
Порою нам пророчествуют правду
И, честными безделками прельстив,
Обманывают в том, что нам важнее. —
Кузены, на два слова.

Макбет (*в сторону*)

Их предсказанья дважды оправдались.
Уже пролог разыгран царской драмы;
Она растет. (*Россу и Аннису.*) Благодарю вас, лорды.
(*В сторону.*) Нет, этот сверхъестественный призыв
Ни зол, ни добр. Когда он зол, зачем
Он сразу мне послал залог успеха
И с правды начался? Я — таи Кавдорский.
Когда он добр, зачем от страшных грез
Поднялись волосы на голове
И сердце ударяется о ребра
Наперекор природе? Страх прямой
Не так гнетет, как бред воображенья.
Одна лишь мысль, где встал убийства призрак,
Покой души нарушила, все силы
Во мне сковав, и грезы заслонили
Весь мир вокруг.

Банко

Как сильно он взволнован!

Макбет (*в сторону*)

Пускай судьба сама меня венчает,
Без моего участия.

Банко

Смущен

Он честью новой, как чужой одеждой:
Пока нова, неловко как-то в ней.

Макбет (*в сторону*)

Что будет, будь; пусть свет сменяет тень:
Часы бегут чрез самый бурный день.

Банко

Достойный Макбет, мы вас ждем давно.

Макбет

Прошу простить: мой утомленный мозг
Блуждал в забытом. Господа, ваш труд
Записан там, где ежедневно я
Привык читать. Идемте к королю.

(Тихо к Банко.) Запомни то, что было; ход времен
Прольет свой луч на все, и мы тогда
Поговорим, открыв друг другу сердце.

Банко (тихо Макбету)

Я очень рад.

Макбет (тихо к Банко)

Пока молчи. — Идем!

(Уходят.)

Ведьмы презирают Макбета, а затем короля. Исполняют великие и Кавдорский таинственный

СЦЕНА IV

Форрес. Комната во дворце.

(Трубы. Входят Дункан, Малькольм, Дональбайн, Ленокс и свита.)

Дункан

Казнен Кавдорский таин? Вернулись те,
Кому приказ мы дали?

Малькольм

Государь,

Они не возвратились, но я видел
Свидетеля его кончины; он
Мне сообщил, что таин чистосердечно
Покаялся в измене и молил вас
Простить его. Расстаться с этой жизнью
Сумел он лучше, чем прожить ее.

Он умер так, как будто научился,
Как надо умирать: отбросив то,
Что нам при жизни кажется ценнейшим,
Как жалкую безделку.

Д у н к а н

Не дано нам
Читать в душе по выраженью лиц.
К нему я безусловное доверье
Всегда питал.

(Входят Макбет, Банко, Росс и Ангус.)

Достойнейший кузен!

Неблагодарности тяжелый грех
На мне лежал. Ты так летел вперед,
Что не могли моей награды крылья
Тебя настичь. Когда бы заслужил
Ты меньшего, я мог бы отплатить
Тебе ценой достойной; но теперь
Я не могу тебе воздать, как надо.

М а к б е т

Служить вам верно — долг мой, государь,
И в нем — моя награда. Должно вам
От нас услуги принимать, а нам
Лишь быть детьми и слугами престола,
Которых долг прямой — исполнить все,
Чтоб заслужить от вас любовь и честь.

Д у н к а н

Я сам взрастил тебя и потружусь,
Чтоб ты расцвел во всей красе и силе. —
Мой благородный Банко, ты не меньше
Нам послужил; позволь тебя обнять,
Прижавши к сердцу.

Б а н к о

Если в нем взойду я,
То жатва — ваша.

Дункан

Счастья полнота

Свой радостный избыток хочет скрыть
Росою скорби. — Сыновья и таны
И все, кто близки нам, отныне знайте,
Что мы решили завещать престол
Малькольму, сыну старшему, и титул
«Принц Кемберлендский» мы даем ему.
Но и других коснется наша милость:
Как звезды засияют знаки чести
На всех достойных. — Едем в Инвернес:
Там наш союз скрепим!

Макбет

Покой мне в тягость, коль он вам не служит;
Я вестником помчусь и слух жены
Известием о вашем посещеньи
Обрадую.

Дункан

Мой благородный Кавдор!

Макбет (*в сторону*)

Принц Кемберлендский — вот он, тот порог,
Где одолеть иль пасть велит мне рок!
Не озаряйте, звезды, с вышины
Моих желаний черной глубины!
Пускай пугливый взор не различит
То, что во тьме рука моя свершит.

(Уходит.)

Дункан

Достойный Банко, правда, он так храбр,
Что похвала ему для уст моих
Как лакомство. Последуем за ним.
Спешит он, чтобы встретить нас радушно.
Он — человек бесценный.

(Трубы. Уходят.)

Макбет и Банко у короля
Банко, Король завещает королевство сыну
Малькольму

СЦЕНА V

Ивернес. Замок Макбета.

(Входит леди Макбет, читая письмо.)

Леди Макбет

«Я встретился с ними в день удач и достоверно узнал, что они обладают знаниями выше человеческих. Когда я сгорал желанием расспросить их дальше, они превратились в воздух, в котором исчезли. Пока я стоял, охваченный изумлением по поводу этого, пришли посланцы короля, которые поздравили меня таном Кавдорским. Этим самым титулом меня приветствовали перед тем, как встать сестры, предсказав еще больше восклицанием: «Да здравствует король!» Я счел за благо уведомить об этом тебя, дорогая соучастница моего величия, чтобы ты не была лишена своей доли радости, не зная об обещанном тебе величии. Сохрани это в сердце своем и прощай».

Да, Гламис ты и Кавдор, и ты будешь
Тем, что тебе обещано. Но я
Боюсь твоей природы, что полна
Молочной доброты: она мешает
Тебе избрать кратчайший путь. Ты хочешь
Великим быть, и ты честолюбив;
Но ты лишен способности к злодейству.
Безгрешно ты б хотел добиться цели,
Играя чисто, выиграть бесчестно.
Услышь призыв: «Ты должен сделать все,
Что повергает в страх, что ты хотел бы
Не совершать». Скорей снени сюда,
Чтоб в уши я тебе влила мой дух
И языком разрушила преграды
Между тобой и золотым венцом;
Судьба и сверхъестественные силы
Тебя венчали им.

(Входит гонец.)

Какие вести?

Гонец

Король сюда прибудет к ночи.

Леди Макбет

Ты

Сошел с ума! Не с ним ли господин твой?
Будь это так, меня б он известил.

Гонец

Простите, это правда. Тан — в дороге;
Другой гонец его опередил:
Задохшийся дополу смерти, он
Чуть говорил.

Леди Макбет

Займись же им; большую
Принес он весть.

(Гонец уходит.)

И ворон сам^б охрип.

Прокаркавший нам здесь приезд Дункана
Нежданный, роковой. Слетайтесь вы,
Смертельных мыслей духи, измените
Мой женский пол, от головы до пят
Меня жестокой злобой напоите.
Сгустите кровь мою, закройте путь
К раскаянью, чтоб голоса природы
Не колебали замыслов моих
При их осуществлении. Прильните
К моим сосцам и превратите в желчь
Их молоко вы, демоны убийства,
Где б вы незримой силой ни служили
Погибели! Приди, густая ночь,
Окутанная мгlistым дымом ада,
Чтоб нож не видел ран, им нанесенных,
Чтоб небо, разорвав покровы мрака,
Не закричало: «Стой!»

(Входит Макбет.)

Великий Гламис,

Достойный Кавдор и король в грядущем!
Твое письмо перенесло меня

За грань ничтожных дверей, и в этот миг
И будущим полна.

Макбет

О дорогая,
Дункан придет к ночи.

Леди Макбет

А уедет?

Макбет

Предполагает завтра.

Леди Макбет

Никогда

Над этим «завтра» солнце не взойдет.
Твое лицо, мой тан, подобно книге,
Где можно вещи странные прочесть.
Чтоб время обмануть, пусть дышат лаской
Твои глаза и речь: цветком невинным
Ты выгляди, но будь под ним змеей.
Принять должны мы короля радушно,
Но предоставь мне дело этой ночи,
Чтоб ночи все и дни мы пили власть
Державный блеск и царственную власть.

Макбет

Поговорим потом.

Леди Макбет

Но только будь
Светлей лицом, чтоб страх их обмануть.
О прочем позабочусь я сама.

Слетайтесь вы,
Смертельных мыслей духи.

Везде Мертвые разлагаются только один
Ступенью к смерти — умирает в душе
Короли.

СЦЕНА VI

Перед замком Макбета.

(Трубы. Входят при свете факелов Дункан, Малькольм, Дональ-
байн, Банко, Ленокс, Макдуф, Росс, Ангус и свита.)

Дункан

Приятно расположен этот замок,
И воздух благорастворенный нам
Ласкает чувства.

Банко

Этот летний гость,
Ютящийся в карнизах храма, стриж,
Доказывает нам, что небеса
Здесь веют миром. Нет ни уголка,
Ни выступа стены, где б эта птица
Не прилепила зыбкую постель.
Я замечал, что где они гнезятся,
Там воздух чист.

(Входит леди Макбет.)

Дункан

Почтенная хозяйка!

Любовь порой бывает в тяготу,
Но мы ей благодарны. Так и вы
Создателя и нас благодарите
За труд и хлопоты.

Леди Макбет

Услуги наши,
Когда бы их удвоили мы дважды,
Ничтожны по сравнению с той честью,
Которую вы оказали нам,
Великодушно посетив наш дом.
За старые и новые щедроты
О вас мы бога молим.

Дункан

Где же Кавдор?

За ним мы мчались по пятам, стараясь
Опередить его. Он скачет быстро!
Любовь его, как шпоры, подгоняла,
И он приехал раньше. Госпожа,
Мы — ваши гости.

Леди Макбет

Мы — к услугам вашим.

Самих себя и все, чем мы владеем,
Считаем вашим мы, всегда готовы
Дать вашему величеству отчет
И предоставить все.

Дункан

Так дайте руку.

К хозяину пойдем; его мы любим
И милостями будем осыпая.
Прошу, миледи; мы идем за вами.

(Уходят.)

Дункан, Леди Макбет

СЦЕНА VII

Замок Макбета.

(Гобой и факелы. Через залу проходят кравчий и разные слуги с блюдами и посудой. Затем входит Макбет.)

Макбет

Да, если б все кончалось сразу, мы бы
Не колебались. Если бы убийство
Могло, учтя все следствия, добиться
Успеха, если бы одним ударом
Раз навсегда решалось все хоть здесь,
Да, здесь, на этой отмели времен, —

О будущей не думали б мы жизни.
Но суд нас ждет и здесь; лишь только дан
Урок кровавый, тотчас же обратно
Он падает на голову того,
Кто это совершил. И правосудье
Рукой бесстрастной чашу с нашим ядом
Подносит к нашим же губам. Король
Здесь отдыхает под двойной охраной:
Во-первых, я — и родственник его —
И подданный; затем, я, как хозяин,
Закреть перед убийцей должен дверь,
А не идти к нему с ножом. К тому же
Дункан царил так благостно и кротко,
Так ясен был в своем великом сане,
Что доблести его возопиют,
Как трубы ангелов, грозя проклятьем,
И жалость, как нагой новорожденный
Младенец, как небесный херувим,
По воздуху, незримая, помчится,
Дохнет ужасным делом всем в глаза,
И вихрь в слезах утонет. Не могу
Мой замысел прищипорить; честолюбье
Вздывается, чтобы вскочить в седло,
И на сторону валится.

(Входит леди Макбет.)

Ну, что же?

Леди Макбет

Уж он кончает ужинать. Зачем
Из комнаты ты вышел?

Макбет

Про меня

Он спрашивал?

Леди Макбет

Могло ли быть иначе!

Макбет

Не будем это дело продолжать.
Он так меня почтил, и приобрел
На родине я золотую славу.
Хочу в наряде новом поблистать:
Жаль с ним расстаться...

Леди Макбет

Иль твоя надежда

Была пьяна и высналась теперь
И бледная, зеленая глядит
На прежнюю решимость? С этих пор
Я о любви твоей того же мнения.
Боишься ты на деле храбрым быть,
Каким желаешь? Хочешь ты иметь
То, что считаешь украшеньем жизни,
Оставшись трусом в собственных глазах?
Твое «хочу» слабеет пред «не смею»,
Как бедный кот в пословице? ⁷

Макбет

Молчи!

Дерзну на все, что смеет человек,
Кто смеет больше — зверь.

Леди Макбет

Какой же зверь

Тебя толкал поведать мне твой план?
Дерзнув на это, был ты человеком;
И, большим став, чем был, ты стал бы мужем
И больше человеком. Ведь тогда
Благоприятных времени и места
Ты не имел и их хотел создать.
Все сделалось само собой, — и ты
Теперь смущен? Кормила грудью я,
И знаю я, как сладостно любить
Сосущее дитя, когда оно
Смеется мне в лицо; но мой сосец
Я вырвала бы из беззубых десен
И размозжила б череп, если б я
Клялась, как ты.

Макбет

А если не удастся?

Леди Макбет

Удастся! Лишь отвагу напруги, —
Удастся все. Когда заснет Дункан,
Тяжелую дорогой утомленный,
Двоих телохранителей его
Я так вином и брагой напою,
Что память, сторож мозга, испарится,
И обратится в перегонный куб
Сосуд ума, и будут в свинском сне
Их пьяные тела подобны мертвым.
Чего тогда не сможем сделать мы
С Дунканом беззащитным? Свалим все

На пьяных слуг, и пусть вина убийства
Падет на них.

Макбет

Рожай мне сыновей!

Твой пыл бесстрашный должен создавать
Одних мужей. Ужель нам не поверят,
Когда мы сиящих слуг окрасим кровью
И пустим в ход кинжалы их, что это —
Работа их?

Леди Макбет

Кто смеет не поверить,
Когда раздастся наш плачевный вопль
Над этой смертью?

Макбет

Дело решено.
Я силы все скреплю на подвиг страшный.
Идем, и пусть сокроет лживый вид
Все то, что сердце лживое таит.

*Леди Макбет
и убийство короля*

АКТ ВТОРОЙ

СЦЕНА I

Ивернес. Двор замка Макбета.

(Входит Банко; впереди него Флинс с факелом.)

Банко

Который час, мой сын?

Флинс

Луна зашла. Я не слышал часов.

Банко

Она заходит в полночь.

Флинс

А сейчас

Уже поздней.

Банко

Возьми мой меч. На небе
Скупаются и не зажигают свеч.
Меня гнетет дремота, как свинец,
Но спать я не хотел бы. Силы неба,
От мыслей злых меня предохраните,
Смущающих во сне! Подай мне меч.

(Входит Макбет и слуга с факелом.)

Кто это?

Макбет

Друг.

Банко

Как! Ты еще не спишь?
Король в постели; он необычайно
Был радостен и щедро наградил
Всех ваших слуг. Супруге он твоей
Поднес алмаз, как лучшей из хозяек.
Безмерно он доволен.

Макбет

Я врасплох
Застигнут был; мое желанье было
Лишь скудости рабом и не могло
Свободно развернуться.

Банко

Все прекрасно.
Тайнственные сестры в эту ночь
Приснились мне; они отчасти правду
Тебе сказали.

Макбет

Я про них забыл;
Но если ты мне подаришь часок,
Об этом деле на досуге мы
Поговорим.

Банко

Когда тебе угодно.

Макбет

Вступив со мной в согласие, ты получишь
Почет.

Банко

Стремясь к его увеличению,
Не потерять бы вовсе! Впрочем, если
Он не противен верности и долгу,
Я соглашусь.

Макбет

Пока — спокойной ночи!

Банко

Благодарю; того же и тебе.

(Банко и Флинс уходят.)

Макбет

Ты госпоже скажи, чтобы она,
Питье мне приготовив, позвонила,
И спать иди.

(Слуга уходит.)

Что вижу я? Кинжал!
Дай мне схватить тебя за рукоять!
Ты ускользаешь, но тебя я вижу.
Иль только зрению доступен ты,
Не осязанью? Призрак роковой,
Кинжал мечты, дитя воображенья,
Что породил разгоряченный мозг!
Но нет: тебя я вижу так же ясно,
Как тот, что вынут мной.
Меня ведешь путем, каким я шел;
Такое же готовил я оружие.
Мои глаза — глупее прочих чувств

Иль лучше всех. Ты все передо мной!
На лезвее я вижу капли крови,
Которых не было... Все это — бред.
Мой замысел кровавый так морочит
Мои глаза. — Полмира спит теперь,
Мертва природа, только злые грёзы
Тревожат спящего, и волшебство
Свершает таинства Гекаты бледной;
И чахлое убийство, пробудясь
На волчий вой, неслышными шагами
Крадется, как прелюбодей Тарквиний,⁸
За жертвою скользя, как дух. — О ты,
Незыблемо стоящая земля!
Не слышь моих шагов, чтоб сами камни
Не закричали мне: «Куда идешь?»
Не отняли у мига этот ужас,
Что так ему к лицу! Но я грожу,
А он живет! Возможно ль, чтоб остыл
От долгих слов деянья гордый пыл?

(Звон колокола.)

Иду, свершилось; колокол зовет.
Дункан, не слушай похоронный звон:
В рай или в ад тебя торопит он.

(Уходит.)

СЦЕНА II

(Входит леди Макбет.)

Леди Макбет

Что оьянило их, — дало мне смелость;
Что потушило их, — меня зажгло.
Чу! То сова, зловещий страж, желает
Навек покойной ночи. Он — уж там...
Раскрыты двери; слуги пьяным храпом
Над долгом издеваются своим.
Я столько примешала злого зелья

В ночное их питье, что смерть с природой
Теперь за них в раздоре.

Макбет (*из другой комнаты*)

Кто там? Эй!

Леди Макбет

Увы! Я вся дрожу: они проснулись,
А ничего не сделано. Попытка,
А не деянье нас погубит... Чу!
Кинжалы слуг я положила рядом.
Он должен их найти. Не будь Дункан
Похож во сне на моего отца,
Я кончила бы с ним сама. — Мой муж!

(Входит Макбет.)

Макбет

Свершилось всё. Ты не слышала шума?

Леди Макбет

Сова визжала, и трещал сверчок.
Ты говорил?

Макбет

Когда?

Леди Макбет

Сейчас.

Макбет

За дверью?

Леди Макбет

Да.

Макбет

Тсс... Скажи, кто в комнате другой?

Леди Макбет

Там Дональбайн.

*Чу! То сова, злобещий страж, желает
Навек покойной ночи. Он — уж там.*

Макбет (*смотрит на свои руки*)

Какой плачевный вид!

Леди Макбет

Как это глупо! Где плачевный вид?

Макбет

Один захохотал во сне; другой
Вскричал: «Убийство!» — и проснулись. Я
Стоял и слушал. Помолившись, вновь
Они уснули.

Леди Макбет

Да, там двое спят.

Макбет

Один вскричал: «Умилосердись, боже!»
Другой: «Аминь!» как будто, увидав
Кровь на моих руках, они во мне
Узнали палача. А я не мог
Сказать «аминь», когда они сказали:
«Умилосердись, боже!»

Леди Макбет

Перестань.

Макбет

Зачем не мог я произнести «аминь»?
Нуждался я в молитве, но «аминь»
Застряло в глотке.

Леди Макбет

О таких делах

Не надо размышлять; иначе можно
С ума сойти.

Макбет

Казалось мне, что слышу
Я дикий вопль: «Не спите больше! Макбет

Зарезал сон!» — невинный сон, что нити
Развязывает у клубка забот,
Смерть будней и купель трудов тяжелых,
Бальзам болящих душ, вторую емену
За трапезой природы, на пиру
Великой жизни лучшее из блюд!

Леди Макбет

Что хочешь ты сказать?

Макбет

Разнесся крик:

«Не спите больше!», оглашая дом, —
«Гламис зарезал сон, отныне Кавдор
Не будет спать, не будет Макбет спать!»

Леди Макбет

Кто ж так кричал? О, мой достойный тап,
Ты силу благородную теряешь
В безумьи дум. Пойди, возьми воды
И смой с руки кровавую улику.
Зачем кинжалы ты принес сюда?
Их место там: пойди и спящих слуг
Запачкай кровью.

Макбет

Нет, я не пойду:

О том, что сделал я, мне страшно думать;
Взглянуть на это вновь я не дерзну.

Леди Макбет

Безвольный! Дай же мне кинжалы. Спящий
И мертвый — лишь картинки: только дети
Пред чортом намалеванным дрожат.
Коль он в крови, я лица слуг обоих
Вином кровавым вызолочу так,
Что их сочтут виновными.

(Уходит. Слышен стук.)

Макбет

Стучат!

О, что со мной? Пугает каждый звук!
Какие руки! Рвут они глаза.
Нет, весь великий океан Нептуна
Не смоет эту кровь с моей руки!
Скорей побагровеют волны моря,
Зардеет зелень их.

(Возвращается леди Макбет.)

Л е д и М а к б е т

Моя рука

Красна, как и твоя; но я стыжусь,
Что сердце у меня так бело.

(Слышен стук.)

Стук

В ворота южные! Скорее в спальню!
Воды немного — и отмоем все.
И как легко нам станет! Ты утратил
Все мужество!

(Слышен стук.)

Опять! Поди, надень
Ночной халат, чтобы не видно было,
Что мы не спим. Не предавайся только
Раздумьям жалким.

М а к б е т

Знать об этом деле...

Нет, лучше бы не знать себя!

(Слышен стук.)

Буди

Дункана, стук! О, если б он проснулся!

(Уходят.)

С Ц Е Н А Ш

Там же.

(Слышен стук. Входит привратник.)

П р и в р а т н и к

Вот это стук в самом деле! Если бы был привратник у ворот ада, пришлось бы ему повертеть ключом.

(Слышен стук.)

Стук, стук, стук! Кто там, во имя Вельзевула? ⁹ Это фермер,

*

который повесился в ожидании урожая¹⁰. Добро пожаловать! Довольно ли у тебя платков? Здесь придется тебе попотеть за это!

(Слышен стук.)

Стук, стук, стук. Кто там, во имя другого дьявола? Честное слово, это двурушник, который давал показания против той и другой стороны. Он предавал людей во славу божию, но ему не удалось обмануть небеса. Добро пожаловать, двурушник!

(Слышен стук.)

Кто там? Провались я на месте, если это не английский портной, что стянул малую толику от французских штанов¹¹. Милости просим, портной! Здесь ты можешь согреть свой утюг.

(Слышен стук.)

Стук, стук! Ни минуты покоя! Ты кто такой? Однако здесь для ада слишком холодно. Не хочу больше быть привратником у дьявола. А хотелось бы мне залучить по человечку изо всех сословий, что бегут по усеянной цветами дорожке к вечно горящему потешному костру.

(Слышен стук.)

Сейчас, сейчас! Прошу вас не забыть привратника¹².

(Отворяет ворота. Входят Макдуф и Ленокс.)

Макдуф

Должно быть, друг, ты поздно лег в постель,
Что поздно так встаешь?

Привратник

Ей богу, сударь, мы пьянствовали до вторых петухов; а пьянство, сударь, всегда производит три вещи.

Макдуф

Какие же три особенные вещи производит пьянство?

Привратник

Известное дело, сударь: красный нос, желание отлить и склонность ко сну.

Макдуф

Кажется, этой ночью вино тебя здорово одолевало?

Привратник

Да, оно навалилось на меня, но я отплатил ему за это надувательство; я, видно, был ему не под силу; оно уже несколько раз отнимало у меня ноги, но я изловчился и извергнул его.

Макдуф

Встал господин твой?

(Входит Макбет.)

Стук разбудил его: вот он идет.

Ленокс

Сэр, с добрым утром!

Макбет

С добрым утром, лорды!

Макдуф

Король уж встал с постели?

Макбет

Нет еще.

Макдуф

Он мне велел будить его чуть свет.
Едва я не проснал.

Макбет

Я провожу вас.

Макдуф

Приятен вам, я знаю, этот труд,
Но все ж он — труд.

Макбет

Не труд он мне, а радость.
Вот дверь к нему.

Макдуф

Осмелюсь разбудить,
Приказ исполнив точно.

(Уходит.)

Ленокс

Государь

Сегодня едет?

Макбет

Да, он так назначил.

Ленокс

Ночь бурная была: там, где мы спали,
Вихрь трубы поломал; как говорят,
Рыданья раздавались, вонли смерти
По воздуху, пророчествуя грозно
Ужасные события, мятежи
На горе нашим дням; и птица мрака¹³
Всю ночь кричала; говорят, земля
Тряслась как в лихорадке.

Макбет

Злая ночь!

Ленокс

На юной памяти моей не знаю
Подобной ночи.

(Входит Макдуф.)

Макдуф

О ужас! Ужас! Ужас! Ни язык
Не вымолвит, ни сердце не постигнет!

Макбет и Ленокс

Что, что случилось?

Макдуф

Высшее злодейство!

Убийца святотатственный взломал
Храм господа, помазанный слесем,
И жизнь украл.

Макбет

Что вы сказали? Жизнь?

Ленокс

Его величества?

Макдуф

Войдите в комнату, и ослепит
Вас новая Горгона: не просите,
Чтоб я сказал, взгляните, и тогда
Рассказывайте сами. *(Макбет и Ленокс уходят.)*

Пробудитесь!

В набат ударьте! Подлое убийство!
Измена! Банко! Дональбайн! Малькольм!
Стряхните мирный сон — подделку смерти;
Здесь смерть сама! Взгляните на нее!
Вот страшный суд! Малькольм и Банко! Встаньте,
Как духи из могил, чтобы узреть
Весь этот ужас! Бейте же в набат!

(Колокол. Входит леди Макбет.)

Леди Макбет

Что, что случилось? Чей призыв ужасный
Зовет из дома спящих? Говорите!

Макдуф

Я не могу, любезная хозяйка,
Вам повторить слова мои: в них — смерть
Для слуха женского.

(Входит Банко.)

О Банко! Банко!
Убит наш государь!

Леди Макбет

О, горе, горе!
У нас в гостях!

Банко

Где б ни было, ужасно!
Макдуф, мой милый, опровергни все;
Скажи, что это ложь.

(Входят Макбет и Ленокс.)

Макбет

Когда бы часом раньше умер я,
Я прожил бы блаженно; с этих пор
Все в мире обесценено, все прах,
Игра: в нем нет ни милости, ни славы.
Вино иссякло жизни; лишь осадком
Похвастать может бочка.

(Входят Малькольм и Дональбайн.)

Дональбайн

Что случилось?

Макбет

И вы еще не знаете? Иссяк
Священный ключ, источник вашей жизни.

Макдуф

Ваш царственный отец убит.

М а л ь б о л ь м

О, кем же?

Л е н о к с

Повидимому, спавшими при нем:
Покрыты кровью руки их и лица;
Нашли мы неотертые кинжалы
На их подушках.
Они глядели дико. Кто б доверил
Им жизнь свою?

М а к б е т

Раскаиваюсь я, что, разъярясь,
Зарезал их.

М а к д у ф

Зачем вы их убили?

М а к б е т

Кто может быть в один и тот же миг
Взбешен и хладнокровен, верен долгу
И равнодушен? Пыл моей любви
Опередил рассудок. Предо мной
Лежал Дункан, и золотая кровь
Серебряную кожу окаймляла;
На ней зияли раны, словно брешь,
В которую вломилась гибель. Вот
Убийцы спят, окрашенные цветом
Их ремесла! В запекшейся крови
Кинжалы их! Кто мог бы удержаться,
В чьем сердце и любовь живет и смелость,
Чтобы любовь не доказать!

Л е д и М а к б е т

На помощь!

Макдуф

Эй, слуги, к госпоже!

Малькольм (*тихо Дональбайну*)

Что ж мы безмолвны,
Когда нам это горе ближе всех?

Дональбайн (*в сторону, к Малькольму*)

Что говорить нам здесь, где наша гибель
Глядит на нас из каждого угла?

Скорей бежим!

Слезам еще не время.

Малькольм (*тихо Дональбайну*)

Да и скорбь

Еще таится.

Банко

Помогите ей!

(*Леди Макбет уносят.*)

Банко

Прикрывши наши бранные тела,
От холода страдающие, мы
Сойдемся вновь, чтоб это злодеянье
Расследовать. Сомнения и страх
Нас потрясли. Но бог — моя защита,
И я восстану против скрытых козней
Коварного злодейства.

Макдуф

Также я.

Все

Мы все.

Макдуф

Решимостью вооружась,
Сойдемся вместе в зале.

Все

Решено!

(Все уходят, кроме Малькольма и Дональбайна.)

Малькольм

Что ж делать? Нам не по дороге с ними:
Выказывать притворную печаль
Легко вралям. Я в Англию поеду.

Дональбайн

А я в Ирландию: обезопасим
Себя мы, наши судьбы разделив;
Ведь здесь в улыбке каждой скрыт кинжал,
И родичи опасней всех.¹⁴

Малькольм

Стрела

Еще летит; не будем ей мишенью
И убежим. Скорее на коней!
Не будем тратить время на прощанье;
Прочь, прочь! Когда пощада нас не ждет,
Ведь тот — не вор, кто сам себя крадет.

(Уходят.)

Король убит во сне Макбетом

СЦЕНА IV

За стенами замка Макбета.

(Входят Росс и старик.)

Старик

Лет семьдесят я помню хорошо:
За это время я видал немало
И страшных и диковинных вещей,
Но все они — пустяк пред этой ночью.

Росс

Да, дедушка, ты видишь, небеса
Деяниям кровавым человека

Грозят: часы показывают день,
Но светоч дня затмился ночью черной.
Стыдится ль день иль побеждает ночь, —
Но мрак густой лицо земли хоронит
И не дает лобзать его лучам.

С т а р и к

Да, это неестественно не меньше,
Чем то, что там случилось. В прошлый вторник
Я видел, как паривший в небе сокол
Совою был настигнут и заклеван.

Р о с с

А лошади Дункана — это странно,
Но достоверно, — кроткие всегда,
Своей породы перл, сломали стойло,
Взбесились и помчались, словно в бой
Хотели с человечеством вступить.

С т а р и к

Они загрызли, говорят, друг друга.

Р о с с

Да, на моих глазах, на диво мне.

(Входит Макдуф.)

Сюда идет Макдуф. — Ну, что творится
На белом свете, сэр?

М а к д у ф

Ты видишь сам.

Р о с с

Известно ль, кто свершил убийство?

М а к д у ф

Те,

Кого зарезал Макбет.

Россе

Но на что же
Надеялись они?

Макдуф

Их подкупили:
Сын короля Малькольм и брат его
Бежали тайно, этим подозренье
Навлекши на себя.

Россе

Как все идет наперекор природе!
О, расточительное честолюбье,
Ты собственных корней не бережешь!
Теперь престол получит, верно, Макбет?

Макдуф

Он наречен и уж уехал в Скоп
Короноваться.

Россе

Где же прах Дункана?

Макдуф

Его перевезли на Колум-Килл,¹³
В священную опочивальню предков,
Где кости их лежат.

Россе

Ты едешь в Скоп?

Макдуф

О, нет, — я в Файф.

Россе

А я туда поеду.

Макдуф

Прощай. Смотри, чтоб не пришлось признать,
Что в старом платье легче щеголять.

Росс

Прощай, старик!

Старик

Благослови вас бог, а также всех,
Кто обратит ко благу зло и грех.

(Уходят.)

*Поздравляю в доброту начало
на сыновей - Макбет нарисован королем.*

